

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 4 · 2017 · ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

<i>Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б.</i> Китай и США в мировом экономическом пространстве XXI в.	3
<i>Ульченко Н.Ю.</i> К вопросу о трансформации истоков турецких финансово-экономических кризисов в условиях глобализации . . .	16
<i>Тимонина И.Л.</i> Япония: стратегия продвижения креативных отраслей за рубеж	29
<i>Бойцов В.В.</i> Основные тенденции и особенности процесса глобализации в Юго-Восточной Азии	40
<i>Бочарова Л.С.</i> Арабские страны в мировом тренде развития атомной энергетики	49
<i>Касимовская Е.Н., Диденко М.П., Кобозев Я.С.</i> Глобализация, страновые риски и экономический рост в странах Азии и Африки: количественные сравнения	56
<i>Матюнина Л.Х.</i> Финансовые рынки стран АСЕАН-4: 20 лет после Азиатского кризиса	68
<i>Цветкова Н.Н.</i> Новые тенденции в глобализации и ТНК из стран Востока	86
<i>Барбошкина А.В.</i> Динамика и структура потребления природного газа в Китае	96
<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» в 2017 г.</i>	111

CONTENTS

Economics

<i>Friedman L.A., Karamursov R.B.</i> Positions of China and US in the World Economic Space of XXI Century	3
<i>Ulchenko N. Yu.</i> About the Sources of the Transformation of Turkish Financial and Economic Crises in the Globalization Period	16
<i>Timonina I.L.</i> Japan: a Strategy for the Promotion of Creative Industries Abroad	29
<i>Boitsov V.V.</i> The Basic Trends and Features of Globalization in South-East Asia	40
<i>Bocharova L.S.</i> Arab Countries within the World Nuclear Energy Development Trend	49
<i>Kasimovskaya E.N., Didenko M.P., Kobozev Ya.S.</i> Globalization, Country Risks, and Economic Growth in Asian and African Countries: Quantitative Comparisons	56
<i>Matyunina L.H.</i> Twenty Years after the Asian Crisis: Financial Development of Four ASEAN Countries	68
<i>Tsvetkova N.N.</i> New Trends in Globalization and TNCs from Asian Countries	86
<i>Baraboshkina A.V.</i> The Dynamics and Structure of Natural Gas Consumption in China	96
<i>Index of Articles and Other Matter</i> Published in the Journal “The Bulletin of Moscow University. Series 13. Vostokovedenie” in the Year 2017	111

ЭКОНОМИКА

Л.А. Фридман, Р.Б. Карамурзов

КИТАЙ И США В МИРОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI века¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена актуальным вопросам международных экономических сопоставлений на основе паритетов покупательной способности (ППС) валют. На примере двух крупнейших народных хозяйств – США и Китая – формулируется проблема адекватной оценки экономических потенциалов и уровней экономического развития различных стран и регионов мира. В частности, указываются недочеты нынешних методов МВФ и Всемирного банка, существенно ограничивающие возможности исследователей при анализе и прогнозировании динамики макроэкономических показателей, исчисленных на основе ППС валют. Подчеркивается невозможность расчета точных значений ВВП не только для развивающихся, но и для развитых стран, имеющих хорошо налаженные статистические службы. Обосновывается целесообразность пересмотра современной статистической практики корректировок ВВП на основе темпов экономического роста стран и новейших сведений о величине ППС валют.

Ключевые слова: геоэкономика; ВВП; ППС валют; Китай; США; темпы экономического роста.

Осенью 2014 г. ведущие периодические издания со ссылкой на МВФ опубликовали без преувеличения сенсационную новость: Китай стал самой большой экономикой мира². Речь шла о том, что величина китайского ВВП, исчисленная на основе ППС валют, впервые превзошла

Фридман Леонид Абрамович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и экономической географии, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: friedman@iaas.msu.ru).

Карамурзов Ренат Барасбиевич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Экология культуры Востока», Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: karamourzov@gmail.com).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях»

² См. соответствующие статьи, например, на интернет-сайтах *Financial Times* (<https://ftlphaville.ft.com/2014/10/07/1998332/moneysupply-the-new-world-economy-in-four-charts>), *Telegraph* (<http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11078885/China-overtakes-US-to-be-biggest-economy-by-2024.html>), *Business Insider* (<http://www.businessinsider.com/china-overtakes-us-as-worlds-largest-economy-2014-10>).

значения аналогичного показателя США³. И хотя специалистам давно известен факт того, что применение ППС валют в качестве переводных коэффициентов, как правило, приводит к «сближению» макроэкономических показателей стран «золотого миллиарда» и остального мира, значение этого «открытия» трудно переоценить, так как величина ВВП является одной из важнейших характеристик экономического размера (экономической мощи) стран и территорий. Принимая во внимание высокие темпы экономического роста Китая на протяжении последних десятилетий, неудивительно, что согласно данным официальной международной статистики положение Китая в качестве мирового лидера с 2014 г. только укрепилось.

В настоящей статье, как следует из ее названия, делается попытка выяснить масштабы изменений их положения относительно друг друга в начале XXI в. Однако, прежде чем перейти непосредственно к решению этих задач, представляется полезным рассказать об одном случае из международной статистической практики, имевшем место в самом начале XXI в.

В пятой главе майского выпуска доклада Международного Валютного Фонда «Обзор мировой экономики» (“World Economic Outlook”) за 2000 г. было помещено обширное исследование о росте мировой экономики в XX в.⁴ В нем, в частности, приведены сведения, характеризующие изменения в уровнях экономического развития нескольких десятков стран, произошедшие в соответствии с мнением авторов «Обзора...», с 1900 по 2000 г. Подробный анализ указанной главы «Обзора...» и выводов, следующих из ее содержания, имеется в работе Л.А. Фридмана «О многовариантности международных экономических сопоставлений» (2006)⁵. Несмотря на то что воспроизведение в полном объеме соответствующего раздела названного труда в рамках данного исследования не представляется возможным, отдельные выводы профессора Фридмана необходимо повторить, так как они имеют большое значение для тематики данной статьи.

Итак, согласно данным отчета МВФ, одним из итогов XX в. стало то, что к 2000 г. Китай по уровню экономического развития превзошел бывший СССР в 1,7 раза. Подвергнув сомнению этот вывод из-за его неправдоподобности, Л.А. Фридман выяснил, что причиной, по которой Китай «добился» столь впечатляющих успехов, является использование

³ Справедливости ради надо отметить, что этот факт открыто подвергается сомнению некоторыми исследователями; см., например, статью “China Is Not yet Number One”, опубликованную в журнале *Frontiers of Economics in China* в 2015 г. <https://wcfia.harvard.edu/files/wcfia/files/chinano1fec-2015-1-1.pdf>

⁴ World Economic Outlook: Asset Prices and the Business Cycle. May. Washington DC, 2000. P. 149–180.

⁵ См.: Фридман Л.А. О многовариантности международных экономических сопоставлений // Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. М., 2006. С. 53–71.

авторами доклада оценок величины подушевого ВВП этой страны из книги Ангуса Мэддисона “Monitoring the World Economy” (1995).

Следует уточнить, что количественные оценки и прежде всего данные статистических таблиц, содержащиеся в различных книгах профессора Мэддисона, а также на его официальном интернет-сайте, широко используются как отечественными, так и зарубежными исследователями. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что лишь меньшая часть новейших исследований в области экономической истории и долгосрочного экономического роста не имеет ссылок на труды А. Мэддисона. Перечисление статей и монографий, авторы которых опираются на сведения его исторической статистики, невозможно в тексте данной статьи. Стоит указать, что в работе 2014 г.⁶ приведен список полусотни книг, опубликованных на русском языке в 2000-х годах, в которых имеются ссылки на труды проф. Мэддисона (главным образом, посвященные вопросам квантификации экономической истории). Среди приведенных в списке трудов есть и учебники, в том числе переиздававшиеся и рекомендуемые студентам некоторых экономических специальностей в качестве основных.

Повторим, что в «Обзоре...» МВФ использовался один из ранних вариантов оценки китайского ВВП А. Мэддисона. Впоследствии в работе “The World Economy: A Millennial Perspective” (2001) А. Мэддисон отказался от предыдущих оценок в пользу меньших величин. Очевидно, абсурдность вывода в том, что КНР уже в конце XX в. более чем в полтора раза превзошел усредненный уровень подушевого ВВП (в первом приближении – уровень экономического развития) постсоветского пространства⁷ стала понятна и авторам «Обзора...» МВФ: упомянутые оценки китайского ВВП полностью исчезли из научного оборота.

Необходимо разъяснить почему вообще возникла ситуация со столь непохожими оценками величины ВВП (в целом и на душу населения) КНР, исчисленного на основе ППС валют. Дело в том, что только в 2005 г. Китай впервые принял участие в раунде Программы международных сопоставлений (в ходе которой и рассчитываются ППС валют). Находившиеся до результатов этого раунда (в конце 2007 – начале 2008 гг.) в научном обороте оценки ППС валют (в том числе и те, которые использовались при написании «Обзора...») базировались на куда менее полных, подробных и надежных ценовых сведениях.

Соответственно, с появлением данных раунда ПМС 2005 г. все абсолютные и относительные показатели Китая вновь существенно из-

⁶ См.: Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Международные экономические сопоставления на основе паритетов покупательной способности валют: теория, практика и актуальные проблемы. М., 2014. С. 162–165.

⁷ Очевидно, что наибольшее влияние на итоговое значение этого усредненного показателя оказывала величина подушевого ВВП России.

менились. Судя по ретрополированным материалам этого раунда, подушевой ВВП Китая в 2000 г. составлял, конечно, не 23% от аналогичного индикатора по США, как это полагали составители «Обзора...», но и не 11–12%, как считали до проведения раунда 2005 г. эксперты Всемирного банка (далее – ВБ), а также А. Мэддисон. Согласно данным, полученным по итогам указанного раунда, величина этого индикатора не превышала 6,7% от уровня США (заметим, что по данным, полученным на основе сведений раунда ПМС 2011 г. эта величина равнялась 8%⁸).

Разумеется, подобное сокращение в 3,4 раза ключевых показателей, характеризующих соотношение уровней экономического развития Китая и США по сравнению с результатами составителей «Обзора...», основанными на первом варианте расчета А. Мэддисона (приведенным в его работе “Monitoring the World Economy”), а также в 1,7 раза по сравнению со вторым вариантом его расчетов, – представляет собой, пожалуй, уникальный пример в современной истории международных экономических сопоставлений.

Ведь речь идет не о какой-то небольшой африканской стране, о которой мало что известно и статистика которой вряд ли отвечает самым умеренным международным стандартам, а о наиболее многонаселенной и второй (или даже первой, согласно другим оценкам) по экономическим размерам державе современного мира.

Описанный курьезный случай, помимо всего прочего, демонстрирует насколько осторожно необходимо относиться к статистике, даже в тех случаях, когда она предоставлена такими авторитетными организациями, как МВФ.

Возвращаясь к вопросу положения КНР и США в современной мировой экономике, укажем, что весь ВВП Китая, измеренный по ППС валют, достигал (по годам) 100,6, 105,4, 109,8 и, наконец (в 2016 г.) – 115,3% от аналогичного показателя по США.

Хотя все эти цифры именно в таком виде содержатся в базе данных ВБ, они, на наш взгляд, когда идет речь о Китае (да и о многих других развивающихся странах) никак не могут претендовать на точность. Но, по-нашему мнению, необходимо привести эти данные расчетов экспертов ВБ. И если считать, что порядок этих цифр верен, то из них вытекает важный геоэкономический, а также и геополитический вывод. Судя по этим данным, Китай в указанные годы по обобщающему индикатору экономических размеров (потенциала, мощи) превратился во вторую экономическую сверхдержаву. И даже если принимать во внимание недостаточную точность этих цифр, то можно сделать вывод, согласно которому это произошло, если не в 2013, то, во всяком случае, в 2015–2016 гг. Если же полагать, что данные за 2016 г. по Китаю и США более или менее точно отражают соотношение экономических потен-

⁸ Подсчитано на основе сведений базы данных ВБ World Development Indicators (по состоянию на 21 ноября 2017 г.) о величине подушевых ВВП Китая и США.

циалов этих двух сверхдержав, то они свидетельствуют (разумеется, в достаточно грубом приближении) в пользу вывода о том, что Китай даже превосшел экономический потенциал США на 10–15%.

Дабы избежать каких-либо неверных толкований, сразу же укажем, что, с нашей точки зрения, подобный вывод (или выводы) является преждевременными. Дело не только в том, что они отражают (если считать их более или менее правильными) чисто количественные соотношения ВВП двух стран. Если принять во внимание качественные характеристики ВВП в обеих странах, то придется признать, что они ныне и в ближайшие годы в среднесрочной перспективе будут гораздо более современными (т.е. в гораздо большей степени отражать роль и место высоких технологий в экономике, а также информационно-инновационного сектора всего народного хозяйства) в США по сравнению с КНР. Вряд ли этот тезис нуждается в дальнейших комментариях и обоснованиях.

Но дело не только в этом. Все эти выглядящие достаточно точными цифры вряд ли являются таковыми. Прежде всего, даже если полагать, что во время действительно всемирных раундов международных сопоставлений 2005 и 2011 гг., в которых впервые принял участие Китай, расчеты проводились по одинаковой методике, с одинаковой точностью учитывали все исходные показатели по городским и сельским районам, по отдельным отраслям экономики (иначе говоря, даже если полагать, что качество статистических служб в Китае и США находятся примерно на одинаковом уровне, что с нашей точки зрения утверждать было бы все же ошибочно, необходимо принять во внимание тот простой факт, что после последнего раунда 2011 г. прошло уже пять лет. А это значит, что все рассчитанные экспертами данные за 2012, 2013, 2014, 2015 и 2016 гг. даже в США, не говоря уже о Китае, не могут полностью, с необходимой точностью учитывать происходившие в это время серьезные структурные сдвиги в экономике, при одновременном изменении ценовых пропорций.

При этом масштабы структурных сдвигов были выше в Китае, уже хотя бы потому, что темпы экономического роста в этой стране на протяжении 2000-х и 2010-х годов оставались не просто выше, а в разрыв превосходили аналогичные показатели по США. В самом деле, с 2000 по 2010 г. среднегодовые темпы роста ВВП в Китае достигали 10,4%, а в США – 1,9%⁹. Иными словами, в этот период они были в 5 с лишним раз выше в КНР, чем в США.

В последующие годы темпы экономического роста в Китае существенно снизились и, например, в 2010–2015 гг. по официальным данным составляли уже 8,3%, тогда в США они незначительно повысились до

⁹ Подсчитано по сведениям базы данных ВБ World Development Indicators (по состоянию на 21 ноября 2017 г.) о ежегодных темпах роста ВВП Китая и США в 2000–2010 гг.

2,2%¹⁰. Принимая во внимание не слишком высокую точность всех этих цифр, по нашему мнению, они тем не менее свидетельствуют о том, что рост ВВП в Китае был в этот период не в 5, а почти в 4 раза выше. Подобный разрыв в темпах роста свидетельствует о том, что наш тезис о масштабах структурных сдвигов и изменениях ценовых пропорций в последние шесть лет – когда темпы экономического роста в Китае снизились – тем не менее полностью остается в силе.

Итак, приведенные нами цифры и аргументы достаточно весомы для того, чтобы, как минимум, поставить под вопрос точность приведенных о соотношении ВВП двух стран в 2012–2016 гг. (впрочем, он, с нашей точки зрения, относится и к межраундовому периоду 2005–2011 гг.). При этом необходимо иметь в виду, что данные за 2006–2010 гг., по-видимому, отражают некий компромисс между итоговыми цифрами, полученными по Китаю в ходе более раннего и более позднего раундов. Дело в том, что эксперты расходятся во мнениях о том, какие результаты (2005 или 2011 гг.) являются более точными ввиду неодинаковой репрезентативности, например, количества групп товаров и услуг, по которым рассчитывались итоговые цифры обоих раундов.

Уже одно это обстоятельство не позволяет сделать вывод о полной сопоставимости с точки зрения меры точности результатов обоих раундов. К тому же в приводимой нами табл. 1 содержатся данные не только за период с 2005 по 2016 г., но также и за 1999 и 2002 гг. Эти цифры по Китаю рассчитывались экспертами ВБ с учетом результатов раунда 2011 г., который, в свою очередь, во многом отличался и по мере точности, и по репрезентативности, и по итоговым показателям от предыдущего, первого, по-настоящему всемирного раунда 2005 г.

Таблица 1

Величина ВВП на основе ППС валют Китая и США в 1999–2016 гг.

		1999	2002	2005	2008	2011	2012	2013	2014	2015	2016
КНР	млрд долл.	3 338	4 548	5 333	10 114	13 496	15 332	16 788	18 336	19 812	21 417
	% от США	36,3	43,6	43,1	70,7	86,9	94,9	100,6	105,4	109,8	115,3
США	млрд долл.	9 207	10 435	12 376	14 297	15 534	16 155	16 692	17 393	18 037	18 569

Составлено по сведениям: Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1999–2000 и 2002 годы: Стат. сб./ Росстат. М., 200. С. 74, 133 (данные по США в 1999 и 2002 гг.); Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 2005 год: Стат. сб./ Росстат. М., 2008. С. 214, 216 (данные по США и КНР в 2005 г.); Россия в цифрах. 2011. Краткий стат. сб./ Росстат. М., 2011. С. 581 (данные по США в 2008 г.); Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies: Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program / The World bank. Washington, DC, 2014. P. 35, 37 (данные по США и КНР в 2011 г.); База данных ВБ World Development Indicators, по состоянию на 21 ноября 2017 г. (данные по Китаю в 1999, 2002, 2008, 2012–2016; данные по США в 2012–2016 гг.).

¹⁰ Подсчитано по сведениям базы данных ВБ World Development Indicators (по состоянию на 21 ноября 2017 г.) о ежегодных темпах роста ВВП Китая и США в 2010–2015 гг.

Итак, Китай в этих (1999 и 2002 гг.) раундах участия не принимал, но это отнюдь не означает, что в международной статистике не было данных о примерной величине его ВВП за эти годы, а также сам 2005 г. Ведь результаты раунда 2005 г. были опубликованы только в 2007–2008 гг., а по раунду 2011 г. – в 2014 г. При этом оказывается, что если раунд 2005 г. показал, что ВВП Китая составлял, округленно, 5 333 млрд долл., то до публикации его итогов на сайте ВБ фигурировала совершенно другая цифра, а именно 8 819 млрд долл. (в текущих ценах 2005 г.) Иначе говоря, если считать, что именно результаты раундов дают гораздо более правильные цифры, чем предыдущие оценки, то это в данном случае означает, что реальная величина ВВП Китая (согласно материалам раунда 2005 г.) оказалась на 39% (!) ниже предыдущих расчетов экспертов ВБ. В свою очередь, данные о величине китайского ВВП по ППС валют в 2011 г., полученные путем экстраполяции данных раунда ПМС 2005 г., оказались на 20% меньше той оценки, которая была получена в ходе раунда ПМС 2011 г. (11 185 и 13 496 млрд долл. в текущих ценах 2011 г.)¹¹.

Но было бы неверно ограничиться только этим. Казалось бы, американская статистика является (и во многом справедливо) примером качественной постановки работы. По материалам раунда 2011 г. ВВП США оценивался в 15 533,8 млрд долл., однако, до публикации его итогов в базе данных ВБ по 2011 г. содержалась цифра 15 094 млрд долл. Но и она позже была пересмотрена и в качестве искомого показателя фигурировала цифра в 14 991 млрд долл. Разница, как видим более чем 500 млрд долл. Конечно, в процентах все это незначительно, но абсолютные величины, на наш взгляд, достаточно велики, и ведь, повторяем, речь идет не о Китае, Индии или иной развивающейся стране, а о самой могущественной экономической державе – США. Полагаем, что приведенные примеры убедительно показывают, что те или иные официальные цифры, принятые международной статистикой, было бы неправильно рассматривать как совершенно точные, даже когда речь идет о США. И это тем более верно при расчетах ВВП развивающихся стран (например, Китая). А ведь для него поправка в 500 млрд долл. при оценке ВВП США означает (применительно к Китаю) 4%. Более того, «поправка» оценки ВВП США, полученной в ходе раунда 2011 г. на 3–4% – 500 млрд долл. – не покажется «рутинной статистической корректировкой», если вспомнить, что указанные 500 млрд совершенно сопоставимы с ВВП таких стран, как Филиппины (543,7 млрд долл.), Колумбия (535 млрд долл.), Нигерия (511,1 млрд долл.), ОАЭ (503,2 млрд

¹¹ Подсчитано на основе сведений о величине подушевых ВВП Китая и США базы данных ВБ World Development Indicators (по состоянию на 21 ноября 2017 г.) и Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies: Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program. The World bank. Washington, DC, 2014. P. 35, 37.

долл.) и Венесуэла (500,3 млрд долл.). Можно привести и другие сравнения: «погрешность» в 500 млрд долл. равна семи ВВП такой страны, как Танзания; или девяти ВВП Боливии; или 29 ВВП Таджикистана¹².

До сих пор мы рассматривали проблему соотношения ВВП Китая и США. Данные, согласно которым ВВП Китая уже достиг размеров ВВП США, а, возможно, и несколько их превысил, очевидно, не могут не привлечь внимания и ученых, и политических, и государственных деятелей, и не только в этих, но и в большинстве других стран.

Однако, от чего зависит общая величина ВВП в каждой стране? Она отражает прежде всего соотношение уровней экономического развития (в первом приближении душевых ВВП), но также и соотношение численности населения сопоставляемых стран, ибо ВВП рассчитывается как душевой показатель, умноженный на численность населения. Итак, нам необходимо учитывать разницу в численности населения Китая и США. Данные за 2016 г. таковы: Китай – 1 379 млн человек, а США – 323 млн человек; иными словами, численность населения Китая в 4,27 раза превышает показатель по США. Конечно, и здесь нельзя не сделать оговорки о том, что даже в США, не говоря уже о Китае, подсчеты численности населения не отличаются точностью.

Если иметь в виду США, то хорошо известно, что население де-факто в этой стране, возможно, выше принятых показателей – просто потому, что неизвестны точные данные о численности нелегальных мигрантов, преимущественно из стран Латинской Америки (главным образом, из Мексики). Эта проблема настолько остра, что сыграла роль во время последних президентских выборов: тогда еще кандидат в президенты Д. Трамп, обещал построить стену вдоль всей границы между США и Мексикой, а также принять некоторые дополнительные меры, имеющие целью сократить число выходцев оттуда.

Что касается Китая, опять-таки, не является секретом возможное занижение общей численности населения во время переписи или данных текущего статистического учета в условиях, при которых на протяжении многих лет жестко ограничивалось число разрешенных в семьях детей.

Всё это так, но в данном случае, для нас не так важны, возможно, более точные цифры, поскольку дальнейшие их корректировки не изменят принципиального вывода о том, что население Китая, по крайней мере, вчетверо (а может быть и больше раз) превосходит по численности население США. Конечно, неизбежные уточнения этих цифр, в свою очередь, будут влиять на расчеты ВВП в обеих странах. И уже

¹² Подсчитано по данным Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies: Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program. The World bank. Washington, DC, 2014. P. 34–38.

они лишний раз подкрепляют наш вывод о том, что все соответствующие цифры не отличаются точностью и должны рассматриваться в качестве таковых. Однако более важно получить данные о соотношении уровней развития соответствующих стран, измеряемых подушевыми показателями их ВВП.

Дело в том, что некоторые данные по этой теме (табл. 2) не могут не вызывать вопросов. В самом деле, за шесть лет с 1999 по год раунда 2005 г. показатель душевого ВВП в его отношении к США изменился на 1,9 п.п. (с 7,9 он увеличился до 9,8%). Еще более странно, что в 2002 г., т.е. через три года, после 1999 г. и за три года до 2005 г. величина этого индикатора вообще не изменилась: и в 2002, и в 2005 гг. она составляла 9,8% от аналогичного уровня в США. Однако за следующие шесть лет, т.е. с 2005 по 2011 г., соответствующие цифры увеличились более чем вдвое (с 9,8 до 20,2%). При этом в 2008 г., т.е. через три года после 2005 г. и за три года до раунда ПМС 2011 г., наблюдалось увеличение этого индикатора на 6,5 п.п., тогда за следующие три года – только на 3,9 п.п.

Таблица 2

Величина душевых ВВП на основе ППС валют Китая и США в 1999–2016 гг.

		1999	2002	2005	2008	2011	2012	2013	2014	2015
КНР	долл.	2 664	3 552	4 091	7 635	10 057	11 351	12 368	13 440	14 448
	% от США	7,9	9,8	9,8	16,3	20,2	22,1	23,4	24,6	25,7
США	долл.	33 725	36 202	41 674	46 901	49 782	51 450	52 787	54 599	56 207

Составлено по сведениям: Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1999–2000 и 2002 годы: Стат. сб./ Росстат. М., 2005. С. 80, 139 (данные по США в 1999 и 2002 гг.); Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 2005 год: Стат. сб./ Росстат. М., 2008. С. 220, 222 (данные по США и КНР в 2005 г.); Россия в цифрах. 2011. Краткий стат. сб./ Росстат. М., 2011. С. 581 (данные по США в 2008 г.); Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies: Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program / The World bank. Washington, DC, 2014. P. 35, 37 (данные по США и КНР в 2011 г.); база данных ВБ World Development Indicators, по состоянию на 21 ноября 2017 г. (данные по Китаю в 1999, 2002, 2008, 2012–2016; данные по США в 2012–2016 гг.).

Все эти странные и неравномерные колебания, по-видимому, объясняются тем, что по раунду 2005 г. ВВП Китая оказался ниже прежних показателей ВБ (по тому же году) на 39% (!), а в 2011 г. – выше на 20%.

Что касается последующих изменений относительной (по отношению к США) величины душевого ВВП Китая, то с 2011 по 2014 г. она вновь увеличилась на 4,4 п.п., а с 2014 по 2016 г. – возросла на 2,4 п.п.

Однако это вызывает удивление, поскольку после 2010 г. официальные темпы роста китайского ВВП (а, следовательно, и душевого ВВП) снизились с 10–11 до 8,2%.

Думается, что все колебания этого важного индикатора отражают не слишком высокую точность оценок ВВП и подушевых ВВП как в дораундовые (т.е. с 1999 по 2005 г.), так и межраундовые (т.е. с 2005 по 2011 г.), а также за послераундовые годы (т.е. 2012–2016 гг.). Лишь дальнейшие расчеты и оценки могли бы уточнить наши представления о динамике относительной величины ВВП Китая и США за весь период ускоренного роста ВВП Китая с 1999 по 2016 г., равно как и снижение остающихся очень высокими индикаторов роста после 2010–2011 г.

Мы отчетливо сознаем, что потенциальному читателю трудно разобраться в этих, быть может, слишком подробных описаниях колебаний важнейшего индикатора за 17 лет (с 1999 по 2016 г.). В свое оправдание (если можно выразиться так) мы хотели бы подчеркнуть, что эти сравнения преследуют одну цель: наглядно продемонстрировать, как возможные неточности, ошибки в расчетах (а ведь именно так и произошло в 2005 г.), так и неполную сопоставимость указанных данных с точки зрения их «качества». Но при всех этих несомненных недостатках они тем не менее (и это главное) демонстрируют не вызывающий никаких сомнений общий вывод, согласно которому сопоставление относительной величины подушевых ВВП Китая и США свидетельствует о росте этого индикатора за 17 лет более чем втрое. Что, конечно, является поистине удивительным, поскольку речь идет не о каком-то небольшом острове или малой стране или даже таких европейских странах, как Франция, Великобритания и тем более самой крупной по численности населения в Западной Европе – Германии, а о самой многонаселенной стране мира. Население Китая больше населения Германии в 16,7 раз, не говоря о таких государствах Европы, как Нидерланды (81 раз), Бельгия (121,5 раз) или Швеция (139 раз).

После таких слишком подробных сравнений, сопоставлений, расчетов и оценок можно, на наш взгляд, сделать ряд обоснованных выводов.

1. Все расчеты и оценки сравнительных итогов экономического роста Китая и США за 17 лет свидетельствуют о неуклонном повышении относительной величины всего и подушевого ВВП Китая.

2. Аналогичные показатели по США за указанный период оказались не вполне точными и потребовали корректировки. Например, по 2005 г. до публикации итогов раунда ПМС ВВП США экспертами ВБ был зафиксирован на уровне 12 376 млрд долл., а по результатам раунда он оказался равен 13 095 млрд долларов, т.е. разница составила 719 млрд долл. Эта цифра превышает ВВП Нидерландов (573 млрд долл.) или Польши (526 млрд долл.). И она лишь немного «не дотягивает» до ВВП Турции (781 млрд долл.)¹³.

¹³ Правда, в 2008 и 2011 гг. масштабы корректировки показателей в ходе раундов по США существенно сократились. Но ведь речь идет о США с их хорошо налаженной статистической службой.

3. Если принять во внимание недостаточную точность даже данных по США и очень серьезные ошибки в оценке ВВП Китая до раунда 2005 г., равно как и неизбежную неточность цифр за послераундовый 2016 г., то можно, с нашей точки зрения, прийти к следующему выводу. Мы не можем сейчас при нынешнем уровне международной статистики дать ответ на вопрос о том, превышает ли или, наоборот, остается ниже, чем в США ВВП Китая. Но мы можем с достаточной долей вероятности полагать, что при всех возможных и неизбежных дальнейших коррективах исходных цифр ВВП Китая можно считать вполне сопоставимым по его размерам с ВВП США.

4. Хотя мы не можем утверждать, что отношение подушевых ВВП КНР и США именно 27%, более точный показатель, с нашей точки зрения, может колебаться в пределах 25–28%.

Оценивая достижения КНР в сфере экономического роста, в результате которых ВВП Китая оказался вполне сопоставим с ВВП США, авторы, разумеется, отчетливо сознают наличие в КНР серьезных проблем и противоречий, связанных с «расцветом» коррупции, достигшей высших эшелонов партийной и государственной власти, опасное усиление бюрократизма, а также наличие серьезных различий между уровнями развития прибрежных и внутренних провинций, между городом и деревней, а также многих других проблем. Но их анализ – тема другой статьи или серии статей.

Список источников и литературы

1. База данных Всемирного банка World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>
2. Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Международные экономические сопоставления на основе паритетов покупательной способности валют: теория, практика и актуальные проблемы. М., 2014.
3. Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1999-2000 и 2002 годы: Стат. сб., Росстат. – М., 2005.
4. Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 2005 год: Стат. сб./ Росстат. М., 2008.
5. Россия в цифрах. 2011. Краткий стат. сб./Росстат. М., 2011.
6. Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. М., 2006.
7. *Bird M.* China Just Overtook The US As The World's Largest Economy. Business Insider, October 7, 2014. URL: <http://www.businessinsider.com/china-overtakes-us-as-worlds-largest-economy-2014-10>
8. *Frankel J.* China Is Not yet Number One // *Frontiers of Economics in China*. 2015. 10(1). P. 1–6. URL: <https://wcfa.harvard.edu/files/wcfa/files/chinano1fec-2015-1-1.pdf>
9. *Giles C.* The New World Economy in Four Charts. – Alphaville Blog // *Financial Times*. 2014. October 7. URL: <https://ftalphaville.ft.com/2014/10/07/1998332/moneysupply-the-new-world-economy-in-four-charts>
10. Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies: Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program // The World bank. Washington, DC, 2014.

11. *Szu Ping Chan*. China overtakes US to be biggest economy by 2024 // The Telegraph. 2014. September 7. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11078885/China-overtakes-US-to-be-biggest-economy-by-2024.html>
12. World Economic Outlook: Asset Prices and the Business Cycle. Washington DC, May 2000.

Leonid A. Friedman, Renat B. Karamurzov

POSITIONS OF CHINA AND USA IN THE WORLD ECONOMIC SPACE OF 21ST CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

The article deals with some issues of PPP-based international economic comparisons. Considering the case of two world largest economies – China and USA – the problems of economic size and level of economic development accurate estimation are formulated. In particular, the weak points – which severely limits capacity of the researchers for analysis and forecasting, – of IMF and World Bank methods for PPP-based indicators are indicated. The fact of inability to obtain, at the current quality of statistics, precise estimates of PPP GDPs both for developing (low- and middle-income) and for developed (high-income) countries is stressed. The reasons for revising IMF and World Bank methods of PPP-based GDPs adjustment are given.

Key words: geo-economics; GDP; PPP; China; USA; economic growth rates.

About the authors: *Leonid A. Friedman* – Doctor of Economics, Department of Economics and Economic Geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: friedman@iaas.msu.ru).

Renat B. Karamourzov – Doctor of Economics, Research Laboratory “Ecology of the Oriental culture” Department of Economics and Economic Geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: karamourzov@gmail.com).

References

1. Bird M. China Just Overtook The US As The World's Largest Economy, *Business Insider*, October 7, 2014.
2. Frankel J. China Is Not yet Number One. *Frontiers of Economics in China*, 2015, 10(1), pp. 1–6.
3. Fridman L.A., Bel'chuk A.I. Rossiya v okruzhajushhem mire [Russia is the outside world], M., 2006.
4. Giles C. The New World Economy in Four Charts. Alphaville Blog, *Financial Times*, October 7, 2014.
5. Karamurzov R.B., Fridman L.A. *Mezhdunarodnye jekonomicheskie sopostavlenija na osnove paritetov pokupatel'noj sposobnosti valjut: teorija, praktika i aktual'nye problem* (PPP-based international comparisons: theory, practice and current problems). M., 2014.
6. *Mezhdunarodnye sopostavlenija valovogo vnutrennego produkta za 1999–2000 i 2002 gody: Stat. sb.* [International comparisons of gross domestic product for 1999–2000 and 2002: Statistical compendium], Rosstat. M., 2005.

7. *Mezhdunarodnye sopostavlenija valovogo vnutrennego produkta za 2005 god: Stat. sb.* [International comparisons of gross domestic product for 2005: Statistical compendium], Rosstat. M., 2008.
8. Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies: Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program. *The World bank*. Washington, DC, 2014, pp. 35, 37.
9. *Rossija v cifrah: 2011 [Russia in Figures: 2011]. Kratkii stat. sb.*, Rosstat. M., 2011.
10. Szu Ping Chan. China overtakes US to be biggest economy by 2024. *The Telegraph*, September 7, 2014.
11. *World Development Indicators database*. Washington DC: World Bank.
12. *World Economic Outlook: Asset Prices and the Business Cycle*, May 2000, Washington, DC.

Н.Ю. Ульченко

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОКОВ ТУРЕЦКИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается одна из важных особенностей экономического развития Турции в последние несколько десятилетий – периодические кризисы роста, порождавшиеся схожей системой причинно-следственных связей. Важным изменением периода глобализации стало включение в число причин кризисов, имевших ранее преимущественно внешнее происхождение, обострения проблемы внутренней финансовой и, как следствие, макроэкономической нестабильности. Последнее изменение рассматривается автором как результат повышения субъектности Турции в системе международных финансовых отношений в условиях финансовой открытости, ставшей одним из основных атрибутов глобализации.

Ключевые слова: Турция; финансово-экономический кризис; внешний долг; рост субъектности Турции на международном финансовом рынке; финансовая стабилизация.

Со второй половины XX в. характерной особенностью экономического развития Турции становятся периодические финансово-экономические кризисы. Часть из них пришлась на эпоху, предшествовавшую глобализации, под которой в контексте данного доклада, подразумевается в первую очередь формирование глобального финансового рынка в результате приобщения к нему ряда новых национальных игроков, согласившихся принять и начать исполнять условия финансовой либерализации. Но и в условиях глобализации турецкая экономика длительное время не могла обрести стабильный бескризисный характер развития. Сохранив в целом неизменным происхождение турецких кризисов как кризисов государственных финансов и/или внешней задолженности, глобализация привнесла определенные изменения в специфику формирования их предпосылок и характер развития.

Ульченко Наталья Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ulchenko-n@rambler.ru

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Итак, под периодическими кризисами роста турецкой экономики имеются в виду кризис 1960–1961 гг., кризис 1979–1980 гг., кризисы 1994 г., 1998, 2001, 2009 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП (ВНП)* Турции в предкризисные годы, в годы кризиса и первые несколько лет после кризиса

1957	7,8	1978	1,5	1995	7,2	2003	5,3	2011	8,8
1958	4,5	1979	–0,6	1996	7,0	2004	9,4	2012	2,1
1959	4,1	1980	–2,4	1997	7,5	2005	8,4	2011	4,2
1960	3,4	1981	4,9	1998	3,1	2006	6,9	2014	2,9
1961	2,0	1982	3,6	1999	–3,4	2007	4,7	2015	6,1
1962	6,2	1992	6,0	2000	6,8	2008	0,7	2016	2,9
1963	9,7	1993	8,0	2001	–5,7	2009	–4,8		
1977	3,4	1994	–5,5	2002	6,2	2010	9,2		

* До 1993 г. в Турецкой Республике в качестве основного показателя системы национальных счетов использовался ВНП.

Составлено по: TÜİK. İstatistik göstergeler 1923-2012. Ankara, , 2013. S 624-625; TÜİK. Konulara Göre İstatistikler. URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1105; TOBB. Ekonomik Rapor 2014. Ankara, 2015. S. 30; TOBB. Ekonomik Rapor 2016. Ankara, 2017. S. 34.

Все они за исключением первого, который был отмечен лишь снижением темпов роста, характеризовались классическими проявлениями, т.е. отрицательными темпами роста объемов ВВП (ВНП).

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста денежной массы (M1)

	1931– 1939	1946– 1950	1951– 1960	1963– 1970	1971– 1980	1981– 1990	1991– 2000	2001– 2010
Среднегодовые темпы прироста (M1)	4,75	–1,3	24,7	13,5	34,9	40,7	77,3	31,9

Составлено и рассчитано по: Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. V.2. From the Foundation of the Republic to the Present. İstanbul, 1999. S. 139, 254, 290; Türkiye Ticaret, Sanayi Deniz Ticaret Odaları ve Ticaret Borsaları Birliği. İktisadi Rapor 1985. Ankara, 1985. S. 186; UCCET. Economic Report 1994. Ankara, 1995. S. 45; UCCET Economic Report 1995. Ankara, 1996. S. 56; TOBB Ekonomik Rapor 2001. Ankara, 2002. S. 76; UCCET. Economic Report 2004; Ankara, 2005. S. 67; TOBB. Ekonomik Rapor 2006. Ankara 2007. S. 64; TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009. S. 90; TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2011. S. 208.

Как уже было сказано, по истокам развития турецкие финансово-экономические кризисы могут быть отнесены к кризисам государственных финансов и/или внешней задолженности. Тесная связь с дисбалансами в системе государственных финансов особенно характерна для более раннего поколения турецких кризисов, точнее всех, за исключением кризиса 2009 г. Здесь действовала следующая цепочка повторяющихся взаимосвязей: хронический бюджетный дефицит (за всю вторую по-

ловину XX – начало XXI в. бюджет лишь четырежды продемонстрировал избыток доходной части, а именно в 1951, 1967, 1970 и 1972 гг.), довольно низкая сберегающая способность турецкой экономики, использование для покрытия хронического бюджетного дефицита эмиссии Центрального банка, который после 1950 г. оказался в подчинении у исполнительной власти, существенное, хотя и неравномерное повышение среднегодовых темпов роста денежной массы (табл. 2), высокая инфляция.

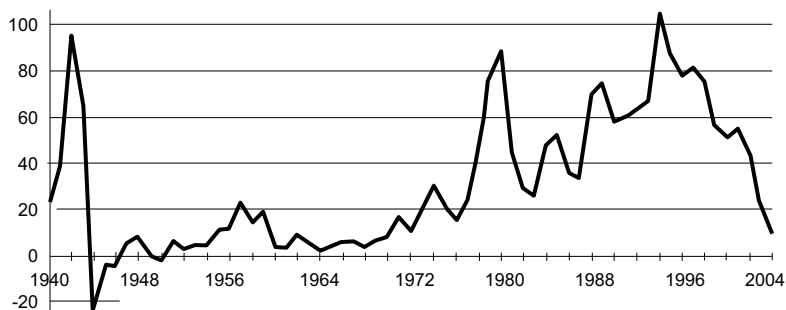

Рисунок. Динамика дефлятора ВВП, измеренная по отношению к предыдущему году, %

Рост государственных расходов, наблюдавшийся с середины XX в., привел не только к изменениям в характере кредитно-денежной политики, но и на фоне устойчивого превышения инвестиций над сбережениями национальной экономики стал главным фактором более активного привлечения Турцией внешних источников финансирования. В итоге в послевоенные годы наблюдался неуклонный абсолютный рост внешнего долга, сопровождавшийся, как правило, повышением его относительных размеров. Например, с 373 млн долл. в 1950 г. (7% ВВП) внешний долг вырос к 1970 г. до 1 млрд 900 млн (10% ВВП), в 1980 г. до 15,7 млрд долл. (20% ВВП), затем к 1989 г. до 43,9 млрд долл. (31% ВВП), 117 млрд в 2000 г. (44,7% ВВП)². Таким образом, можно выделить, по крайней мере, четыре важнейшие характеристики в экономическом развитии Турции на протяжении второй половины XX в.: 1) экспансионистская фискальная политика; 2) экспансионистская кредитно-денежная политика; 3) выраженный инфляционный фон развития экономики; 4) рост внешней задолженности на фоне активного привлечения внешних источников финансирования в первую очередь для покрытия дефицита государственных финансов. В рамках описанного выше и неоднократно повторявшегося сценария постепенное

² Подсчитано и составлено по: DPT. Economic and Social Indicators (1950–2003). Ankara, 2004. Table 1.1 и Table 3.11; TÜİK. İstatistik Göstergeler 1923–2011. Ankara, 2012. S. 678.

нарастание кризисных явлений во внутриэкономическом развитии резко укорялось в случае проблем с доступом к внешнему финансированию.

Как уже отмечалось, несколько особняком в ряду кризисов, пережитых турецкой экономикой в период, начиная со второй половины XX в., стоит кризис 2009 г. Его отличительной особенностью стало развитие в условиях значительного снижения остроты проблемы бюджетного дефицита и, как следствие, инфляции. Иными словами, он разразился на фоне убедительных, приобретших довольно устойчивый характер успехов турецкой экономики в достижении финансовой стабилизации. Однако при этом сущность кризиса как кризиса внешней задолженности сохранилась в силу того простого обстоятельства, что сокращение дисбаланса в сфере государственных финансов было обеспечено ценой роста разрыва между сбережениями и инвестициями в частном секторе. Таким образом, проблема двойного дефицита – дефицита бюджета и дефицита по текущим статьям платежного баланса сменилась проблемой тройного дефицита с присовокуплением значительного дефицита в частном секторе, понимаемого как превышение инвестиций последнего над его сбережениями. При этом рост объема дефицита по счету текущих операций (в 2002 г. он имел более, чем скромные значения – около 600 млн долл., к 2008 г. он достиг 42 млрд; для сравнения – в 1993 г., т.е. накануне кризиса 1994 г. данный показатель составил 6,4 млрд долл.³⁾) доказывает, что в сумме сократившийся дефицит бюджета, но при этом возросший дефицит инвестиций в частном секторе оказались к моменту развития кризиса 2009 г. более масштабным макроэкономическим дисбалансом, нежели тот, который Турция переживала в период двойного дефицита, когда разрыв между сбережениями и инвестициями национальной экономики, главным образом, был обусловлен дефицитом государственных финансов. Как результат, с начала 2000-х годов наблюдалось усиление привязки экономического роста в Турции к внешним источникам финансирования и международному финансовому рынку. В связи с этим в случае его дестабилизации сохранялась весьма высокая вероятность проникновения кризиса в Турцию.

Однако основная идея дифференциации кризисов турецкой экономики заключается не в том, чтобы противопоставить кризис 2009 г. в силу определенных изменений в условиях его развития более ранним кризисам. Как раз он, скорее, предстает кризисом классического типа, суть которого заключалась в том, что экономика Турции, будучи имманентно зависима от внешнего финансирования, неизбежно несет потери в условиях коллапса международного финансового рынка, когда инвесторы отвечают на рост неопределенности и повышение рисков снижением объема и доступности кредитования. Тогда в одном ряду окажутся следующие кризисы. Кризис начала 1960–1961 гг., ко-

³ UCCET. Economic Report 1994. Ankara, 1995. S. 81; TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009. S. 170; TOBB. Ekonomik Rapor 2010. Ankara, TOBB, 2011. S. 14.

тому предшествовал охвативший страны Запада и Японию кризис 1957–1958 гг. Турция в условиях неизбежного сокращения финансовой поддержки Запада была вынуждена в 1958 г. принять стабилизационную программу МВФ, которая предусматривала меры фискального сдерживания и охлаждения национальной экономики, т.е. снижения темпов ее роста. Затем, кризис 1979–1980 гг., который стал отложенной реакцией турецкой экономики на нефтяной шок 1973 г. Механизм отсрочки заключался в поддержании экономического роста в Турции на протяжении первых нескольких послекризисных лет за счет активного использования подешевевших внешних займов, что стало результатом структурного экономического спада в странах Запада и накопления в условиях вялой мировой экономической конъюнктуры массы невостребованных нефтедолларов. Спусковой механизм развития турецкого кризиса опять же сработал под влиянием особенностей развития экономики США, где, в конце концов, с 1980 г. произошел резкий подъем процентной ставки. Наконец, кризис 2009 г., который вновь оказался проекцией на турецкую экономику трендов спада, сформировавшихся на западных рынках, в первую очередь США.

Таким образом, перечисленные финансово-экономические кризисы следует считать не только и не столько результатом ухудшения макроэкономической конъюнктуры в самой Турции (формировавшиеся здесь тренды развивались, скорее, поступательно), сколько следствиями кризисов международного финансового рынка, в результате которых перекрывался доступ к использованию внешнего финансирования, ставшего практически постоянной потребностью турецкой экономики.

В свою очередь, типологически иными обусловленными новыми формами и масштабами связи экономики Турции с международным финансовым рынком представляются кризисы 1994 и 2001 гг.

По итогам парламентских выборов 1983 г. – первых после военного переворота 1980 г. – к власти в стране пришла Партия отечества (ПО) во главе с Т. Озалом. Проводившаяся его правительством более мягкая по сравнению с периодом правления военных фискальная политика и рост инфляции стали основными причинами снижения популярности ПО на выборах 1987 г. Тем не менее Т. Озалу вновь удалось возглавить кабинет министров. Но на сей раз его правительство было вынуждено предпринять меры по ограничению государственных расходов. Усилия по снижению темпов роста денежной массы привели к сжатию внутреннего рынка и сокращению темпов роста с 9,8% в 1987 г. до 1,5% по итогам 1988 г.⁴ Но ввиду слабого доверия экономических агентов к антиинфляционным усилиям властей обуздать инфляцию не удалось. Устойчивые инфляционные ожидания продолжали тянуть цены вверх

⁴ См. подробнее: *Ульченко Н.Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002. С. 7–8.

уже после предпринятых мер по ограничению прироста денежной массы. Таким образом, экономика страны столкнулась с проблемой stagflation, что вынудило власти обратиться к стимулирующей фискальной политике. Теперь уже речь шла о преднамеренном росте государственных расходов в целях расширения спроса и оживления экономической конъюнктуры.

Дефицит бюджета, составлявший в 1988 г. 3% ВВП, к 1993 г. достиг почти 7%⁵. В итоге государство все более активно прибегало к использованию займов. В условиях опережающего роста государственных расходов спросом пользовались лишь высокодоходные долговые государственные бумаги с короткими сроками погашения, что делало весьма дорогостоящим обслуживание госдолга и одновременно усиливало потребность в привлечении новых объемов займов.

В сложившихся условиях краткосрочным интересам Турции как нельзя более отвечало завершение в 1989 г. либерализации национального финансового рынка, нацеленной в том числе на свободное использование любых форм иностранных кредитов турецкими банками. На фоне растущего дефицита госфинансов банки превратились в основных заемщиков на внешнем рынке для обеспечения кредитных запросов государства. При этом благополучие самих государственных финансов, равно как и турецких банков попало в зависимость от притока «горячих денег», отличающихся высокой мобильностью и чувствительностью к ухудшению экономической конъюнктуры национального рынка.

В конце 1993 г. пришедшее к власти правительство Партии верно-го пути (ПВП) предприняло попытку резко переломить нараставшие негативные тенденции в турецкой экономике и объявило о снижении доходности по государственным ценным бумагам. Но в результате начался стремительный вывод краткосрочного иностранного капитала из экономики Турции: его отток в 1994 г. составил порядка 7 млрд долл. Вынужденное смещение акцента в дефицитном финансировании с внешних займов на авансы Центрального банка увеличило неизбежный в сложившейся ситуации уровень девальвации лиры: по сравнению со среднегодовым курсом за 1993 г. курс лиры в 1994 г. упал на 170%⁶, начался спад производства.

«Турецкое правительство задумало включить масштабный приток иностранного капитала в ключевой механизм восстановления экономического роста, игнорируя базовые структурные недостатки турецкой экономики, в первую очередь, значительный финансовый дисбаланс (в сфере государственных финансов. – *Н.У.*)... Либерализация капитальных операций действительно внесла вклад в экономический рост в начале 1990-х. Но это был тип роста, который более помог усугубить,

⁵ TÜİK. İstatistik göstergeler 1923–2008. Ankara, 2009. S. 644.

⁶ Economic report 1998. Ankara, UCCET, 1999. P. 92.

чем преодолеть базовую структурную слабость турецкой экономики» – резюмируют З. Ониш и Ф. Айсан⁷.

С целью вывода страны из валютно-финансового кризиса правительство разработало стабилизационную программу. Стабилизацию госфинансов предполагалось обеспечить через осуществление мер по сокращению расходов и увеличению доходов. Но уже в 1995 г. правительство пошло на увеличение заработной платы некоторым категориям занятых в госсекторе, отступив от принципов стабилизационной программы, но обеспечив правящей ПВП повторную победу на парламентских выборах 1995 г. В последующие годы возврат к популярной среди избирателей расширительной бюджетной политике продолжился.

В результате падение темпов экономического роста, составившее по итогам 1994 г. 5,5%, уже в 1995 г. сменилось заметным экономическим подъемом – около 7%. Высокие темпы роста турецкая экономика продемонстрировала и в 1996, и 1997 гг. – 7,1% и 8,3% соответственно (табл. 1). Но при этом годовой уровень инфляции составлял лишь немногим менее 100%, и вновь обострилась проблема обслуживания государственного долга: процентные выплаты в структуре расходов консолидированного бюджета оставались на угрожающе высоком уровне – от 30% и выше⁸.

Пришедшее к власти в июле 1997 г. правительство во главе с лидером Партии отечества М. Йылмазом сумело добиться определенных успехов в сфере ужесточения бюджетно-налоговой политики. Антиинфляционные меры турецких властей получили позитивную оценку Запада. С 2000 г. МВФ начал кредитную поддержку стабилизационных мер турецкого правительства. В первой половине 2000 г. Турции удалось добиться заметных успехов в борьбе с инфляцией: рост оптовых цен за период с января по апрель составил 16,2%, что соответствовало самому низкому уровню за аналогичный период на протяжении предшествующих 13 лет⁹. Но со второй половины года темпы снижения инфляции стали отставать от запланированных. В условиях фиксированного валютного курса (точнее, речь шла о режиме «ползущей привязки»), выбранного в качестве стабилизационного якоря, наблюдалось чрезмерное укрепление курса лиры, начал расти спрос на импортные товары. В результате иностранные инвесторы, роль которых в экономике страны с учетом чрезвычайно внушительных масштабов ранее накопленного государственного долга и расходов по его обслуживанию оставалась весьма значительной, начали испытывать сомнение в вопросе способности правительства твердо придерживаться запланированной политики валютного курса. Для смягчения ситуации в ноябре 2000 г. ЦБТР

⁷ Onis Z. and Aysan A.F. Neoliberal Globalization, the nation-state and financial crises in the semi-periphery: A comparative analysis. *Third World Quarterly*. Vol 21. 2000. No 1. P. 128.

⁸ Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации. С. 16.

⁹ Capital. Haziran 2000. S. 22.

провел валютные интервенции в объеме 6 млрд долл.¹⁰ В конце 2000 г. были предприняты попытки ускорить проведение структурных реформ. Кроме того, важную роль сыграло достижение соглашения с МВФ о выделении 7,5 млрд долл. для увеличения официальных валютных резервов¹¹.

Но частично достигнутая стабилизация финансового рынка была нарушена получившими огласку в прессе разногласиями президента и премьер-министра, из-за чего рынок вновь утратил доверие к проводимой стабилизационной программе. Турецкая лира подверглась массированным атакам со стороны инвесторов. В результате в феврале 2001 г. ЦБТР объявил о переходе к плавающему валютному курсу, что было равносильно объявлению неконтролируемой девальвации, темпы роста ВВП вновь оказались отрицательными.

Итак, основные отличительные особенности двух рассмотренных кризисов связаны с тем, что можно определить как новый, более высокий уровень международной финансовой субъектности Турции. Он стал результатом либерализации национального финансового рынка, более массового доступа его агентов к внешним займам, прежде всего краткосрочным. В итоге заметно изменилась структура внешней задолженности Турции. Еще к концу 1980-х годов доля краткосрочной задолженности составляла всего менее 10%, накануне кризиса 1994 г. и 2001 г. – уже около 30%, а накануне кризиса 2009 г. – около 20%. Одновременно произошло резкое повышение доли частного сектора в структуре внешнего долга по заемщикам: в конце 1980-х в суммарной внешней задолженности она составляла менее 10%, а в 2013–2015 гг. – около 70%¹².

Таким образом, Турция перестала быть лишь пассивным объектом международного финансового рынка, на состоянии которого неизбежно отражался спад его динамики, не говоря уже о кризисах. В результате финансовой либерализации конъюнктура на рынке самой Турции вошла в число факторов, влияющих на стратегию международных инвесторов, и оказалась одним из источников позитивных или негативных сигналов. Причины турецких кризисов, таким образом, перестали носить преимущественно внешнее происхождение, переместившись в значительной мере внутрь страны, точнее в сферу национальной финансовой политики. При этом речь не идет о формировании собственного графика цикличности развития турецкой экономики. Ее динамизм по-прежнему в значительной мере опирается на внешние факторы, но характер их взаимодействия с турецким рынком начал определяться,

¹⁰ Türkiye'nin Güçlü Ekonomiye Geçiş Programı. Ankara, 2001. URL: [http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+\(1\).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6](http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+(1).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6)

¹¹ Ibidem.

¹² Evgin T. Dünden bugüne dış borçlarımız. Ankara, 2000. S. 94–97; TOBB. Ekonomik Rapor 2009. Ankara, 2010. S. 113; TOBB. Ekonomik Rapor 2015. Ankara, 2016. S. 156.

в том числе и реалиями его собственного развития, в первую очередь финансово-экономическими, но отчасти даже политическими.

Итак, к каким же последствиям привел рост субъектности Турции на международном финансовом рынке? Осознать изменившийся характер взаимодействия Турции с международным финансовым рынком истеблишмент страны смог не сразу, а лишь после повторного кризиса условно нового типа, т.е. после кризиса 2001 г. Связь кризисов 1994 и 2001 гг. с реалиями развития именно турецкой экономики привела к пониманию необходимости собственных усилий в целях предотвращения их повтора. Как отмечали турецкие экономисты Д. Аджемоглу и М. Учер, «Кризис 2001 г. вынудил летаргическую и консервативную политическую систему Турции приступить к осуществлению радикальных структурных реформ, предложенных МВФ и Всемирным банком»¹³. По их оценке, «эти реформы не только позволили взять под контроль высокую инфляцию и сократить бюджетный дефицит (табл. 3), но также привнести дисциплину в бюджетный процесс и начать культивировать процесс принятия политических решений на основе установленных правил»¹⁴.

Таблица 3

Основные макроэкономические показатели Турции в 2001–2015 гг.

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Темпы роста ВВП (в %, в базовых ценах 1998 г.)	6,1	5,3	9,5	8,4	6,9	4,7	0,7	-4,7	9,2	8,8	2,1	4,2	3,0	4,0	2,9
Дефицит бюджета/ВВП (%)	14,6	11,3	7,1	1,3	0,6	1,6	1,8	4,8	3,6	1,4	2,1	1,2	1,1	1,0	1,1
Профицит первичного бюджета*/ВВП (%)	4,3	5,2	6,1	6,0	5,4	4,2	3,5	0,1	0,7	1,9	1,4	2,0	1,3	1,3	0,8
Среднегодовой уровень потребительской инфляции (%)	45,0	25,3	8,6	8,2	9,7	8,8	10,4	6,3	8,6	6,5	8,9	7,5	8,9	7,7	7,8
Дефицит по счету текущих операций платежного баланса (млрд долл.)	0,6	7,6	14,2	21,0	31,2	36,9	39,4	11,4	44,6	74,4	48,0	63,6	44,0	32,1	32,6

*Соотношение доходов и расходов бюджета без учета выплат по обслуживанию государственного долга. Таким образом, профицит формирует реальный, т.е. не связанный с новыми займами, источник обслуживания госдолга.

Составлено и рассчитано по: İstatistik gostergeler 1923–2008. Ankara, TÜİK, Ekonomik Rapor 2005–2015. Ankara, TOBB. 2003–2016.

¹³ Acemoglu D., Üçer M. Why Turkish growth ended. An institutional perspective. 2015. 18 November. P. 2. URL: <http://voxeu.org/article/why-turkish-growth-ended>

¹⁴ Ibidem.

Во многом с этим обстоятельством Д. Аджемоглу и М. Учер связывают ускоренный экономический рост Турции в первые годы правления ПСР (табл. 3). Однако впоследствии, по мнению тех же авторов, реформам был придан задний ход со все большей обратной переориентацией процесса принятия решений в сфере государственных финансов от установленных правил к дискреции. Аргументируя тезис о начавшемся процессе торможения реформ, Д. Аджемоглу и М. Учер упоминают такие факты, как выведение из-под действия закона о государственных закупках 2001 г. все большего числа отраслей промышленности и наименований товаров, урезание полномочий независимых регулирующих агентств, торможение переговорного процесса с ЕС¹⁵. К этому ряду можно добавить и такие существенные факторы в экономическом развитии и экономической политике Турции, как прекращение в 2010 г. кредитного сотрудничества с МВФ, отказ от планировавшегося было принятия бюджетного правила, наступление исполнительной власти на пока еще формально независимый статус национального Центрального банка.

Таким образом, на начавшееся с 2011 г. в ситуации ухудшения условий внешнего кредитования замедление темпов экономического роста (табл. 3) власти страны, похоже, планируют отвечать частичным принесением в жертву финансовой стабилизации. Дело в том, что постепенное понимание турецким избирателем новых реалий и возможность осознания им очередного кризиса как результата неверных действий правительства делает рецессию потенциально опасным испытанием для действующей власти. По мнению З. Ониша, сохранению имиджа ПСР в период кризиса 2009 г. способствовала его успешная трактовка властями как «феномена, имеющего всецело внешнее происхождение», хотя он отмечает рост напряженности и в собственно турецкой экономике с начала 2007 г.¹⁶

Пока падение привлекательности растущих рынков актуализировало для Турции возврат к мерам фискального стимулирования, а не структурным реформам. Видимо, власти, надеются подобным образом срочно компенсировать дефицитность прежнего ресурса развития в виде более существенных объемов внешнего финансирования.

Так, по итогам 2016 г. по сравнению с 2015 г. заметно повысились темпы роста государственного потребления (более, чем на три процентных пункта), продемонстрировав наивысшую динамику среди всех статей использования ВВП, при том что темпы роста частного потребления снизились более чем вдвое, а инвестиции в основной капитал – более чем в три раза. Темпы роста экспорта оказались отрицательными.

¹⁵ Ibid. P. 3.

¹⁶ Onis Z. Crises and transformations in Turkish political economy. Turkish Policy. 2010. Vol. 9. № 3. P. 60. URL: <http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/45-61.pdf>

Следовательно, государственное потребление оказалось основным фактором, обеспечившим итоговый рост экономики на 3% (табл. 4).

Что касается 2017 г., то уровень напряженности в сфере государственных финансов обещает оказаться еще более высоким: объем государственных займов за первые пять месяцев года составил свыше 46 млрд лир, в результате чего объем внутренних займов относительно предстоящих выплат по госдолгу вырос с 87% в 2016 г. до 114% по итогам первого полугодия 2017 г. Если по итогам первого полугодия 2016 г. бюджет Турции продемонстрировал профицит в объеме 1 млрд долл., то по итогам первых шести месяцев 2017 г. дефицит уже составил 25 млрд долл.¹⁷ Все это предопределяет необходимость дальнейших государственных займов в объемах, превышающих допустимые ныне действующим законодательством и ставит вопрос о его пересмотре. Последнее обстоятельство – это уже прямой возврат к фискальной практике Турции периода «разгула» инфляции.

Таблица 4

Динамика основных статей использования ВВП (изменение по сравнению с предыдущим годом, %)

	2015	2016
Частное потребление	5,5	2,3
Государственное конечное потребление	4,1	7,3
Инвестиции в основной капитал	9,2	3,0
Запасы	—	—
Экспорт	4,2	-2,0
Импорт	1,7	3,9
ВВП	6,1	2,9

Составлено по: Ekonomik Rapor 2015. Ankara, TOBB, 2016. S. 38.

Таким образом, речь идет о весьма критичном для Турции выборе между процессом продолжения начатых реформ или возвратом к инфляционной модели роста, при использовании которой макроэкономические сдвиги в национальной экономике неизбежно спровоцируют рост недоверия иностранных инвесторов и очередной кризис условно нового типа. Ведь в рамках нынешнего алгоритма развития Турция во многом оказалась заложником собственных успехов в сфере макроэкономической стабилизации. Нарастание дисбалансов в экономике Турции, с одной стороны, реакция на настороженность иностранных инвесторов в отношении растущих рынков. С другой – она означает для последних все более усиливающийся негативный сигнал. Вероятно, кризис, в случае если он действительно случится, окажется новым вынужденным толчком к выбору в пользу продолжения и закрепления начатых

¹⁷ Demiröz D. M. Hazine Yönetimi, Bütçe Açığı ve Dışlama Etkisi. 28.07.2017. URL: <http://www.gazetebirlik.com/yazarlar/hazine-yonetimi-butce-acigi-ve-dislama-etkisi/>

реформ по созданию и поддержанию стабильной макроэкономической ситуации. Но остается открытым вопрос о возможности избрания пути продолжения реформ еще до развития кризиса.

Список источников и литературы

1. *Ульченко Н.Ю.* Экономика Турции в условиях либерализации. М., 2002.
2. *Acemoglu D., Üçer M.* Why Turkish growth ended. An institutional perspective. 18 November 2015. URL: <http://voxeu.org/article/why-turkish-growth-ended>
3. *Demiröz D.M.* Hazine Yönetimi, Bütçe Açığı ve Dışlama Etkisi. 28.07.2017// URL: <http://www.gazetebirlik.com/yazarlar/hazine-yonetimi-butce-acigi-ve-dislama-etkisi/>
4. *Evgin T.* Dünden bugüne dış borçlarımız. Ankara, 2000.
5. DPT. Economic and Social Indicators (1950–2003). Ankara, 2004.
6. *Onis Z. and Aysan A.F.* Neoliberal Globalization, the nation-state and financial crises in the semi-periphery: A comparative analysis. *Third World Quarterly*. Vol. 21. No 1. 2000.
7. *Onis Z.* Crises and transformations in Turkish political economy // *Turkish Policy*. 2010. Vol. 9. № 3. P. 60. URL: <http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/45-61.pdf>
8. TOBB. Ekonomik Rapor 2001. Ankara, 2002.
9. TOBB. Ekonomik Rapor 2006. Ankara, 2007.
10. TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009.
11. TOBB. Ekonomik Rapor 2009. Ankara, 2010.
12. TOBB. Ekonomik Rapor 2010. Ankara, TOBB, 2011.
13. TOBB. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, 2012.
14. TOBB. Ekonomik Rapor 2014. Ankara, 2015.
15. TOBB. Ekonomik Rapor 2016. Ankara, 2017.
16. TÜİK. İstatistik Göstergeler 1923–2008. Ankara, 2009.
17. TÜİK. İstatistik Göstergeler 1923–2011. Ankara, 2012.
18. TÜİK. İstatistik Göstergeler 1923–2012. Ankara, 2013.
19. TÜİK. Konulara Göre İstatistikler. URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
20. *Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present.* V. 2. İstanbul, 1999.
21. Türkiye'nin Güçlü Ekonomiye Geçiş Programı. Ankara, 2001. URL: [http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+\(1\).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6](http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+(1).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6)
22. Türkiye Ticaret. Sanayi Deniz Ticaret Odaları ve Ticaret Borsaları Birliği. İktisadi Rapor 1985. Ankara, 1985.
23. UCCET. Economic Report 1994. Ankara, 1995.
24. UCCET. Economic Report 1995. Ankara, 1996.
25. UCCET. Economic Report 2004. Ankara, 2005.

Natalia Yu. Ulchenko

ABOUT THE SOURCES OF THE TRANSFORMATION OF TURKISH FINANCIAL AND ECONOMIC CRISES IN THE GLOBALIZATION PERIOD

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

The article focuses on one of the most important features of Turkey's economic development in the last few decades – periodic crises of growth resulted from similar system of causalities. In the period of globalization some important changes took place

in the sources of crises. Previously they had mainly external origin while now rose of tension in the sphere of domestic finance and deeper macroeconomic instability have become the sources of crises as well. This change is considered to be the result of more strongly pronounced subject behavior of Turkey in the system of international financial relations dealt with financial openness, which is one of the main attributes of globalization.

Key words: Turkey; financial and economic crisis; external debt; strongly pronounced subject behavior of Turkey in the system of international financial relations; financial stability.

About the author: *Natalia Yu. Ulchenko* – Doctor of Economics, Associate Professor, Head the Department of Economics and Economic geography of Asian and African countries, Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies (e-mail: ulchenko-n@rambler.ru).

References

1. Ul'chenko N.Yu. *Ekonomika Turtsii v usloviyakh liberalizatsii (The Turkish Economy in Terms of Liberalization)*. M., 2002.
2. Acemoglu D., Üçer M. *Why Turkish growth ended. An institutional perspective*. 18 November 2015. URL: <http://voxeu.org/article/why-turkish-growth-ended>
3. Demiröz D.M. *Hazine Yönetimi, Bütçe Açığı ve Dışlama Etkisi*. 28.07.2017. URL: <http://www.gazetebirlik.com/yazarlar/hazine-yonetimi-butce-acigi-ve-dislama-etkisi/>
4. Evgin T. *Dünden bugüne dış borçlarımız*. Ankara, 2000.
5. *DPT. Economic and Social Indicators (1950–2003)*. Ankara, 2004.
6. Onis Z. and Aysan A.F. Neoliberal Globalization, the nation-state and financial crises in the semi-periphery: A comparative analysis. *Third World Quarterly*, Vol 21, No 1, 2000.
7. Onis Z. Crises and transformations in Turkish political economy. *Turkish Policy*. 2010. Vol. 9, № 3. P. 60. URL: <http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/45-61.pdf>
8. TOBB. *Ekonomik Rapor 2001*. Ankara, 2002.
9. TOBB. *Ekonomik Rapor 2006*. Ankara, 2007.
10. TOBB. *Ekonomik Rapor 2008*. Ankara, 2009.
11. TOBB. *Ekonomik Rapor 2009*. Ankara, 2010.
12. TOBB. *Ekonomik Rapor 2010*. Ankara, TOBB, 2011.
13. TOBB. *Ekonomik Rapor 2011*. Ankara, 2012.
14. TOBB. *Ekonomik Rapor 2014*. Ankara, 2015.
15. TOBB. *Ekonomik Rapor 2016*. Ankara, 2017.
16. TÜİK. *İstatistik Göstergeler 1923–2008*. Ankara, 2009.
17. TÜİK. *İstatistik Göstergeler 1923–2011*. Ankara, 2012.
18. TÜİK. *İstatistik Göstergeler 1923–2012*. Ankara, 2013.
19. TÜİK. *Konulara Göre İstatistikler*. URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
20. *Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present*. V. 2. İstanbul, 1999.
21. *Türkiye'nin Güçlü Ekonomiye Geçiş Programı*. Ankara, 2001. URL: [http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+\(1\).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6](http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+(1).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6)
22. *Türkiye Ticaret, Sanayi Deniz Ticaret Odaları ve Ticaret Borsaları Birliği. İktisadi Rapor 1985*. Ankara, 1985.
23. UCCET. *Economic Report 1994*. Ankara, 1995.
24. UCCET. *Economic Report 1995*. Ankara, 1996.
25. UCCET. *Economic Report 2004*. Ankara, 2005.

И.Л. Тимонина

ЯПОНИЯ: СТРАТЕГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ КРЕАТИВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЗА РУБЕЖ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В течение последних десятилетий японская экономика находится в низкоскоростном сегменте глобальной экономики, одновременно частично утрачивая международную конкурентоспособность на тех рынках, где она ранее имела заметное преимущество, а именно на рынках высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности. В течение пяти лет (2011–2015) у Японии было отрицательное сальдо торгового баланса. Низкие темпы экономического роста на фоне продолжающейся дефляции обуславливают стагнацию спроса и на внутреннем рынке. В этих условиях правительство страны и японский бизнес ищут новые сферы приложения капитала и новые экспортные возможности. В статье анализируются направления и результаты японской стратегии продвижения за рубеж креативных отраслей, в которых творческое начало и интеллектуальный потенциал являются первичной составляющей продукта. Эти отрасли рассматриваются правительством С. Абэ в качестве одного из драйверов экономического роста и расширения экспортного потенциала страны.

Ключевые слова: Япония; креативная экономика; креативные отрасли; Cool Japan²; экспорт; структурная политика.

Развитие креативных отраслей³ – в Японии важная часть национальной экономической стратегии и экономической политики пра-

Тимонина Ирина Львовна – доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО (У) МИД РФ, Институт бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: timonina2000@yahoo.com).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² Дословно «крутая» Япония.

³ При определении понятия «креативные отрасли» автор опирается на подход ООН, который используется в докладах ее организаций, авторы которых оперируют понятием креативных отраслей, являющихся, по их мнению, «сердцем» креативной экономики. Под креативными отраслями понимаются циклы создания («творения», «придумывания» или другой русский эквивалент «креатива» как действия), производства и распространения товаров и услуг, которые используют креативность и интеллектуальный потенциал как первичную составляющую продукта (первичное «сырье», “primary inputs”), генерируют доходы от продажи прав интеллектуальной собственности, производят материальные продукты и услуги, содержащие креативный контент, имеющие экономическую ценность и являющиеся рыночным объектом. Creative Economy Report 2008. P. 12, 13, 21 [Electronic resource] // unctad. URL: http://unctad.org/en/Docs/dite20082cer_en.pdf

вительства. Стимулирование и продвижение креативных отраслей и сфер деятельности (в первую очередь опирающихся на культурный контент) со стороны государства происходит, главным образом, в рамках инициативы “Cool Japan”, объявленной в 2010 г. и осуществляемой под эгидой министерства экономики, торговли и промышленности Японии (МЭТП).

По мнению авторов стратегии, прогресс креативных отраслей может способствовать решению задач оживления внутреннего спроса, расширения экспортных возможностей страны, создания новых рабочих мест в случае, если удастся «соединить» традиционный японский контент с производством потребительских товаров, скооперировать между собой различные производства и виды творческой деятельности, освоение внутреннего и внешнего рынков, подключить дистрибьюторов и использовать потенциал регионов. Одновременно преследуется и внешнеполитическая цель – укрепление японского национального бренда и его продвижение за рубежом.

С чем связан такой интерес к данной группе отраслей? Как мы уже отмечали, начиная с 1990-х годов японская экономика развивается очень низкими темпами. В период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. падение ВВП в Японии было самым глубоким среди всех развитых стран, и в последующие годы темпы роста японской экономики были ниже среднемировых и группы развитых стран (за исключением 2012 и 2013 гг.) Перспективы на ближайшее будущее, по оценке МВФ, в отношении Японии также не внушают оптимизма (табл. 1).

Низкие темпы экономического роста на фоне продолжающейся дефляции обуславливают стагнацию спроса на внутреннем рынке. В такой ситуации большие надежды возлагаются на внешние рынки. Однако и здесь ситуация для Японии не вполне благополучная. В течение пяти лет (2011–2015) у Японии было отрицательное сальдо торгового баланса, которое «выправилось» лишь в 2016 г., однако не благодаря росту экспорта, который в стоимостном выражении сократился на 7,4% (сокращение стоимости экспорта по таким важным для Японии статьям, как металлы и металлоизделия, продукция общего машиностроения, электротехника, составило в 2016 г. соответственно 22,5%, 5,6% и 7,8% по сравнению с 2015 г.), а за счет снижения стоимости и объемов импорта (на 15,8%), которое произошло во многом из-за снижения мировых цен на энергоносители. Стоимость импорта минерального топлива снизилась на 33,85% в 2016 г. в сравнении с 2015 г.⁴ Что касается структуры японского экспорта, то, как отмечается в ежегоднике Японской организации содействия внешней торговле ДЖЭТРО, хотя Япония и

⁴ Statistical Handbook of Japan 2017. P. 107, 109. [Electronic resource] // stat.go.jp. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2017all.pdf#page=1>

остается крупным игроком на международном рынке транспортного оборудования и электротехники, опережающий рост демонстрирует экспорт промежуточной продукции и капитальных товаров⁵.

Таблица 1

Темпы роста реального ВВП по странам и группам стран, %

	Мир	Развитые страны	США	Зона евро	Япония
1999–2008 в среднем	4,2	2,5	2,6	2,1	1,0
2009	–0,1	–3,4	–2,8	–4,5	–5,4
2010	5,4	3,1	2,5	2,1	4,2
2011	4,3	1,7	1,6	1,6	–0,1
2012	3,5	1,2	2,2	–0,9	1,5
2013	3,5	1,3	1,7	–0,2	2,0
2014	3,6	2,1	2,6	1,3	0,3
2015	3,4	2,2	2,9	2,0	1,1
2016	3,2	1,7	1,5	1,8	1,0
2017*	3,6	2,2	2,2	2,1	1,5
2018*	3,7	2,0	2,3	1,9	0,7
2022*	3,8	1,7	1,7	1,5	0,6

*Оценка МВФ.

Составлено по: International Monetary Fund World Economic Outlook, October 2017; Seeking Sustainable Growth: Short-Term Recovery, Long-Term Challenges [Electronic resource] // imf. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/09/19/world-economic-outlook-october-2017#Statistical-Appendix>

Относительно вялый рост экспорта промышленной продукции не компенсирует и торговля услугами: у Японии в настоящее время (2016) отрицательное сальдо по экспорту страховых, транспортных и бизнес-услуг. В то же время достигнут положительный баланс по международному туризму, главным образом благодаря растущему туристическому потоку из азиатских стран (в первую очередь из Китая)⁶, а также, возможно, и в результате реализации программы “Cool Japan”, о которой речь пойдет далее.

Таким образом, мы видим, что в условиях вялого экономического роста, стагнации внутреннего рынка, неустойчивого положения торгового баланса Япония заинтересована в расширении присутствия своих компаний на альтернативных традиционным рынкам товаров и услуг, каковыми являются рынки продукции креативных отраслей.

⁵ JETRO Global Trade and Investment Report 2017. P. 14. [Electronic resource] // jetro. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2017_overview.pdf

⁶ Ibid. P. 15.

Креативные отрасли и программа Cool Japan. Какие же отрасли считают в Японии самыми перспективными в контексте решения обозначенных выше задач?

Согласно подходу МЭТП (“Cool Japan Strategy”, версия января 2012 г.), к креативным в Японии относят следующие отрасли и виды деятельности: рекламу, архитектуру, создание предметов искусства и изделий ручной работы, дизайн, моду, создание фильмов и видео, компьютерных программ, контента радио- и телепередач, японскую кухню, туризм, разработку дизайна и производство мебели, скатертей, ювелирных изделий, канцелярских принадлежностей, пищевую индустрию. При этом в контексте решения задачи повышения экспортного потенциала приоритетными считаются мода, анимэ, кухня, производство особых региональных продуктов (например, кисточки из Кумано, изготавливаемые по уникальной местной технологии), туризм (например, туры с посещением «электронного рая» Акихабара). Как можно заметить, в основном это отрасли и сферы деятельности, которые создают сугубо национальный контент, независимо от того, основан он на традиционных культурных ценностях или современных достижениях.

Место креативных отраслей в структуре японской экономики по данным, приводившимся в версии Стратегии 2012 г. (январь), уже к 2004 г. было весьма заметным⁷. Общий объем продаж составил 45,2 трлн иен (или 7% суммарного объема производства по всем отраслям промышленности и сферы услуг), что сопоставимо с удельными весами ведущих отраслей японской промышленности – автомобилестроения и электроники (соответственно 8 и 6%), а по численности занятых они даже превосходили названные отрасли. В креативных отраслях было занято 2,2 млн человек, в то время как в автомобилестроении – 947 тыс., а в электротехнической отрасли – 1, 2 млн.

Однако, по мнению правительственных экспертов, проблема заключается в том, что даже весьма популярные за рубежом японские креативные продукты, такие как модные изделия, продукты питания, контент, недостаточно прибыльны. Так, по данным исследований, в рейтинге популярности магазинов женской одежды в Китае японские компании занимали соответственно 1 – 3, 7 и 10 места (данные на 2009 г.), а соотношение экспорта и импорта японской текстильной продукции составляло соответственно 1 к 50 в пользу импорта. Сравнение статистических показателей, приведенных в Стратегии 2012 г. (январь), представляется не вполне корректным, так как учитывается вся продукция соответствующих отраслей, в том числе и массовая, производство которой японские компании уже давно размещают за рубежом. И все же рациональное зерно в таком сравнении есть, поскольку другие раз-

⁷ В документе приводятся данные на 2004 г.

витые страны, где стоимость рабочей силы также высока (а это едва ли не главная причина перемещения производства в другие страны), остаются гораздо более крупными экспортерами текстильной продукции по сравнению с Японией. И смысл приведенных японскими экспертами данных, очевидно, состоит в том, чтобы показать необходимость «монетизации» и превращения в экспортные доходы достижений японских дизайнеров в области моды, уже популярных за рубежом. Примерно такая же ситуация складывается и с ресторанами японской кухни: их популярность во многих странах мира недостаточно способствует экспорту продуктов питания из Японии.

В качестве же положительного примера в Стратегии приводится продвижение продукции, основанной на образе покемонов, экспорт которой в 2009 г. составил 3 трлн иен (треть от объема продаж на внутреннем рынке). А к 2016 г., когда покемоны «отпраздновали» свой двадцатый «день рождения», общие доходы от франшизы на данный образ (игры, анимация, фильмы, продажа лицензий) составили 46 млрд долл. (45% – на внутреннем рынке и 55% – на зарубежном).

Таким образом, в качестве одной из центральных проблем развития креативных отраслей является коммерциализация интеллектуального продукта, в том числе и в первую очередь продвижение его на зарубежные рынки.

Политика стимулирования экспорта японской креативной продукции. Важнейшими количественными показателями, обозначенными в стратегии “Cool Japan”, стали индикаторы объема экспорта, что вполне закономерно, учитывая сказанное ранее. К 2020 г. запланирован рост экспорта креативной продукции до 9,3 трлн иен против 4,6 трлн в 2009 г., в том числе модных изделий – до 2,1 трлн иен, продуктов питания и напитков – до 6,8 трлн, медиапродукции – до 0,4 трлн иен.

Для оценки позиций Японии в мировой торговле креативными продуктами обратимся к специальному исследованию ЮНКТАД (табл. 2).

Таблица 2

Торговля Японии креативными товарами и услугами, млрд долл.

	2003			2012		
	Экспорт	Импорт	Баланс	Экспорт	Импорт	Баланс
Всего	4,0	14,5	10,4	7,9	24,6	16,7
Товары	3,8	12,8	9,0	7,7	23,4	15,7
Услуги	0,2	1,7	1,5	0,2	1,2	1,0

Составлено по: Creative economy outlook and Country profiles: Trends in international trade in Creative industries. P. 80 [Electronic resource] // unctad. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webditcted2016d5_en.pdf

Несмотря на увеличение объемов торговли креативными продуктами (рост стоимости экспорта креативных товаров составил 50%), у Японии сохранялось отрицательное сальдо и по товарам, и по услугам данной группы. Лучшие показатели роста экспорта в период 2003–2012 гг. продемонстрировала продукция дизайна, аудиовизуального контента и новые медиа (табл. 3). Среди ведущих экспортеров креативных товаров Японии в 2012 г. занимала седьмое место в группе развитых стран с долей рынка в 1,6% и 12 место в глобальном рейтинге. Основными экспортными рынками для японской креативной продукции являлись США, Гонконг и Китай, причем если с первыми двумя экономиками у Японии было положительное сальдо, то с Китаем – весьма значительное отрицательное.

Правительство Японии и японские компании предпринимают немалые усилия для наращивания «креативного» экспорта, в том числе в форме реализации различных проектов. Это и популяризация японской моды через коммерческий сайт Harajuku⁸ Street Style, и ярмарка Cool Japan в Мумбаи, и проведение выставок Craft Renaissance Project в разных странах. Все невозможно даже перечислить, отметим лишь, что работа эта ведется на постоянной основе и целенаправленно. Это не набор разовых мероприятий, а действительно общенациональная стратегия.

Таблица 3

Отраслевая структура торговли Японией креативными товарами и услугами, млрд иен

	Игры	Косметика	Модный текстиль	Фильмы	Музыка	Книги	Журналы	Права	Туризм	Всего
Экспорт	293,0	129,2	37,6	4,6	2,2	7,3	4,3	131,7	875,2	1485,1
Импорт	2,1	167,4	1851,6	40,8	24,0	21,7	7,2	700,7	2171,6	4987,1
Сальдо	290,9	–38,2	–1814,0	–36,2	–21,8	–14,4	–2,9	–569,0	–1296,3	–3501,9

Примечание: игры, фильмы, музыка, книги, журналы без учета онлайн-продаж; музыка – данные на 2005 г., остальное – 2011 г.

Источник: Cool Japan Initiative, 2014. Р. 8 [Electronic resource] // meti. URL: http://www.meti.go.jp/policy/mono_info_service/mono/creative/file/1406CoolJapanInitiative.pdf

Так, в рамках программы предоставления государственных грантов на развитие и распространение за рубежом японского контента с общим фондом в 155 млн долл. поддержку получили более полутора тысяч проектов. С подобными же целями правительство поддерживает и проводящийся в Японии крупнейший в мире фестиваль контента “Со

⁸ Харадзюку – название торгового квартала в Токио, где зародилось направление японской молодежной (в основном тиньйджерской) моды, для которого характерно сочетание элементов японского национального костюма и элементов европейской моды.

Festa”, а также различные фестивали в рамках программы “Creative Tokyo”, например, “Harajuku Kawaii⁹!!”, “Tokyo Midtown Design Touch” и др. Для привлечения дополнительного внимания за рубежом к японской индустрии контента японское правительство также практикует приглашение редакторов модных изданий, блогеров и других влиятельных в мире моды, дизайна, кино, модных изданий персон для проведения различных мероприятий.

Экспорт японского креативного продукта, по замыслу, должен способствовать притоку туристов в Японию, оживлению внутреннего спроса, росту доходов компаний. В варианте стратегии 2014 г. приводятся уже некоторые примеры результативности “Cool Japan” в части экспорта. Так, компания TSS Production из Хиросимы в 2009 г. начала трансляцию программы “Japan Motion” по французскому кабельному каналу No Life (подписчики 6,5 млн домохозяйств). Распространение информации и о Хиросиме, и о Japan Expo в Париже дало заметный эффект в виде притока французских туристов в Хиросиму и увеличения числа посетителей Expo – выставки, которая является традиционным ежегодным культурным мероприятием парижского лета. Кроме того, в Париже открылся первый хиросимский ресторан окономияки¹⁰, и по итогам 2012 г. первые два места в топ-списке достопримечательностей, посещаемых иностранными туристами в Японии, заняли остров Миядзима и Мемориальный музей мира в Хиросиме (позади оказались такие любимые туристами достопримечательности, как храм Кинкакудзи в Киото, Асакуса в Токио и замок Химэдзи в Хёго).

Вообще телевидение рассматривается как важнейший инструмент распространения японского контента в мире, особенно в азиатских странах. Так, международный канал NHK World был запущен еще в 1995 г. и в настоящее время вещает на 130 стран мира. Channel Japan предоставляет информацию по бизнесу, экономике и культуре Японии в Сингапуре, Индии, Тайване. В США с 2013 г. действует веб-платформа Daisuki.net, предоставляющая по запросу пользователей японскую анимацию.

В продвижение японских креативных отраслей за рубеж вовлечен и малый и средний региональный бизнес, что неудивительно, поскольку в сфере креатива малые и микропредприятия как раз преобладают. Для популяризации и расширения продаж продукции японских марок за рубежом японским девелоперам и ритейлерам предлагается отводить специальные места (“Japan Floor”, “Japan Street”) для японских производителей уникальных товаров в своих зарубежных торговых центрах и филиалах.

⁹ Каваи – в дословном переводе «милый», «прелестный», повсеместно используется для описания различных материальных и нематериальных объектов.

¹⁰ Окономияки – популярное японское блюдо, представляющее собой жареную лепешку, смазанную специальным соусом и посыпанную тонко нарезанным сушеным тунцом.

Кроме того, в целях финансовой поддержки креативных предприятий правительство Японии в ноябре 2013 г. учредило специальный государственно-частный фонд – “Cool Japan Fund”, главными целями деятельности которого стали продвижение за рубеж эксклюзивных японских товаров и услуг и коммерциализация креативных сфер деятельности, включенных в стратегию “Cool Japan”. Финансовые ресурсы Фонда формируются за счет средств специального счета промышленных инвестиций и инвестиций частных компаний. Фонд осуществляет финансирование различных проектов в названных сферах, в том числе так называемые «проекты в области обеспечения цепочек поставок», путем устранения узких мест распространения продукции креативными компаниями, пытающимися выйти за пределы Японии¹¹.

Условия предоставления Фондом финансирования весьма льготные. Так, специалисты Фонда могут участвовать в формулировании стратегии и бизнес-плана компании-претендента, оказывать поддержку в реализации проекта. Кроме того, период предоставления инвестиций не ограничен определенным сроком, а обозначен формулой «до стабилизации бизнеса», что, конечно, чрезвычайно привлекательно для компаний, особенно представляющих малый или микробизнес, которые сталкиваются с проблемой коммерциализации продукта¹².

К настоящему времени Фонд проинвестировал 23 проекта, среди которых проект продвижения японских модных брендов на рынки Европы и Северной Америки (компания 45 rpm studio Co., Ltd) и традиционных изделий ручной работы во Францию (компания SAS ENIS), открытие в США кафе, предлагающего аутентичный зеленый чай из префектуры Нагасаки (компания Green Tea World USA, Inc.), организация в зарубежных странах (первоначально в азиатских, а в перспективе в странах Европы и Австралии) школ для создателей контента (компания Kadokawa Contents Academy Co.,Ltd.), организация и поддержка развлекательного канала Wakuwaku JAPAN, вещающего в разных странах (компания Wakuwaku JAPAN Corporation), поддержка компании, которая использует Facebook для распространения информации о японской поп-культуре (компания Tokyo Otaku Mode Inc.).

Последним по времени проектом (июнь 2017 г.), который решил профинансировать Фонд, стала поддержка японского филиала американского венчурного фонда 500 Startups¹³, который специализируется на финансировании начинающих компаний на самой начальной стадии (так называемые seed investment). По мнению экспертов Фонда, реализа-

¹¹ What is Cool Japan Fund? [Electronic Resource] // cj-fund. URL: <https://www.cj-fund.co.jp/en/about/cjfund.html>

¹² Characteristics of Cool Japan Fund [Electronic resource] // co-fund. URL: <https://www.cj-fund.co.jp/en/investment/specialty.html>

¹³ Штаб-квартира в Кремниевой долине в США.

ция проекта может способствовать продвижению японских венчурных компаний, в том числе и креативных на зарубежные рынки¹⁴.

* * *

Оценивая потенциальные возможности расширения японского экспорта креативного продукта и препятствия, стоящие на этом пути, отметим следующее. Япония, безусловно, обладает значительным потенциалом развития творческих индустрий. Более того, японский дизайн, архитектура, музыка, анимэ как культурные явления очень популярны в мире. Однако, несмотря на то что западный мир, во всяком случае, Европа познакомились с японской культурой еще в XIX в., культурная дистанция между Японией и потенциальными рынками велика. Влияние этого обстоятельства на перспективы продвижения японского креативного продукта двояко. Известно, что интерес к японской культуре и вообще к Японии после окончания периода изоляции страны во многом подпитывался именно ее необычностью. В связи с этим вопрос о том, стоит ли сейчас адаптировать и локализовать японский креативный продукт, основанный на национальном культурном контексте, остается открытым, тем более что локализация такого продукта может привести к потере его уникальности и снижению степени узнаваемости.

Заслуживает внимания также и то обстоятельство, что в Японии, как и везде в мире, большинство творческих видов деятельности и соответствующих видов бизнеса представлено микропредприятиями и индивидуальными предпринимателями (собственно, творчество чаще всего дело сугубо индивидуальное). Эти люди, сосредоточенные на творчестве, часто не имеют компетенции в области управления бизнесом, знаниями, интеллектуальной собственностью, не владеют международными бизнес-практиками. Все это может существенно затруднять для них выход на зарубежные рынки. В связи с этим поощрение и стимулирование со стороны государства, финансовая и организационная помощь различных фондов жизненно необходимы. На преодоление подобных проблем, как мы показали выше, и направлена политика японского правительства, в частности в рамках инициативы “Cool Japan”.

Список источников и литературы

1. Characteristics of Cool Japan Fund [Электронный ресурс] // cj-fund. URL: <https://www.cj-fund.co.jp/en/investment/specialty.html>
2. Cool Japan Initiative, 2014 [Электронный ресурс] // meti. URL: http://www.meti.go.jp/policy/mono_info_service/mono/creative/file/1406CoolJapanInitiative.pdf

¹⁴ List of Invested Projects [Electronic resource] // co-fund. URL: https://www.cj-fund.co.jp/en/investment/deal_list.html

3. Cool Japan Strategy, September 2012 [Электронный ресурс] // meti. URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/121016_01a.pdf
4. Creative economy outlook and Country profiles: Trends in international trade in Creative industries [Электронный ресурс] // unctad. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webditcted2016d5_en.pdf
5. Creative Economy Report 2008 [Электронный ресурс] // unctad. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf
6. International Monetary Fund World Economic Outlook, October 2017. Seeking Sustainable Growth: Short-Term Recovery, Long-Term Challenges. Statistical Appendix [Электронный ресурс] // imf. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/09/19/world-economic-outlook-october-2017>
7. JETRO Global Trade and Investment Report 2017 [Электронный ресурс] // jetro. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2017_overview.pdf
8. List of Invested Projects [Электронный ресурс] // cj-fund. URL: https://www.cj-fund.co.jp/en/investment/deal_list.html
9. Statistical Handbook of Japan 2017 [Электронный ресурс] // stat.go.jp. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2017all.pdf#page=1>
10. What is Cool Japan Fund? [Электронный ресурс] // cj-fund. URL: <https://www.cj-fund.co.jp/en/about/cjfund.html>

Irina L. Timonina

JAPAN: A STRATEGY FOR THE PROMOTION OF CREATIVE INDUSTRIES ABROAD

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

In recent decades, the Japanese economy is in the low speed segment of the global economy, while partially losing its international competitiveness in those markets where it previously had a distinct advantage, namely high-tech markets of the manufacturing industry. For the period of 5 years (2011–2015) Japan had a negative trade balance. Low economic growth in the context of continuing deflation leads to stagnation of demand in the domestic market. In these circumstances, the country's government and Japanese businesses are looking for new areas of capital investment and new export opportunities. The article analyzes the direction and results of the Japanese strategy aimed at overseas promotion of creative industries where intellectual property constitutes the core of the product. The government of S. Abe sees these industries as one of the drivers for economic growth and expansion of export potential of the country.

Key words: Japan; Creative Economy; Creative Industry; Cool Japan; export; Structure Policy.

About the author: *Irina L. Timonina* – Doctor of Sciences (in Economy), Professor, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, MGIMO University, Institute of Business Studies of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (e-mail: timonina2000@yahoo.com).

References

1. Characteristics of Cool Japan Fund [Electronic resource], cj-fund. URL: <https://www.cj-fund.co.jp/en/investment/specialty.html>
2. Cool Japan Initiative, 2014 [Electronic resource], meti. URL: http://www.meti.go.jp/policy/mono_info_service/mono/creative/file/1406CoolJapanInitiative.pdf
3. Cool Japan Strategy, September 2012 [Electronic resource], meti. URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/121016_01a.pdf
4. Creative economy outlook and Country profiles: Trends in international trade in Creative industries. [Electronic resource], unctad. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webditcted2016d5_en.pdf
5. Creative Economy Report 2008 [Electronic resource], unctad. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf
6. International Monetary Fund World Economic Outlook, October 2017. Seeking Sustainable Growth: Short-Term Recovery, Long-Term Challenges. Statistical Appendix [Electronic resource], imf. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/09/19/world-economic-outlook-october-2017>
7. JETRO Global Trade and Investment Report 2017 [Electronic resource], jetro. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2017_overview.pdf
8. List of Invested Projects [Electronic resource], cj-fund. URL: https://www.cj-fund.co.jp/en/investment/deal_list.html
9. Statistical Handbook of Japan 2017 [Electronic resource], stat.go.jp. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2017all.pdf#page=1>
10. What is Cool Japan Fund? [Electronic resource], cj-fund. URL: <https://www.cj-fund.co.jp/en/about/cjfund.html>

В.В. Бойцов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу влияния глобализации на экономику стран Юго-Восточной Азии. Автор констатирует, что этот процесс характеризуется опережающим ростом их внешнеэкономических связей и усилением включенности в мировое хозяйство. В то же время он сопровождается ускорением темпов экономического развития этих стран и значительными изменениями в отраслевой структуре их хозяйства. Это постепенно придает хозяйству стран Юго-Восточной Азии черты, присущие более развитым экономикам, и содействует их превращению из поставщиков сырья и продовольствия в крупных производителей современной промышленной продукции. В заключение автор приходит к выводу, что в процессе глобализации хозяйственная зависимость этих стран от внешнего рынка, и в особенности от центров мирового развития, усиливается и приобретает новые, все более современные черты.

Ключевые слова: глобализация; включенность в мирохозяйственные связи; позиция в мировом хозяйстве; зависимость от внешних факторов развития; влияние глобализации на экономическое развитие.

Глобализация как явление всемирно-исторического масштаба охватывает прямо или косвенно, не только практически все страны и территории мира, но и все более широкий круг их экономической и социальной жизни. Потому процесс глобализации в Юго-Восточной Азии (ЮВА), как и в других регионах мира, не ограничивается одним лишь усилением вовлеченности этих стран в мирохозяйственные связи, но и оказывает нарастающее влияние на траекторию их экономического развития, а также на формы и уровень жизни громадного большинства их населения.

Начало систематического и активного вовлечения стран региона в мировое хозяйство было положено в годы европейской колонизации. Однако особенно активно этот процесс пошел после достижения этими

Бойцов Валерий Васильевич – доцент кафедры экономики и экономической географии, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v.boitsov@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Юго-Восточной Азии в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

странами политической независимости в середине – второй половине XX в. Если говорить о динамике и масштабах этой вовлеченности, то для стран ЮВА характерны исключительно высокие темпы развития их внешнеэкономических связей. Они не только превышали темпы роста их ВВП, но и были выше темпов роста внешнеэкономических связей во всем мировом хозяйстве. Так, например, среднегодовые темпы прироста экспортной торговли в 1960–2016 гг. составили: в Индонезии – 5,5%; на Филиппинах – 6,1; Малайзии – 7,4; Сингапуре – 9,4; в Таиланде – 9,6% , что превышало среднегодовые темпы прироста их ВВП: в Индонезии – на 0,4 п.п.; Малайзии – на 1,1 п.п.; на Филиппинах – 1,8 п.п.; в Сингапуре – на 1,9 п.п. и Таиланде – на 3,5 п.п. Соответственно среднегодовые темпы прироста импортной торговли в этих странах достигли: на Филиппинах – 6,1%; в Малайзии – 7,4; Индонезии – 7,6; Таиланде – 8,3 и в Сингапуре – 9,1%, и превысили, таким образом, среднегодовые темпы прироста их ВВП: в Малайзии – на 1,1 п.п.; Сингапуре – на 1,6 п.п.; на Филиппинах – на 1,8 п.п.; в Таиланде – на 2,2 п.п.; Индонезии – на 2,5 п.п. В результате стоимость экспорта из этих стран ЮВА в ценах 2010 г. увеличилась с 1960 по 2016 г.: в Индонезии – в 19,2 раза; на Филиппинах – в 26,6; в Малайзии – в 51,2; Сингапуре – в 146,3 и в Таиланде – 152,9 раза и во всех вместе в 66,3 раза. В свою очередь, стоимость импортной торговли в тех же ценах возросла за тот же период, с 1960 по 2016 г.: на Филиппинах – в 26,3 раза; в Малайзии – в 52,0; Индонезии – в 57,1; Таиланде – в 80,6; Сингапуре – 172,4 и во всех этих странах, вместе взятых, – в 55,5 раза.

Вместе с ростом объема внешней торговли увеличился и вклад внешнеторговых операций стран ЮВА в международную торговлю. Если в 1970 г. доля указанных стран региона в мировом экспорте в тех же ценах составляла 1,8%, то в 2016 г. она возросла до 6,0%, а их удельный вес в мировом импорте соответственно увеличился с 1,5% до 5,6%².

Другим важнейшим направлением расширения внешнеэкономических связей стран региона является возрастание перемещения международного капитала и в первую очередь прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Среднегодовые темпы прироста новых ПИИ в этих странах также превышали как соответствующие темпы прироста их ВВП, так и в большинстве случаев среднегодовые темпы прироста этих инвестиций в мировом хозяйстве. Так, среднегодовые темпы прироста ПИИ за период 1980–2016 гг. составили: в Малайзии 8,6%; Индонезии – 9,1; на Филиппинах – 11,6; в Сингапуре – 15,5 и Таиланде – 15,7%, что превышало среднегодовые темпы прироста ВВП: в Малайзии на 3,0 п.п.; Индонезии – на 4,5 п.п.; на Филиппинах – на 8,1 п.п.; в Сингапуре – на 9,1 п.п. и Таиланде – на 10,5 п.п. В результате общий объем инвестированных в эти страны ПИИ увеличился за указанный период, с 1980–2016 гг.:

² Рассчитано по: The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://www.databank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#>

в Малайзии – в 20 раз; Индонезии – в 22,8; на Филиппинах – в 52,4; Сингапуре – в 176,7; Таиланде – в 192,3 и во всех этих странах, вместе взятых, в 68,9, тогда как во всем мировом хозяйстве – в 55,5 раза. В результате, если на 1980 г. в хозяйство этих стран было вложено в виде ПИИ 24,8 млрд долл. США, то на 2016 г. – 1,9 трлн долл. Следствием этого стало увеличение удельного веса этих капиталовложений во всех ПИИ, размещенных в зарубежных странах. Так, если в 1980 г. на долю этих инвестиций в хозяйстве рассматриваемых стран ЮВА пришлось 5,1% всего их совокупного объема, то в 2016 г. – уже 7,0%³.

Вместе с ростом объемов внешнеэкономических связей стран региона увеличился и их вклад в экономику этих стран. Так, доля экспорта товаров и услуг в ВВП возросла с 1960 по 2016 г.: в Малайзии – на 2,7 п.п.; Индонезии – на 8,6 п.п.; на Филиппинах – на 7,1 п.п.; в Сингапуре – на 9,2 п.п.; Камбодже – на 47,4 п.п.; в Таиланде – на 52,8 п.п. В результате в 2016 г. доля экспорта товаров и услуг в ВВП превысила в большинстве стран ЮВА, кроме Индонезии (19,1%), Мьянмы (26,4%) и Филиппин (28,0%), среднюю для мирового хозяйства (29,4%) и достигала: в Брунее – 46,0%; Камбодже – 61,3; Малайзии – 67,2; Таиланде – 68,9; Вьетнаме – 93,6 и в Сингапуре – 172,1%.

Похожая ситуация сложилась и в импортной торговле. Так, удельный вес импорта товаров и услуг в ВВП увеличился за тот же период, с 1960 по 2016 г.: в Индонезии на 5,7 п.п.; Малайзии – на 11,8 п.п.; на Филиппинах – на 25,4 п.п.; Таиланде – на 36,8 п.п., в Камбодже – на 43,7 п.п. И хотя вклад импорта в общественное производство в Сингапуре за указанное время и сократился (на 30,3 п.п.), он остался на исключительно высоком уровне. В результате вклад импортной торговли в ВВП в том же 2016 г. превысил во всех странах ЮВА, кроме Индонезии (18,3%) и Мьянмы (26,4%), средний для мирового хозяйства (28,7%) и составил: на Филиппинах 36,9%; в Лаосе – 39,1; Брунее – 46,0; Таиланде – 54,2; Малайзии – 60,8; Камбодже – 65,7; Вьетнаме – 91,1 и в Сингапуре – 146,3%.

Если обратиться теперь к оценке значения ПИИ для экономики стран ЮВА, то их вклад в совокупные инвестиции в этих странах, в особенности в отдельные годы, находится на достаточно высоком уровне. Так, в 2015 г. доля этих инвестиций во всем объеме капиталовложений в экономику стран региона достигла: в Индонезии – 6,7%; на Филиппинах – 9,1; в Таиланде – 10,1; Малайзии – 14,7; Вьетнаме – 22,1; Лаосе – 26,6; Камбодже – 42,0 и в Сингапуре – 88,8%, что в большинстве случаев превысило, в том числе весьма заметно, средний, сложившийся в мировом хозяйстве (12,1%). Изменилась и географическая структура внешнеэкономических связей большинства стран региона. Наряду с бывшими метрополиями и другими экономически развитыми странами,

³ Рассчитано по: UNCTAD. World Investment Report 1996. N.Y and Geneva, 1996. P. 239, 242; UNCTAD. World Investment Report 2017. N.Y. and Geneva, 2017. P. 226–228.

все большее место во внешней торговле и инвестициях в экономику этих стран стали занимать освободившиеся от колониальной зависимости молодые национальные государства, что было следствием не только достижения ими политической самостоятельности и укрепления национальной основы производства, но развернувшейся в большинстве из них в тех или иных масштабах структурной перестройки и расширения номенклатуры и объема производства промышленной продукции. В результате удельный вес товарного экспорта, направляемого в развивающиеся страны и в страны с переходной экономикой с 1960 по 2015 г. возрос: в Камбодже на 0,8 п.п.; Мьянме – на 8,6 п.п.; Сингапуре на 11,0 п.п.; на Филиппинах – на 18,8 п.п.; в Малайзии (с 1967 г.) – на 23,1 п.п.; Брунее – на 23,5 п.п.; Таиланде – на 26,3 п.п. и в Индонезии – на 28,6 п.п., что, как правило, заметно превосходило соответствующий показатель всего мирового хозяйства (1,3 п.п.). В те же годы доля импорта из развивающихся стран и стран с переходной экономикой во всем товарном импорте увеличилась: в Малайзии (с 1967 г.) на 19,9 п.п.; Сингапуре – на 20,2 п.п.; Индонезии – на 22,7 п.п.; Брунее – на 26,7 п.п.; на Филиппинах – на 28,6 п.п.; в Таиланде – на 34,9 п.п.; Мьянме – на 35,4 п.п.; Вьетнаме – на 37,1 п.п. и в Камбодже – на 54,8 п.п., тогда как во всем мировом хозяйстве – на 10,4 п.п.⁴

Что касается ПИИ, то и здесь их источниками для стран региона традиционно были колониальные державы, а позднее и другие индустриальные страны Европы и Северной Америки, а вслед за ними – и Япония. Однако в дальнейшем, по мере деколонизации, а также укрепления позиций национального капитала в бывших колониальных и зависимых странах, среди доноров-поставщиков этих инвестиций в страны ЮВА все более заметное место стали занимать ПИИ, направляемые туда из развивающихся стран. Так, по оценке автора, вклад развивающихся стран и стран с переходной экономикой в хозяйство стран юго-восточноазиатского региона превысил, пусть и не на много (не более 4 п.п.) половину всех новых ПИИ размещенных в указанный год в странах этого региона⁵.

В свою очередь, сами страны ЮВА, по мере роста национального капитала и формирования его «излишков», стали все более активно включаться в вывоз ПИИ из своих стран как в границах региона, так и за его пределами. Если до 1980 г., включительно, из этих стран было вывезено в виде ПИИ 1,2 млрд долл., то на 2016 г. – уже 1,0 трлн долл. В результате удельный вес этих инвестиций во всем международном перемещении ПИИ соответственно возрос с 0,2% до 3,9%⁶.

⁴ Составлено и рассчитано по: The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://www.databank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#>

⁵ ASEAN Statistical Yearbook 2016. Jakarta, 2016. P. 221.

⁶ Рассчитано по: UNCTAD. World Investment Report 1996. N.Y. and Geneva, 1996. P. 245–247; UNCTAD. World Investment Report 2017. New York and Geneva, 2017. P. 226–228.

Усиление включенности стран ЮВА в мирохозяйственные связи и повышение значения этих связей для экономики стран региона сопровождаются и дополняются расширением и упрочением их взаимного хозяйственного сотрудничества. Несмотря на конкуренцию со стороны не только индустриальных стран, но и со стороны других развивающихся экономик, темпы роста взаимных внешнеэкономических связей стран ЮВА опережают динамику развития этих связей в целом. Так, доля внутрирегионального товарного экспорта этих стран во всей их экспортной торговле только за 1993–2015 гг. увеличилась на 5,8 п.п. и в импортной – на 4,5 п.п. и соответственно достигла 26,9% всех их экспортных и 21,9% импортных операций⁷.

Столь же заметно укрепились и позиции стран ЮВА как инвесторов, размещающих свои капиталовложения в экономику соседей по региону. Если в 1995 г. новые взаимные ПИИ этих стран не превышали 3,5 млрд долл., то два десятилетия спустя, в 2015 г., их объем достиг 22,1 млрд долл., что позволило увеличить их вклад в общий приток этих инвестиций в рассматриваемые страны ЮВА с менее чем 14,9% до 18,5%⁸. При этом, несмотря на свой все еще относительно небольшой объем, внутрирегиональные инвестиции вносят заметный вклад в инвестиционный процесс многих стран региона. Достаточно сказать, что их удельный вес во всех ПИИ в том же 2016 г. достиг: на Филиппинах – 6,7%; в Сингапуре – 10,7; Малайзии – 18,2; Лаосе и Вьетнаме – 18,3; Камбодже – 27,9; Индонезии – 36,0; Мьянме – 56,3 и в Таиланде – 68,9%⁹.

Наряду с расширением внешнеэкономических связей стран ЮВА, усилением их включенности в мировое хозяйство и повышением роли этих связей в экономике стран региона, процесс глобализации, как правило, сопровождался высокими темпами роста их общественного производства. Так, среднегодовые темпы прироста ВВП за период с 1960 по 2016 г. в ценах 2010 г. достигли: на Филиппинах – 4,3%; в Камбодже (с 2000 г.) – 4,2; Индонезии – 5,1; Мьянме – 5,7; Таиланде – 6,1; Малайзии – 6,3; Лаосе (с 1980 г.), во Вьетнаме (с 1980 г.) – 6,5 и в Сингапуре – 7,5% , что превышало соответствующий показатель во всем мировом хозяйстве (3,5%). В результате производство ВВП на душу населения в тех же ценах 2010 г. возросло с 1960 по 2016 г.: на Филиппинах в 2,6 раза; в Лаосе (с 1984 г.) – в 3,9; Вьетнаме (с 1984 г.) – в 4,6; Индонезии – в 5,8 раза; Мьянме – в 7,8; Камбодже (с 2000 г.) – в 8,4; Малайзии – в 8,9; Таиланде – в 10,3 и в Сингапуре – в 15,5 раза, тогда как во всем мировом хозяйстве – в 2,8 раза. Благодаря столь высоким темпам общественного производства странам региона удалось заметно

⁷ Рассчитано по: ASEAN Statistical Yearbook 2003. Jakarta, 2003. P. 74, 75; ASEAN Community Figures (ASIF) 2016. Jakarta, 2016. P. 19, 20.

⁸ Составлено и рассчитано по: ASEAN Statistical Yearbook 2003. Jakarta, 2003. P. 138; ASEAN Statistical Yearbook 2016. Jakarta, 2016. P. 221.

⁹ ASEAN Statistical Leaflet., Selected Key Indicators 2016. Jakarta, 2016.

укрепить свои позиции в мировом хозяйстве. Если в 1960 г. вклад стран ЮВА в мировое производство составлял в тех же ценах 2010 г. 1,1% (в текущих ценах 1,3%), то к 2016 г. он увеличился до 3,0% (в текущих ценах 3,3%), а по паритетам покупательной способности валют и до 5,5%¹⁰.

Существенно изменилась в странах ЮВА и отраслевая структура их хозяйства. Прежде всего во всех этих странах, за исключением Брунея, заметно ослабили позиции аграрного сектора. Его удельный вес в общем производственном производстве стран региона за период с 1970 по 2015 г. сократился: в Сингапуре на 2,7 п.п.; Таиланде – на 6,8 п.п.; Мьянме – на 14,8 п.п.; на Филиппинах – на 15,7 п.п.; в Лаосе – на 16,3 п.п.; Камбодже – на 18,4 п.п.; Малайзии – на 21,4 п.п.; Вьетнаме – на 22,6 п.п. и в Индонезии – на 28,7 п.п. В то же время вклад индустриальных отраслей экономики и сферы услуг, напротив, заметно увеличился. За тот же период, с 1970 по 2015 г., доля промышленного производства в ВВП возросла: в Камбодже на 8,3 п.п.; Малайзии – на 9,8 п.п.; Таиланде – на 12,9 п.п.; Лаосе – на 14,6 п.п.; Вьетнаме – на 15,3 п.п.; Индонезии – на 16,0 п.п. и в Мьянме – на 16,0 п.п. Удельный вес сферы услуг и прежде всего современных ее видов соответственно увеличился: в Камбодже – на 2,5 п.п.; Вьетнаме – на 4,2 п.п.; Индонезии – на 4,4 п.п.; Сингапуре – на 4,8 п.п.; Таиланде – на 5,7 п.п.; Малайзии – на 10,3 п.п.; на Филиппинах – на 19,1 п.п.; в Брунее – 31,5 п.п. В результате сфера услуг утвердилась в качестве ведущей отрасли общественного производства во всех странах ЮВА, кроме Брунея, и составила в 2015 г.: в Мьянме – 38,7% его объема; Камбодже – 42,2; Лаосе – 43,5; Вьетнаме – 44,3; Индонезии – 44,5; Малайзии – 51, 8; Таиланде – 54,4; на Филиппинах – 57,8; в Сингапуре – 73,6%. Промышленность же и другие индустриальные отрасли повсеместно, за исключением – Камбоджи, заняли ведущее место в сфере их материального производства и достигли в том же 2015 г.: в Сингапуре – 21,2% его ВВП; на Филиппинах – 24,6; Лаосе – 26,3; Мьянме – 25,4; Индонезии – 30,6; Вьетнаме – 30,3; Таиланде – 32,4; Малайзии – 34,9 и в Брунее – 57,8%¹¹.

Изменения в отраслевой структуре производства вызвали и соответствующие изменения и в товарной структуре их экспорта. Прежде всего заметно увеличилась в ней доля промышленной продукции, и в первую очередь продукции обрабатывающей индустрии. Так, с 1963 по 2015 г. вклад последней в экспортную торговлю этих стран возрос: в Брунее – на 6,6 п.п.; Камбодже – на 24,1 п.п.; Вьетнаме – на 34,7 п.п.; Индонезии – на 3,8 п.п.; Сингапуре – на 49,5 п.п.; Малайзии – на 61,7 п.п.; Таиланде – на 75,3 п.п. и на Филиппинах – на 80,2 п.п. В результате доля продукции обрабатывающей промышленности во всем товарном

¹⁰ Рассчитано по: The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://www.databank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#>

¹¹ Рассчитано по: UN. National Accounts Statistics: Analysis of Main Aggregates 2015. N.Y., 2017. P. 122–132.

экспорте в 2015 г. достигла: в Брунее – 6,6%; Индонезии – 40,9; Малайзии – 66,9; Вьетнаме – 76,3; Сингапуре – 77,0; Таиланде – 77,8; на Филиппинах – 84,8 и в Камбодже – 93,9%, тогда как во всей мировой экспортной торговле она составила 69,7%¹². Столь значительное место, занимаемое продукцией обрабатывающей индустрии в товарном экспорте большинства стран ЮВА, является следствием не только сохраняющейся, но и продолжающей усиливаться экспортноориентированной природы этой отрасли в хозяйстве стран региона.

Таким образом, ускоренный рост общественного производства и перестройка отраслевой структуры хозяйства позволили странам ЮВА превратиться из поставщиков на мировой рынок продукции преимущественно сырьевого сектора в своеобразную фабрику, снабжающую мировой рынок промышленными полуфабрикатами и готовыми изделиями и тем самым укрепить свои позиции в мировой экономике, придать своему хозяйству, где в большей, а где в меньшей степени, черты, присущие более развитым экономикам мира.

Вместе с тем усиление вовлеченности стран региона в процесс глобализации и позитивные перемены в их хозяйстве сопровождаются возникновением новых вызовов и обострением старых проблем, присущих экономике развивающихся стран.

Прежде всего, несмотря на сходство социально-экономических процессов, происходящих в постколониальный период практически во всех странах ЮВА, все они отличаются, иногда весьма значительно, по темпам, масштабам и пропорциям. В разные периоды в одних странах эти процессы идут более динамично, сбалансированно и устойчиво, в других, напротив, – не только более медленно, но и сопровождаются откатами к хозяйственной архаике. Все это, в конечном счете, привело к усилению хозяйственной дифференциации стран региона, происходящей на фоне их экономического роста. Так, коэффициент вариации, называемый также коэффициентом однородности, рассчитанный по данным о производстве ВВП на душу населения в постоянных ценах 2010 г., увеличился в ЮВА за 1970–2016 гг. со 134% до 145%¹³, что свидетельствует о возрастании степени неоднородности в регионе и усилении дифференциации между образующими его странами.

Еще больше возрос и абсолютный разрыв между ВВП на душу населения большинства стран ЮВА и средним в мировом хозяйстве. С 1960 по 2016 г. этот разрыв в постоянных ценах 2010 г. увеличился: в Таиланде – на 1372 долл.; Камбодже (с 2000 г.) – на 2435 долл.; Вьетнаме (с 1980 г.) – на 2613 долл.; Лаосе (с 1980 г.) – на 2774 долл.; Индонезии – на 3418 долл.; на Филиппинах – на 5000 долл. и в Мьянме – на 5432 долл.

¹² Рассчитано по: The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://www.databank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#>

¹³ Рассчитано по: UN. National Accounts Statistics: Analysis of Main Aggregates 2015. N.Y., 2017, P. 23.

Несколько более благоприятными для стран региона являются результаты этого сопоставления, рассчитанные по паритетам покупательной способности валют, хотя результаты этих расчетов не могут считаться полностью сопоставимыми с вышеприведенными, так как охватывают более короткий промежуток времени (максимум с 1990 г.) и базируются на ценах другого, 2011 г. Однако и в этом случае у половины стран ЮВА абсолютный разрыв между ВВП на душу населения и средним в мировом хозяйстве за период с 1990 по 2016 г., заметно возрос: в Мьянме – на 1510 долл.; Вьетнаме – на 1662 долл.; Лаосе – на 1994 долл.; Камбодже – на 2612 долл.; на Филиппинах – на 2889 долл. и еще в одной стране – в Индонезии остался практически на прежнем уровне.

Несмотря на прогрессивный характер перестройки отраслевой структуры в странах региона, она продолжает сохранять архаичные черты. Так, аграрный сектор по-прежнему занимает в экономике большинства этих стран исключительно важное место. Его вклад в общественное производство составил в 2015 г.; в Малайзии – 8,5%; Таиланде – 8,7; на Филиппинах – 10,3; в Индонезии – 13,5; Вьетнаме – 18,9; Лаосе – 19,7; Мьянме – 26,7 и в Камбодже – 28,6%, что превышает соответствующий индикатор, характеризующий все мировое хозяйство (3,8%). В то же время удельный вес сферы услуг в ВВП во всех странах ЮВА, кроме Сингапура, все еще не достигает среднего, сложившегося в мировом хозяйстве к 2015 г. (69,0%), и находится в пределах от 37,5% (в Брунее) до 58,8% (на Филиппинах)¹⁴.

В свою очередь, в индустриальном секторе, несмотря на его относительно быстрый рост и технологическую модернизацию, преобладает продукция, изготавливаемая по иностранным лицензиям и с использованием иностранной техники.

Наконец, благодаря опережающему росту внешнеэкономических связей и усилению включенности стран региона в мировое хозяйство внешние факторы и до того игравшие в этих странах заметную роль, приобрели в процессе глобализации, более масштабный характер. Следствием этого явилось усиление зависимости этих стран от мирового хозяйства в целом, и в особенности от экспортеров знаний, и новых технологий, т.е. все тех же наиболее развитых в экономическом и в научно-техническом отношении стран.

Список литературы и источники

1. ASEAN Community Figures (ASIF) 2016. Jakarta, 2016.
2. ASEAN Statistical Leaflet., Selected Key Indicators 2016. Jakarta, 2016.
3. ASEAN Statistical Yearbook 2003. Jakarta, 2003.
4. ASEAN Statistical Yearbook 2016. Jakarta, 2016.

¹⁴ Составлено и рассчитано по: The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: [https:// www.databank. org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#](https://www.databank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#)

5. UN. National Accounts Statistics: Analysis of Main Aggregates 2015. N.Y., 2017.
6. UNCTAD. World Investment Report 1996. N.Y. and Geneva, 1996.
7. UNCTAD. World Investment Report 2017. New York and Geneva, 2017.
8. The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://www.databank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#>

Valery V. Boitsov

THE BASIC TRENDS AND FEATURES OF GLOBALIZATION IN SOUTH-EAST ASIA

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

The article is devoted to the globalization impact analysis on the economic development of the Southeast Asian countries. The author notes that this process is characterized by the accelerated growth of their foreign economic relations and the increased involvement in the global economy. At the same time, it is accompanied by the increasing rates of economic development in these countries and significant changes in their economic structure. The globalization process stimulates the economies of Southeast Asian countries to gradually acquire the features of more developed markets, and facilitates their transformation from being the suppliers of food and raw materials to becoming large producers of modern industrial products. The author comes to the conclusion that at the same time with acquiring new increasingly modern development trends the globalization leads to the increase in the economic dependency of the region on the foreign markets and in particular on the main centers of the world economy.

Key words: globalization; involvement in global economy; position in the world economy; dependence on external factors in development; the impact of globalization on economic development.

About of author: *Valery V. Boitsov* – PhD (history), Associate Professor, Development of Economics and Economic Geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: v.boitsov@mail.ru).

References

1. ASEAN Community Figures (ASIF) 2016. Jakarta, 2016.
2. ASEAN Statistical Leaflet., Selected Key Indicators 2016. Jakarta, 2016.
3. ASEAN Statistical Yearbook 2003. Jakarta, 2003.
4. ASEAN Statistical Yearbook 2016. Jakarta, 2016.
5. UN. National Accounts Statistics: Analysis of Main Aggregates 2015. N.Y., 2017.
6. UNCTAD. World Investment Report 1996. N.Y. and Geneva, 1996.
7. UNCTAD. World Investment Report 2017. New York and Geneva, 2017.
8. The World Bank. Data Bank. World Development Indicators. URL: <https://www.databank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#>

Л.С. Бочарова

АРАБСКИЕ СТРАНЫ В МИРОВОМ ТРЕНДЕ РАЗВИТИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются состояние и перспективы развития атомной энергетики в арабских странах. Отдельное внимание уделено причинам более широкого интереса к использованию этого вида альтернативной энергии и анализу существующих планов. Атомная энергетика рассматривается правительством ряда арабских стран в качестве одного из основных источников получения электроэнергии в будущем. Материал статьи позволяет заключить, что ядерные программы большинства арабских стран, хотя и носят амбициозный характер, пока не подкреплены соответствующим уровнем развития инфраструктуры. Принимая во внимание значительное отставание стран региона в научной и технологической областях, а также отсутствие необходимого количества национальных кадров, реализация ядерных проектов возможна лишь при широком привлечении зарубежной помощи. Вместе с тем некоторым государствам, в частности Объединенным Арабским Эмиратам, удастся в ближайшее десятилетие построить собственные атомные станции. В случае реализации ядерных программ рядом арабских стран актуальными становятся вопросы техногенных и геополитических рисков.

Ключевые слова: атомная энергетика; мировой тренд; арабские страны; национальные программы; атомные электростанции.

Специалисты Всемирного энергетического совета прогнозируют рост мирового потребления электрической энергии в период с 2010 по 2050 г., как минимум на 27% и как максимум на 61%. При этом на Ближнем Востоке соответствующие цифры достигнут 81–114 %. Эксперты British Petroleum утверждают, что рост уровня энергопотребления в регионе уже к 2035 г. вырастет на 77%².

В таких условиях надежность и устойчивость систем генерации может быть достигнута за счет диверсификации энергетической корзины.

Бочарова Людмила Семеновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и экономгеографии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: bocharovaludmila@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² Перспективы развития атомной энергетики на Ближнем Востоке: интересы России. Валдай, Международный дискуссионный клуб. М., 2016. С. 9 [Электронный ресурс]. URL: valdaiclub.com

Альтернативные источники энергии в большинстве стран региона пока не могут обеспечить необходимого масштаба и бесперебойности производства электроэнергии. Как показывает опыт ряда стран, с этими задачами может справиться и действительно успешно справляется атомная энергетика.

Прогноз Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) говорит о том, что, несмотря на некоторое снижение суммарной выработки АЭС в мире сегодня, в дальнейшем до 2030 г. будет происходить существенный рост производства атомной энергии. В настоящее время строительство АЭС сконцентрировано преимущественно в Восточной Азии (Японии, Корее и Китае). Последний анонсирует строительство 200–250 энергоблоков на побережье, в результате чего сможет достичь 10% атомной генерации по установленной мощности в мире.

Активное строительство АЭС ведется и в Европе. По данным Комитета по энергетике Госдумы РФ, оно осуществляется во Франции, Финляндии, Венгрии, Словакии. Заметная доля по введению новых энергоблоков приходится на Россию, Индию, США и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Появление ОАЭ в таком сообществе представляет собой пример, как страна может с нуля прийти к полной ядерной программе³.

Атомная энергетика позволяет решать и проблему экологии. Для снижения глобального потепления на два градуса к 2050 г., по мнению специалистов Всемирной ядерной ассоциации (WNA), необходимо ежегодно вводить в эксплуатацию 35 энергоблоков. Сегодня эта цифра не превышает 10–15 блоков атомной генерации в год.

Что касается стран Ближнего Востока и Северной Африки, то основными причинами их ориентации на ядерную энергетику, являются удовлетворение быстрого роста энергопотребления и участие в решении экологической проблемы. Важными являются и такие факторы, как наличие значительных объемов инвестиционного капитала, создание национального научного, технического и промышленного потенциала в ядерной сфере или приобретение его компонентов за рубежом. А это, в свою очередь, при определенных условиях может быть использовано для создания ядерного оружия. К 2011 г. в 13 государствах Ближнего и Среднего Востока⁴ были разработаны планы строительства 90 атомных энергоблоков до 2030 г.⁵ О своем желании развивать атомную энергетику сообщили такие североафриканские страны, как Алжир, Марокко и Тунис.

³ См.: Никифоров О. Новые аспекты развития мировой ядерной энергетики // Независимая газета. 2017. 11 июля [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2017-07-11/100_atomtech.html

⁴ Включены страны: Бахрейн, Египет, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Сирия, Турция.

⁵ Перспективы развития атомной энергетики на Ближнем Востоке: интересы России. Валдай, Международный дискуссионный клуб. С. 7 [Электронный ресурс]. URL: valdaiclub.com

Чем же обладают арабские страны для реализации этих планов? Прежде всего объемными запасами урана. Наиболее крупные их месторождения находятся в Иордании, где было обнаружено 50 000 <USD 260/kgU и 50 000 <USD 130/kgU и Алжире – 26000 <USD 260/kgU. Для сравнения следует сказать, что в недрах Ирана залегают лишь 3 386 <USD 260/kgU и 3 386 <USD 130/kgU⁶. Добыча урана в Алжире пока экономически невыгодна. Но ситуация может измениться в связи с развитием ядерного сектора экономики. В последнее время найдены месторождения урана в Саудовской Аравии.

Помимо собственно урановой руды, существуют так называемые нетрадиционные ресурсы. Согласно Красной книге МАГАТЭ, к ним относятся уран, содержащийся в фосфатах, рудах цветных металлов, черных сланцах и лигнитах (буром угле). 12% мирового выпуска урана приходится на производства, где уран извлекается в качестве побочного продукта. В США функционируют восемь заводов по производству ядерного топлива из фосфатной руды, в Бельгии – два. В связи с этим следует обратить внимание на Марокко, являющуюся первой страной в мире по производству и разработке фосфатосодержащего сырья, достоверные запасы которого достигают 20–22 млрд т. Марокканские фосфаты привлекательны с точки зрения содержания урана: показатели PPM⁷ здесь достигают 115 (месторождение Хурибга) и 155 (месторождение Сафи). Они уступают только США – во Флориде этот показатель не опускается ниже 180. Для сравнения – на российском месторождении Кола значение показателя всего 10 PPM⁸. Это является одной из причин, по которой в Марокко уделяется большое внимание перспективам развития собственной ядерной программы.

Ряд арабских стран, которые вошли в «Договор о нераспространении ядерного оружия», согласились отказаться от своего права на собственное производство ядерного топлива в пользу его закупок у надежных международных поставщиков. Как последний пример, в сентябре 2017 г. Объединенные Арабские Эмираты подписали меморандум с Республикой Казахстан о закупках урана для своих атомных станций.

Что же касается стоимости урана, то ситуацию здесь нельзя назвать определенной. В начале 2003 г. рыночная цена за фунт урана составляла \$11,2. В 2007 г. она резко выросла до \$99,2, а затем к февралю 2015 г. снизилась до \$38. При такой флуктуации специалистам сложно предсказать перспективу движения цен на уран.

⁶ Uranium 2014: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the OECD Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. OECD 2014, NEA № 7209. P. 136, 271, 286 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd-nea.org/ndd/pubs/2014/7209-uranium-2014.pdf>

⁷ PPM – миллионная доля, пропромилле. Для массовых концентраций 1 ppm = 1 г/т = 1 мг/кг.

⁸ См.: Носков А.Ю. Нестабильный рынок ядерного горючего. Экспертно-информационная интернет-площадка Arafnews. 10 декабря 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://arafnews.ru/materials/nestabilnyj-rynok-jadernogo-gorjuchego.html>

Говоря о составляющих научно-технического потенциала атомной энергетики, следует отметить, что он весьма ограничен. В конце 2010 г. из арабских ближневосточных стран только Египет обладал двумя исследовательскими реакторами. Мощность первого, ввезенного СССР в 1958 г., не превышала 2 МВт. Второй (22 МВт) приобретен в Аргентине в 1998 г.⁹ В Сирии для экспериментальной работы находился миниатюрный источник нейтронов. Ранее исследовательскими реакторами обладал и Ирак. В Центре ядерных исследований в Багдаде располагались два реактора: один из России, другой из Франции. Но во время проведения военной операции «Буря в пустыне» была раскрыта незадекларированная перед МАГАТЭ деятельность Ирака в ядерной области. В соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН 687 (1991) от 3 апреля 1991 г., все материалы, оборудование и установки в стране были уничтожены. Те немногие ученые из Ирака и в целом из региона, кто получил за рубежом образование в сфере ядерной физики, по возвращении были вынуждены менять свой род деятельности из-за отсутствия спроса на их знания. Алжир располагает двумя ядерными реакторами. Правительство АНДР в 2009 г. объявило о планах строительства по одной АЭС каждые пять лет. Первая станция должна вступить в строй к 2020 г.

Видимо, не будет преувеличением сказать, что планы развития атомной энергетики, имели скорее политический характер и не были в достаточной мере проработаны и подготовлены. В некоторых из них на строительство первого энергоблока на новой площадке отводилось лишь 7–8 лет. И это в условиях отсутствия нормативно-правовой базы и квалифицированных кадров, системы регулирования ядерной деятельности и вопросов финансирования. В то же время специалисты МАГАТЭ отводят на подобные работы не менее 10–15 лет.

Существенное влияние на планы развития атомной энергетики оказали авария на АЭС «Фукусима» в марте 2011 г. и события «Арабской весны», охватившие в конце 2010 года значительную часть арабского мира. От своих планов в области атомной энергетики отказались самые маленькие страны Ближнего Востока – Бахрейн, Оман, Кувейт. В основе принятых решений лежали опасения, что в силу компактности территорий этих стран в случае аварии на построенной АЭС невозможно будет обеспечить необходимый уровень защиты населения. Площадь Бахрейна не достигает 1 тыс. кв. км, в то время как территория отселения в результате аварии на АЭС «Фукусима» составила свыше 1200 кв. км.

Сегодня ряд стран региона скорректировали свои планы в области атомной энергетики, отказались от завышенных ожиданий в отношении планируемых АЭС. Например, Иордания вначале рассматривала энергетические реакторы одновременно как источник производства

⁹ См.: *Билан В.Н.* Перспективы развития атомной энергетики в арабских странах. 22 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11053>

электроэнергии, энергии для опреснения морской воды и источник производства водорода, с тем чтобы использовать его в качестве топлива в автомобилях с водородным двигателем. Позже в планы была внесена корректировка, ограничивающая использование АЭС только производством электроэнергии.

Последние события в атомной энергетике повысили требования к безопасности и применяемым технологиям. Они подняли нижнюю технологическую планку до реакторов третьего поколения, которые предлагают на мировом рынке основные ядерные поставщики: Франция, Япония, Южная Корея, Россия. Последняя в целях повышения безопасности мировой атомной энергетики выступает за принятие поколения III+ в качестве минимального стандарта при реализации новых проектов АЭС. При таком подходе Китай, который рассматривался на ближневосточном рынке в качестве возможного конкурента традиционным ядерным экспортерам, оказался за пределами списка перспективных поставщиков на ближайшие 5–10 лет, поскольку обладает технологией строительства только реакторов второго поколения¹⁰.

В атомной энергетике больше, чем в других отраслях при формировании государственной политики и планов развития важен учет общественного мнения. Пик негативного отношения к атомной энергетике пришелся на вторую половину 1980-х годов – 1990-е годы. Тренд сменился на позитивный настрой в первое десятилетие XXI в. в связи с ростом внимания к проблемам глобального потепления и энергетической безопасности. В большинстве стран Западной Европы уровень поддержки развития атомной энергетики вырос на 15 % и более, достигнув 50% в Швеции, 62% в США и 75% в Венгрии.

Позитивные сдвиги в отношении населения к атомной энергетике произошли и в арабских странах. Так, например, общественная поддержка мирного атома в Саудовской Аравии выросла на 10 %, а в ОАЭ уровень поддержки в 85 % сохранялся даже несколько недель после аварии на АЭС «Фукусима».

Каковы же перспективы развития атомной энергетики в регионе Ближнего Востока до 2030 г.? С высокой долей вероятности сегодня можно утверждать, что в течение ближайших 10 лет вслед за Ираном ОАЭ приступят к эксплуатации своих первых атомных электростанций. Для получения безопасной, чистой и эффективной атомной энергии в Объединенных Арабских Эмиратах была создана Корпорация по ядерной энергетике (ENEC) с целью начала поставки электричества в энергосистему страны в 2017 г. В феврале 2010 г. организован Международный консультативный совет, а в ноябре 2010 г. состоялось подписание соглашения с Великобританией о совместной работе в области

¹⁰ Перспективы развития атомной энергетики на Ближнем Востоке: интересы России. Валдай, Международный дискуссионный клуб. С. 17–18 [Электронный ресурс]. URL: valdaiclub.com

атомной энергетики¹¹. Контракт на строительство четырех энергоблоков стоимостью в \$20 млрд подписан в декабре 2009 г. с корейской компанией Korea Electric Power Corporation (KEPCO). В декабре 2010 г. началась работа на площадке возле поселка Барака. Как ожидается, первый энергоблок должен начать производство электричества в 2017 г., а остальные – к 2020 г. Согласно расчетам, к этому времени ядерная энергия покроеет почти четверть потребности страны в электроэнергии. Египет, Иордания и Саудовская Аравия, несмотря на проявленный интерес к атомной энергетике, вряд ли смогут присоединиться к ОАЭ ранее 2025 г.

Говоря, в целом, о регионе Ближнего и Среднего Востока следует отметить, что при оптимистичном сценарии развития атомной энергетики на перспективу до 2030 г. в шести странах (ОАЭ, Египте, Иордании, Саудовской Аравии, Иране и Турции) могут быть построены девять АЭС с 33 реакторами. При негативном сценарии в этот же срок лишь Иран, ОАЭ и Турция будут иметь по одной АЭС, а в эксплуатации будут находиться 11 энергетических реакторов. С учетом того, что на этапе 2005–2010 гг. 13 странами региона заявлялось о планах построить к 2030 г. 26 АЭС на основе примерно 90 атомных энергоблоков, можно говорить, что при благоприятном сценарии они будут реализованы на треть, при негативном – на 10%.

В случае реализации ядерных программ арабских стран актуальными становятся вопросы техногенных и геополитических рисков. Эксперты считают, что на безопасное функционирование атомных АЭС могут оказать влияние как климатические условия, так и возможность терактов. К тому же, по их мнению, остается серьезной угрозой похищения отработавшего топлива со стороны радикально настроенных организаций.

Список источников и литературы

1. *Авад Альбади*. Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива // Индекс безопасности – 2012. № 1 (100). Т. 18. С. 125–132 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406200510.pdf>
2. *Билан В.Н.* Перспективы развития атомной энергетики в арабских странах. 22 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11053>
3. *Никифоров О.* Новые аспекты развития мировой ядерной энергетики // Независимая газета. 2017. 11 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sk.ru/press/news/item/4239453/>
4. *Носков А.Ю.* Нестабильный рынок ядерного горючего. Экспертно-информационная интернет-площадка Arafnews. 10 декабря 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://arafnews.ru/materials/nestabilnyj-rynok-jadernogo-gorjuchego.html>
5. Перспективы развития атомной энергетики на Ближнем Востоке: интересы России. Валдай. Международный дискуссионный клуб. 84 с. [Электронный ресурс]. URL: valdaiclub.com
6. Uranium 2014: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the OECD Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. OECD 2014, NEA No. 7209. 508 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd-neo.org/ndd/pubs/2014/7209-uranium-2014.pdf>

¹¹ *Авад Альбади*. Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива // Индекс безопасности. 2012. № 1 (100). Т. 18. С. 130 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406200510.pdf>

Lyudmila S. Bocharova

ARAB COUNTRIES WITHIN THE WORLD NUCLEAR ENERGY DEVELOPMENT TREND

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

This article gives a general outline of the current state and perspectives of nuclear energy development in Arab countries. Special attention is paid to the reasons of utilization of this type of alternative energy and to analysis of existing plans for its development. Governments of a number of Arab countries expect it to become an important energy source in the future. The material analyzed in the article allows to conclude that the existing programs are too ambitious and don't have a solid infrastructure basis yet. Taking into consideration the fact that the countries of the region significantly lag behind technologically and don't have national human resources for nuclear power-related projects, implementation of such projects is only possible with international assistance. Nevertheless, a number of Arab countries, namely the UAE, will be able to construct their own NPPs in the coming years. If such plans are realized, the issues of technological and geopolitical risks will become quite topical.

Key words: nuclear energy; global trend; Arab countries; national programs; nuclear power plants.

About the author: *Lyudmila S. Bocharova* – Candidate of Economic Sciences, Assistant professor, Department of economics and economic geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bocharovaludmila@mail.ru).

References

1. Avad Al'badi. Atomnaya energetika v arabskikh stranakh Persidskogo zaliva [Nuclear power in the Arab countries of the Persian Gulf]. *Indeks bezopasnosti – 2012. № 1(100). V. 18*, p. 125-132. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406200510.pdf>
2. Bilan V.N. *Perspektivy razvitiya atomnoi energetiki v arabskikh stranakh* [Prospects for the development of nuclear power in the Arab countries]. 22.07.2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11053>
3. Nikiforov O. *Novye aspekty razvitiya mirovoi yadernoi energetiki* [New aspects of the development of the world nuclear power industry]. *Nezavisimaya gazeta*. 11.07.2017. URL: <http://www.skc.ru/press/news/item/4239453/>
4. Noskov A.Yu. *Nestabil'nyi rynek yadernogo goryuchego* [An unstable nuclear fuel market]. *Ekspertno-informatsionnaya internet-ploshchadka Arafnews*. 10.12.2017. URL: <http://arafnews.ru/materials/nestabilnyj-rynek-jadernogo-gorjuchego.html>
5. *Perspektivy razvitiya atomnoi energetiki na Blizhnem Vostoke: interesy Rossii* [Prospects for the development of nuclear energy in the Middle East: the interests of Russia]. Valdai. Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub. M., 2016. 84 p. URL: <http://valdaiclub.com>
6. Uranium 2014: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the OECD Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. OECD 2014, NEA No. 7209. 508 p. URL: <http://www.oecd-neo.org/ndd/pubs/2014/7209-uranium-2014.pdf>

Е.Н. Касимовская, М.П. Диденко, Я.С. Кобозев

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, СТРАНОВЫЕ РИСКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СРАВНЕНИЯ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва. Ленинские горы, 1

Статья представляет собой количественное исследование взаимосвязей процессов глобализации и экономического роста. Авторами рассмотрена совокупность из 94 стран с выделением 29 стран Азии и Африки за период с 2001 по 2013 годы. Рассмотрены гипотезы о взаимосвязи уровня глобализации, страновой премии за риск инвестирования и экономического роста. По результатам регрессионного анализа сделан вывод об отрицательном характере связи экономической динамики и степени включенности стран Азии и Африки в глобальную экономику. Качественные составляющие указанных процессов как самостоятельные факторы в рамках данной статьи не рассматриваются.

Ключевые слова: глобализация; индекс глобализации; премия за страновой риск инвестирования; экономический рост; эффекты комплиментарной политики; регрессионный анализ.

Введение. Процессы глобализации, их формы и последствия для развития стран Азии и Африки изучаются достаточно давно и под различными углами зрения. В широком смысле под глобализацией понимается процесс экономической интеграции стран посредством увеличения потока товаров, услуг, капитала и рабочей силы между ними².

Однако если говорить об экономическом росте, последствия интеграции ранее относительно изолированных национальных рынков товаров и факторов производства в единое мировое хозяйство для различных стран и групп стран неоднозначны. Общепринятым количественным экономическим индикатором развития страны за определенный период

Касимовская Елена Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и экономгеографии стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kasim@iaas.msu.ru).

Диденко Мария Павловна – научный сотрудник кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mdidenko7@mail.ru).

Кобозев Ярослав Сергеевич – магистрант второго года обучения Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: south1@inbox.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² *Stiglitz J.* Globalization and its Discontents. N.Y.; Norton, 2003.

является показатель ВВП/ВВП на душу населения, темпы его изменения. Воздействие процессов глобализации на динамику экономического развития является объектом внимания ученых с начала 1990-х годов прошлого столетия³.

Процессы глобализации и интернационализации бизнеса привели к расширению деловых отношений, их переходу на новый уровень, появилась возможность создания единого всемирного экономического и бизнес пространства. Увеличение количества и плотности экономических связей внутри одного пространства, с одной стороны, снижает такие прогнозируемые риски как транзакционные, внешнеэкономические, организационные и т.д., с другой – ведет к появлению рисков, присущих каждому конкретному бизнесу, каждой конкретной экономике. Страновые риски носят разный характер: экономический, политический, социальный, географический и т.д. Когда инвестор принимает решение инвестировать в ту или иную страну, он руководствуется соотношением этих рисков и доходностью вложения. Премия за риск оценивает сколько «стоит» риск, насколько доходность должна превышать риск, чтобы инвестор рассматривал этот вариант вложения. По мнению авторов данного исследования, страновая премия за риск инвестирования может рассматриваться как интегральный количественный показатель факторов, формирующих инвестиционную бизнес-среду в той или иной стране, которая, в свою очередь, является результатом того или иного варианта микро- и макроэкономической политики властей.

Степень разработанности проблемы: эволюция взглядов ученых. На данный момент можно говорить о трех основных направлениях, исторически сложившихся в ходе изучения воздействия процессов глобализации в их различных проявлениях на экономический рост и экономическое развитие страны или групп стран.

Первое направление представлено работами, в которых доказывается позитивное воздействие глобализации на экономический рост⁴. Однако по мере углубления исследований, применения новых методов обработки данных, вовлечения в оборот количественной информации обо все более широком круге стран формируется второе направление, сторонники которого полагают, что последствия интеграции в мировую экономику для страны могут быть как позитивными, так и негативными. Важно различать формы вовлечения страны в миро-

³ Одной из первых работ в этой области явилось исследование Д. Доллара. См. подробнее: *Dollar D.* Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: evidence from 95 LCD's, 1976–1985. *Economic Development and cultural change* 40. 1992. P. 523–544.

⁴ См. подробнее: *Dollar D.* Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: evidence from 95 LCD's, 1976–1985. *Economic Development and cultural change* 40. 1992. P. 523–544; *Sachs J., Warner A., Aslund A., Fisher S.* Economic Reform and the Process of Global Integration. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995. P. 1–118.

вую экономику, уровень развития рынков и многие другие факторы⁵. Особой вехой в изучении воздействия глобализации на экономическое развитие стран стал предложенный в 2006 г. А. Дрегером новый интегральный индекс глобализации (сокращенно – КОФ)⁶, на данный момент являющийся наиболее распространенным показателем уровня глобализации страны⁷.

Наконец, третье направление в изучении проблемы воздействия глобализации на экономический рост представлено работами, доказывающими нелинейную зависимость между исследуемыми переменными. В качестве основной причины этого сторонники данного направления рассматривают эффекты комплиментарной политики, по-разному проявляющейся в разных странах⁸.

Среди отечественных исследователей нужно выделить работы В.А. Мельянцева, давно и последовательно исследующего факторы экономического роста различных групп стран. Так, в одном из последних своих исследований он отмечает влияние факторов включенности наименее развитых стран в мировое хозяйство на динамику экономического роста последних⁹. В определенной мере касались отдельных аспектов этой проблемы и авторы данного исследования в своих более ранних публикациях, подчеркивая нелинейный характер воздействия

⁵ Так, например, в исследованиях А. Алесины, Родрика и Родригеса была подвергнута критике модель, предложенная Д. Долларом. См. подробнее: *Alesina A., Grilli V., Milesi-Feretti G., Center L., del Tesoro M.* The Political Economy of Capital Controls // *Capital Mobility: The Impact on Consumption, Investment and Growth*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. P. 289–321; *Rodrick D.* Who Needs Capital-Account Convertibility? In: *Should the IMF Pursue the Capital-Account Convertibility? Essays in International Finance*. Princeton, Department of Economics, Princeton University. 1998. P. 55–65; *Rodrigues F., Rodrick D.* Trade Policy and Economic Growth: A Sceptic Guide to the Cross-National Evidence. NBER Macroeconomics Annual 15. 2000. P. 261–325. А известный экономист П. Кругман особо возражал против аргумента, что международная финансовая интеграция является главным двигателем экономического развития. См. подробнее: *Krugman P.* International Finance and Economic Development // *Finance and Development: Issues and Experience*. Cambridge, 1993. P. 11–24.

⁶ *Dreher A.* Does Globalization Affect Growth? Empirical Evidence from a New Index. *Applied Economics* 6: 2006. P. 1091–1110.

⁷ Напомним, что индекс глобализации, композитный по своей природе, охватывает три группы показателей: экономические, политические и социальные. В этой связи говорить о том, что данный индекс является только количественной мерой и не отражает качественных сторон социально-экономических процессов не совсем верно.

⁸ Например, группа ученых, исследуя воздействие ППИ на экономический рост, выявила сильный комплиментарный эффект между интенсивностью ППИ и уровнем развития человеческого капитала в стране. См. подробнее: *Chang C.P., Lee C.C.* Globalization and Economic Growth: A Political Economy Analysis for OECD Countries. *Global Economic Review* 39. 2010. P. 151–173; *Haddad M.E., Lim J.J., Saborowski C.* Trade Openness Reduces Growth Volatility When Countries are Well Diversified. Policy Research Working Paper Series NO. 5222, 2010; *Samimi P., Jenatabadi H.S.* Globalization and Economic Growth: Empirical Evidence on the Role of Complementarities. *PLoS ONE* 9(4): 2014, e87824. doi:10.1371/journal.pone.0087824

⁹ *Meliantsev V.* A Few Remarks on Recent Trends and Factors of LDC's Macroeconomic and Social Performance // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение*. 2017. № 1. Январь–март. С. 3–15.

степени интернационализации экономики страны на динамику подушевого ВВП¹⁰.

Необходимо отметить, что если по развитым странам имеется достаточно обширный круг публикаций по рассматриваемой проблеме, то массив развивающихся стран, а также стран с переходной рыночной экономикой исследован еще недостаточно, особенно на страновом уровне. Круг исследований по странам Азии и Африки и вовсе ограничивается буквально несколькими работами¹¹, что делает данное направление весьма актуальным.

Методология исследования. Согласно либеральному направлению в теории международной экономики, включенность страны в мировую экономику должна способствовать ее экономическому росту благодаря возможности в полной мере воспользоваться выгодами от международного разделения труда. В то же время высокая страновая премия за риск инвестирования отражает определенные сложности: негарантированность возвратности вложений, опасения потенциальных инвесторов и, как следствие – относительно меньшую мобильность факторов производства¹². Можно предположить, что в этом случае ожидаемой будет отрицательная связь между темпами экономического роста страны и страновой премией за риск инвестирования. Но что показывают данные для рассматриваемых стран за указанный промежуток времени? Влияют ли показатели индекса глобализации и премии за риск инвестирования на экономический рост страны¹³? И если да, то какова степень этого влияния? В качестве количественных параметров модели выступают темпы роста ВВП (зависимая переменная), индекс глобализации и

¹⁰ Kasimovskaya E., Didenko M. International Competitiveness and Sustainable Development: Are They Apart, Are they Together? A Quantitative approach. SBS Journal of Applied Business Research (SBS-JABR). Vol. 2. September. 2013. P. 37–51.

¹¹ Отметим, что исследования по массиву развивающихся стран носят весьма противоречивый характер, что косвенно подтверждает неочевидность характера воздействия глобализации на экономический рост. См. подробнее: *Dollar D.* Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: evidence from 95 LCD's, 1976–1985; *Economic Development and cultural change.* 40. 1992. P. 523–544; *Harrison A.* Openness and Growth: A Time-Series, Cross-Country Analysis for Developing Countries // *Journal of Development Economics.* 48. 1996. P. 419–447; *Gu X.N., Dong B.M.* A Theory of Financial Liberalisation: Why are Developing Countries so Reluctant? *World Economy.* 34. 2011. P. 1106–1123; *Rao B.B., Vadlamannati K.C.* Globalization and growth in the low income African countries with the extreme bounds analysis. *Economic Modelling.* 28. 2011. P. 795–805; *Ates D.* Economic liberalization and changes in fundamentalism: The case of Egypt. *Middle East Policy.* 12. 2005. P. 133–144; *Guillaumin C.* Financial integration in East Asia: Evidence from panel unit root and panel cointegration tests // *Journal of Asian Economics.* 20. 2009. P. 314–326; *Oyvatt C.* Globalization, wage shares and income distribution in Turkey // *Cambridge Journal of Regions Economy and Society.* 4. 2011. P. 123–138.

¹² Все это, по мнению авторов, может рассматриваться, как следствие, комплиментарной политики определенного типа.

¹³ В работе представлен вариант регрессий с одной зависимой переменной и двумя независимыми параметрами, так как попеременное включение сначала одного независимого параметра, а затем второго демонстрирует очень схожие результаты.

страновая премия за риск инвестирования (регрессоры). Естественно, что экономический рост детерминирован массой параметров и их включение должно смещать оценки регрессий. Для того чтобы нивелировать такое смещение из-за малого круга параметров, модель была расширена за счет включения в нее трех видов эффектов – фиксированных, случайных и временных. Разумеется, такое расширение не может рассматриваться как полноценный учет качественных составляющих исследуемых процессов как в развитых, так и в развивающихся странах, что накладывает определенные ограничения на полученные результаты. Тем не менее представляется любопытным проверить предположение о наличии взаимосвязи экономического роста и открытости/включенности страны в мировое хозяйство, с одной стороны, и существующими рисками для инвесторов – с другой.

Гипотеза 1: низкая страновая премия за риск инвестирования способствует включению стран в процесс глобализации.

Гипотеза 2: динамика ВВП страны определяется как степенью включенности в мировое экономическое пространство, так и размером премии за риск инвестирования в национальную экономику.

Проверка гипотез проведена на основе панельных данных с 2001 по 2013 год по вышеуказанным показателям для 94 стран¹⁴. Источниками статистической информации послужили базы данных Мирового Банка¹⁵, регулярная статистика по индексу глобализации¹⁶. Количественные оценки премии за риск инвестирования приведены по методике А. Дамодорана¹⁷. Данные были подвергнуты регрессионному анализу, причем сначала была исследована вся совокупность без выделения стран Азии и Африки, а затем были выделены 29 стран Азии и Африки.

Результаты количественного анализа. Результаты регрессионного анализа совокупности из 94 стран приведены в табл. 1. Столбцы – это отдельно построенные регрессии. Зависимая переменная для всех моделей одинакова, в моделях используется два регрессора. Рассмотрены семь модификаций модели, которые были описаны выше.

Во-первых, все модификации модели демонстрируют обратную зависимость между рассматриваемыми параметрами. Другими словами, чем ниже степень включенности в мировое хозяйство, тем выше темпы экономического роста.

Во-вторых, все модификации модели показывают такую же отрицательную зависимость между страновыми премиями за риск инвестирования и динамикой ВВП, что было ожидаемо на стадии гипотез.

¹⁴ Были исключены те страны, данные по которым отсутствуют хотя бы по одному из показателей за рассматриваемый период времени. Полный список стран представлен в Приложении 1.

¹⁵ World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org>

¹⁶ KOF Index of Globalization. URL: <http://globalization.kof.ethz.ch/>

¹⁷ Country Risk Premium. URL: <http://pages.stern.nyu.edu/~adamodar/>

Результаты регрессионного анализа влияния глобализации и премии за страновой риск на экономический рост

Зависимая переменная: экономический рост							
Регрессор	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Индекс глобализации	–0,05 *** (0,03)	–0,14 * (0,02)	–0,03 (0,081)	–0,06 (0,05)	–0,05 (0,06)	–0,10 * (0,02)	–0,08 * (0,02)
Страновая премия за риск инвестирования	–0,04 (0,17)	–0,23 ** (0,09)	–0,28 *** (0,16)	–0,26 * (0,08)	–0,04 (0,07)	–0,19 * (0,05)	–0,04 (0,05)
Временной период	только 2001	только 2013	разница 2001–2013	2001– 2013	2001– 2013	2001– 2013	2001– 2013
Индивидуальные эффекты				Да	Да		
Временные эффекты					Да		Да
Случайные эффекты						Да	Да
Устойчивые к гетероскед. и автокорреляции стандартные ошибки				Да	Да		
F-статистика				5,03 (0,01)	38,73 (0,00)		
$\bar{R}^2$	0,03	0,25	0,01	0,27	0,5	0,21	0,30

Составлено по расчетам авторов¹⁸.

Для упрощенной модели 2001 г. характерна одна значимая переменная – уровень глобализации, но всего лишь в 90%-ном доверительном интервале. Характер зависимости отрицательный и довольно слабый по воздействию – рост степени включенности в мировое хозяйство на 1 п.п. дает увеличение темпов экономического роста на 0.0375 п.п. Однако уже в модели для 2013 г. присутствуют две значимых переменных, причем фактор глобализации значим на уровне 1%, а чувствительность темпов экономического роста к его изменению растет. Это означает, что чем меньше глобализируется страна, тем относительно выше темпы роста ее ВВП. Коэффициент при втором регрессоре – премии за страновой риск – оказывается также статистически значимым и отрицательно связанным. Сравнительная чувствительность темпов роста ВВП по этому параметру несколько выше, чем по показателю глобализации.

¹⁸ Данные оценки регрессий были получены на основе панельных данных по 94 странам мира за период с 2001 по 2013 г. для показателей GDP growth (annual %) и overall index globalization, country risk premium. Стандартные ошибки приведены в скобках под оценками коэффициентов. Статистическая значимость – ***(10%), **(5%), *(1%). P-value отмечено в скобках под значением F-статистики.

Примерно такие же результаты дает и расширенная модификация модели (6) с учетом случайных эффектов. Однако в модификации (7), учитывающей уже не только случайные, но и временные эффекты, коэффициент при индексе глобализации остается отрицательным, а страновой риск перестает быть значимой переменной. Дополнительный тест Хаусмана подтвердил статистическую значимость случайных эффектов в модели.

Результаты анализа: выделение стран Азии и Африки. Учет существенных различий между странами рассматриваемой совокупности был произведён путём группировки по двум критериям – по уровню общего развития (развитые – развивающиеся страны) и по географическому принципу (страны Азии и Африки – прочие страны). Надо отметить, что ни один из критериев не позволил заметно улучшить качество модели. Но если для группы стран Азии и Африки (29 стран) можно говорить о статистически значимой зависимости между темпами экономического роста, уровнем глобализации и страновой премией за риск инвестирования с 99%-ной вероятностью, то относительно развивающихся стран в целом такого вывода сделать нельзя. Более того, значения коэффициента детерминации в обоих случаях столь низки, что косвенно позволяют сделать вывод о нелинейной зависимости между исследуемыми переменными.

Что же касается массива стран Азии и Африки (табл. 2), то в рамках рассмотренных спецификаций модели статистически значимые результаты дали версии 1 и 2 с вероятностью 99%. При этом, если для 2001 г. отрицательно значимым являлся только показатель глобализации, то для 2013 г. таковой становится и страновая премия за риск инвестирования:

$$2001: GR = 19,37 - 0,252GLOB \ (p \geq 0,01)$$

$$2013: GR = 16,38 - 0,167GLOB - 42,35CRP \ (p \geq 0,01)$$

Как видим, степень чувствительности экономической динамики к показателю глобализации за 11 лет заметно сократилась, в то время как сравнительная значимость премии за риск вложений в экономику стран Азии и Африки возросла. Очевидно, улучшение инвестиционного климата (что может рассматриваться как ожидаемый положительный эффект комплиментарной политики) внутри данной группы стран может дать гораздо больший импульс макроэкономической динамике, чем меры, способствующие большему включению в глобальное экономическое пространство.

Что же касается рассмотрения эффектов как отдельной переменной, то в случае выделения групп стран из общей совокупности их звучание теряется.

Результаты регрессионного анализа влияния глобализации и премии за страновой риск на экономический рост для стран Азии и Африки

Зависимая переменная: экономический рост							
Регрессор	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Индекс глобализации	–0,25* (0,07)	–0,17* (0,04)	–0,25 (0,17)	0,0007 (0,07)	–0,06 (0,09)	–0,06 (0,04)	–0,07 (0,04)
Страновая премия за риск инвестирования	–38,70 (39,25)	–42,35 *** (15,29)	–6,73 (46,88)	–11,18 (12,47)	13,41 (15,04)	–15,79 (–15,7)	–0,25 (12,42)
Константа	19,37* (4,58)	16,38* (2,53)	2,24 (1,06)	5,68 (4,61)	–3,67 (0,92)	9,71* (2,59)	9,20 (2,87)
Временной период	только 2001	только 2013	разница 2001–2013	2001–2013	2001–2013	2001–2013	2001–2013
Индивидуальные эффекты				да	да		
Временные эффекты					да		да
Случайные эффекты						да	да
Устойчивые к гетероскед. и автокорреляции стандартные ошибки				да	да		
F-статистика/хи-квадрат					0,29 (0,75)	chi2: 2,32 (0,12)	
$\bar{R}^2$	0,29	0,42	0,01	0,30	0,45	0,29	0,35

Составлено по расчетам авторов.

Выводы. Таким образом, количественный анализ воздействия степени включенности страны в мировое хозяйство, измеренной посредством индекса глобализации и составляющей комплиментарной политики в форме страновой премии за риск инвестирования на темпы экономического роста дал противоречивые результаты, хотя и подтвердил частично высказанные гипотезы, а именно:

– при недифференцированном подходе к совокупности стран (без выделения в отдельную группу стран Азии и Африки) выявлена статистически значимая отрицательная зависимость между уровнем глобализации и экономическим ростом, причем степень чувствительности зависимой переменной к изменениям индекса глобализации увеличилась за период с 2001 по 2013 год;

– также выявлена отрицательная зависимость экономического роста от уровня страновой премии за риск инвестирования, однако статистически значимой эта связь определена только в четырех модификациях модели;

– анализ влияния глобализации на экономический рост стран Азии и Африки также показал отрицательных характер связи, но, в отличие от всей совокупности стран, степень чувствительности переменной к показателю уровня глобализации, наоборот, относительно сократилась за период с 2001 по 2013 г.;

– параметр, отражающий страновую премию за риск инвестирования, оказался статистически незначим для стран Азии и Африки в 2001 г.; в 2013 г. он значим, но только на 10% р-уровне. Абсолютное значение коэффициента существенно отличается от значения для всей совокупности стран;

– низкий коэффициент детерминации для всех рассмотренных моделей было ожидаемым, так как экономический рост определяется большим числом параметров и факторов, нежели те, которые были включены в анализ.

Объективная ограниченность полученных результатов и направления дальнейших исследований. Как уже было неоднократно отмечено выше, данное исследование построено на упрощенном количественном анализе наиболее общих параметров, отражающих процессы глобализации и экономического роста. Это означает, что полученные результаты должны трактоваться как предварительные. Хотя и индекс глобализации, и показатель странового риска, в известной мере, строятся с учетом оценок качественных сторон указанных процессов, собственно качественные характеристики как таковые не рассматривались. Углубленное исследование эффектов комплиментарной политики, затронутых в данной статье на уровне агрегированных групп эффектов в упрощенных моделях, могло бы существенно компенсировать этот недостаток, уточнить и скорректировать полученные предварительные результаты. Однако затрагивать эти вопросы в рамках недифференцированного странового подхода авторам представляется невозможным. Рассмотренные совокупности стран, как развитых, так и развивающихся с выделением стран Азии и Африки, характеризуются высокой степенью неоднородности даже по укрупненным параметрам, не говоря уже о различиях между отдельными странами и группами стран в области политики макро- и микроэкономического регулирования. Таким образом, логичным продолжением данного исследования должен стать сравнительный анализ взаимовлияния глобализации и экономического роста с учетом межстрановых различий.

Приложение 1. Список стран

Argentina, Australia, Austria, The Bahamas, Bahrain, Barbados, Belgium, Belize, Bermuda, Bolivia, Botswana, Brazil, Bulgaria, Canada, Cayman Islands, Chile, China, Colombia, Costa Rica, Croatia, Cuba, Cyprus, Czech

Republic, Denmark, Dominican Republic, Ecuador, Egypt Arab Rep., El Salvador, Estonia, Fiji, Finland, France, Germany, Greece, Guatemala, Honduras, Hungary, Iceland, India, Indonesia, Ireland, Israel, Italy, Jamaica, Japan, Jordan, Kazakhstan, Korea Rep., Kuwait, Latvia, Lebanon, Luxembourg, Macao China, Malaysia, Malta, Mauritius, Mexico, Moldova, Morocco, Netherlands, New Zealand, Nicaragua, Norway, Oman, Pakistan, Panama, Papua New Guinea, Paraguay, Peru, Philippines, Poland, Portugal, Qatar, Romania, Russian Federation, Saudi Arabia, Singapore, Slovak Republic, Slovenia, South Africa, Spain, Sweden, Switzerland, Thailand, Trinidad and Tobago, Tunisia, Turkey, Ukraine, United Arab Emirates, United Kingdom, United States, Uruguay, Venezuela RB, Vietnam.

Список литературы и источников

1. *Alesina A., Grilli V., Milesi-Feretti G., Center L., del Tesoro M.* The Political Economy of Capital Controls // *Capital Mobility: The impact on Consumption, Investment and Growth.* Cambridge, 1994. P. 289–321.
2. *Ates D.* Economic liberalization and changes in fundamentalism: The case of Egypt. *Middle East Policy.* 12. 2005. P. 133–144.
3. *Chang C.P., Lee C.C.* Globalization and Economic Growth: A Political Economy Analysis for OECD Countries // *Global Economic Review.* 39. 2010. P. 151–173.
4. *Dollar D.* Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: evidence from 95 LCD's, 1976–1985. *Economic Development and cultural change* 40, 1992. P. 523–544.
5. *Dreher A.* Does Globalization Affect Growth? Empirical Evidence from a New Index. *Applied Economics.* 6. 2006. P. 1091–1110.
6. *Gu X.N., Dong B.M.* A Theory of Financial Liberalisation: Why are Developing Countries so Reluctant? *World Economy.* 34. 2011. P. 1106–1123.
7. *Guillaumin C.* Financial integration in East Asia: Evidence from panel unit root and panel cointegration tests. *Journal of Asian Economics.* 20. 2009. P. 314–326.
8. *Haddad M.E., Lim J.J., Saborowski C.* Trade Openness Reduces Growth Volatility When Countries are Well Diversified. Policy Research Working Paper Series NO. 5222, 2010.
9. *Harrison A.* Openness and Growth: A Time-Series, Cross-Country Analysis for Developing Countries // *Journal of Development Economics.* 48. 1996. P. 419–447.
10. *Kasimovskaya E., Didenko M.* International Competitiveness and Sustainable Development: Are They Apart, Are they Together? A Quantitative approach // *SBS Journal of Applied Business Research (SBS-JABR).* Vol. 2. September. 2013. P. 37–51.
11. *Krugman P.* International Finance and Economic Development // *Finance and Development: Issues and Experience.* Cambridge, 1993. P. 11–24.
12. *Meliantsev V.A.* A Few Remarks on Recent Trends and Factors of LDCS' Macroeconomic and Social Performance // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение.* 2017. № 1. Январь–март. С. 3–15.
13. *Oyvat C.* Globalization, wage shares and income distribution in Turkey // *Cambridge Journal of Regions Economy and Society.* 4. 2011. P. 123–138.
14. *Rao B.B., Vadlamannati K.C.* Globalization and growth in the low income African countries with the extreme bounds analysis // *Economic Modelling.* 28. 2011. P. 795–805.
15. *Rodrick D.* Who Needs Capital-Account Convertibility? Should the IMF Pursue the Capital-Account Convertibility? Essays in International Finance. Princeton, Department of Economics, Princeton University, 1998. P. 55–65.
16. *Rodrigues F., Rodrick D.* Trade Policy and Economic Growth: a Sceptic Guide to the Cross-National Evidence. *NBER Macroeconomics Annual.* 15. 2000. P. 261–325.

17. Sachs J., Warner A., Aslund A., Fisher S. Economic Reform and the Process of Global Intergration. Brookings Papers on Economic Activity. 1995. P. 1–118.
18. Samimi P., Jenatabadi H.S. Globalization and Economic Growth: Empirical Evidence on the Role of Complementarities. PLoS ONE 9(4): 2014, e87824. doi:10.1371/journal.pone.0087824
19. Stiglitz J. Globalization and its Discontents. N.Y., 2003.
20. KOF Index of Globalization. URL: <http://globalization.kof.ethz.ch/>
21. Country Risk Premium. URL: <http://pages.stern.nyu.edu/~adamodar/>
22. World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/>

Elena N. Kasimovskaya, Maria P. Didenko, Yaroslav S. Kobozev

GLOBALIZATION, COUNTRY RISKS AND ECONOMIC GROWTH IN ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES: QUANTITATIVE COMPARISONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article represents a quantitative study of economic growth in the context of globalization and a country risk premium. The authors have analyzed the panel data for 94 countries for the period of 2001–2013 years. The sample of 29 Asian and African countries was considered for the same indicators and the time period. The hypothesis about correlation between the level of country's globalization, its country risk premium and its economic growth was tested. The regression analysis showed that there was a negative correlation between the economic growth of Asian and African countries and their level of integration in the global economy. Qualitative indicators as independent variables were not investigated.

Key words: globalization; globalization index; country risk premium; economic growth; complimentary policy effects; regression analysis.

About the authors: *Elena N. Kasimovskaya* – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kasim@iaas.msu.ru); *Maria P. Didenko* – Research Fellow, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mdidenko7@mail.ru); *Yaroslav S. Kobozev* – a second year Master of Arts Program, Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: south1@inbox.ru).

References

1. Alesina A., Grilli V., Milesi-Ferretti G., Center L., del Tesoro M. The Political Economy of Capital Controls. In: *Capital Mobility: The impact on Consumption, Investment and Growth*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994, p. 289–321.
2. Ates D. *Economic liberalization and changes in fundamentalism: The case of Egypt*. Middle East Policy 12, 2005, p. 133–144.

3. Chang C.P., Lee C.C. Globalization and Economic Growth: A Political Economy Analysis for OECD Countries. *Global Economic Review* 39, 2010, p. 151–173.
4. Dollar D. Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: evidence from 95 LCD's, 1976–1985. *Economic Development and cultural change* 40, 1992, p. 523–544.
5. Dreher A. Does Globalization Affect Growth? Empirical Evidence from a New Index. *Applied Economics* 6, 2006, p. 1091–1110.
6. Gu X.N., Dong B.M. A Theory of Financial Liberalisation: Why are Developing Countries so Reluctant? *World Economy* 34, 2011, p. 1106–1123.
7. Guillaumin C. Financial integration in East Asia: Evidence from panel unit root and panel cointegration tests. *Journal of Asian Economics* 20, 2009, p. 314–326.
8. Haddad M.E., Lim J.J., Saborowski C. Trade Openness Reduces Growth Volatility When Countries are Well Diversified. *Policy Research Working Paper Series NO. 5222*, 2010.
9. Harrison A. Openness and Growth: A Time-Series, Cross-Country Analysis for Developing Countries. *Journal of Development Economics* 48, 1996, p. 419–447.
10. Kasimovskaya E., Didenko M. International Competitiveness and Sustainable Development: Are They Apart, Are they Together? A Quantitative approach. *SBS Journal of Applied Business Research (SBS-JABR)*, Vol. 2, September 2013, p. 37–51
11. Krugman P. International Finance and Economic Development. In: *Finance and Development: Issues and Experience*. Cambridge University Press, 1993, p. 11–24.
12. Meliantsev V.A. A Few Remarks on Recent Trends and Factors of LDCS' Macroeconomic and Social Performance. *Вестник Московского университета, серия 13 Востоковедение* № 1, 2017, январь-март, с. 3–15.
13. Oyvat C. Globalization, wage shares and income distribution in Turkey. *Cambridge Journal of Regions Economy and Society* 4, 2011, p. 123–138.
14. Rao B.B., Vadlamannati K.C. Globalization and growth in the low income African countries with the extreme bounds analysis. *Economic Modelling* 28, 2011, p. 795–805.
15. Rodrick D. Who Needs Capital-Account Convertibility? In: Should the IMF Pursue the Capital-Account Convertibility? *Essays in International Finance*. Princeton, Department of Economics, Princeton University, 1998, p. 55–65.
16. Rodrigues F., Rodrick D. Trade Policy and Economic Growth: a Sceptic Guide to the Cross-National Evidence. *NBER Macroeconomics Annual* 15, 2000, p. 261–325
17. Sachs J., Warner A., Aslund A., Fisher S. Economic Reform and the Process of Global Intergration. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995, p.1–118.
18. Samimi P, Jenatabadi H.S. Globalization and Economic Growth: Empirical Evidence on the Role of Complementarities. *PLoS ONE* 9(4): 2014, e87824. doi:10.1371/journal.pone.0087824
19. Stiglitz J. *Globalization and its Discontents*. N.Y., 2003.
20. *KOF Index of Globalization*. URL: <http://globalization.kof.ethz.ch/>
21. *Country Risk Premium*. URL: <http://pages.stern.nyu.edu/~adamodar/>
22. *World Bank*. URL: <http://www.worldbank.org/>

Л.Х. Матюнина

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ СТРАН АСЕАН-4: 20 ЛЕТ ПОСЛЕ АЗИАТСКОГО КРИЗИСА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Прошло 20 лет после Азиатского кризиса 1997–1998 гг. Этот кризис, который позже назовут кризисом нового типа эпохи глобализации, охватил многие страны Азии, но в наибольшей степени от него пострадали четыре страны АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия) и Республика Корея. Кризис, который начался в Таиланде как валютный, быстро распространился на другие страны, поразив не только валютные рынки, но и банки, а также иные сегменты финансовой системы. В результате указанные государства столкнулись с глубочайшим спадом в экономике. Четыре страны АСЕАН значительную часть посткризисных усилий направили на восстановление своих финансовых систем, в первую очередь банковского сектора. В последующем много внимания в рассматриваемых странах уделялось усилению общей финансовой устойчивости стран, включая создание крупных официальных валютных резервов, развитие рынков капитала, формирование более диверсифицированной финансовой системы. Представляется интересным оценить современное состояние и определить важнейшие тенденции развития финансовых институтов и рынков Малайзии, Таиланда, Филиппин и Индонезии.

Ключевые слова: финансовое развитие; финансовые рынки и институты; индексы финансового развития; глубина; стабильность; доступность и эффективность финансовых рынков.

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. был необычным по своей внезапности, глубине, быстрому распространению на многие государства ЮВА (юго-восточная Азия) и ВА (восточная Азия). Позже этот кризис назовут кризисом нового типа эпохи глобализации. В наибольшей степени кризис поразил Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины и Республику Корею (их иногда называли «пятерка пострадавших»). Удар был тем более жестоким, что пришелся главным образом на страны, темпы экономического развития которых (удвоение

¹Матюнина Лиана Хафисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений развивающихся стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lianamtn@gmail.com).

¹Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме: «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

ВВП за семь предкризисных лет, заметное повышение уровня жизни) рассматривались как экономическое чудо.

Кризис начался как валютный (только за три первые месяца валюты указанных стран девальвировали на 30–40%), быстро перекинулся на банковский сектор и другие сегменты финансовой системы, что привело к глубочайшему спаду в экономике. Рынки акций потеряли до 70% капитализации (Индонезия). Объем оттока капитала из Таиланда за шесть первых месяцев кризиса, по некоторым оценкам, достиг 26% ВВП.

Восстановление после такого глубокого кризиса тоже было на удивление быстрым (кроме Индонезии). Уже со второго квартала 1999 г. реальные темпы роста ВВП вышли в положительную зону, рост экономики возобновился.

Азиатский кризис, «одной из причин которого были раздутые сверх меры капитальные расходы, финансирувавшиеся за счет притока из-за рубежа «длинных и коротких денег²²», был по характеру финансовым, кризисом, связанным со счетами движения капитала, а не с балансом текущих операций. Поняв это, страны, оказавшиеся в эпицентре кризиса, значительную часть посткризисных усилий направили на восстановление именно финансовой структуры страны, в первую очередь банковского сектора. После реализации программ по выведению банков из кризиса значительные усилия были направлены на повышение уровня их устойчивости, в том числе за счет возросших требований к управлению, риск-менеджменту, к операционной эффективности. В последующем много внимания в рассматриваемых странах уделялось усилению общей финансовой устойчивости стран, включая создание крупных ОВР, развитие рынков капитала, формирование более диверсифицированной финансовой системы. Все это должно было снизить уязвимость стран к внешним шокам, смягчить зависимость от притоков/оттоков иностранного капитала, создать более широкую и диверсифицированную базу внутренних инвесторов.

Представляется интересным взглянуть на то, что удалось сделать четырем наиболее пострадавшим от кризиса странам с точки зрения развития финансовых систем, оценить современное состояние и определить важнейшие тенденции развития финансовых институтов и рынков Малайзии, Таиланда, Филиппин и Индонезии.

Оценка финансового развития страны, а тем более нескольких стран – задача сложная. Во-первых, потому что нет однозначного, всеми признаваемого понятия «финансовое развитие», допускается его более широкая/узкая интерпретация, а поэтому и разные показатели, характеризующие процесс. Во-вторых, очевидно, что, как бы ни интерпретировалось понятие «финансовое развитие», оно в первую очередь связано с улучшением качества услуг, предоставляемых финансовой индустрией. Но как можно оценить, насколько, например,

²² Мельянцева В.А. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С. 114.

банки действительно предоставляют кредиты «наиболее эффективно действующим субъектам в экономике»? Или убедиться в том, что те же банки тщательно отслеживают процесс использования предоставленных ресурсов, «повышая корпоративную ответственность и уровень корпоративного управления»? Банки, учитывая кредитный риск, могут отдавать предпочтение крупным компаниям с административным ресурсом, у которых риск дефолта намного ниже, чем у мало известной компании, предлагающей не всегда достаточно обоснованный, но интересный проект.

Вместе с тем развитие финансовых рынков, их сложное взаимодействие с реальной экономикой делает необходимым анализ происходящего в финансовой системе, а поэтому и разработку некой системы показателей, которые могли бы, пусть приблизительно, но давать представление о том, насколько и как институты и рынки выполняют свои функции, сравнивать во времени и пространстве особенности финансового развития разных стран.

В настоящее время в этих целях наиболее активно используется база данных Всемирного Банка (ВБ), предоставляющая информацию по различным аспектам глобального финансового развития. Данные о финансовых системах собираются и анализируются на основе принципов, предложенных такими известными, в том числе в области исследования финансового развития, экономистами, как М. Чихак (Martin Čihák), А. Демиргюч-Кунт (Aslı Demirgüç-Kunt), Э. Росс (Erik Feyen Ross), Ливайн³ (Levine). В соответствии с этим подходом финансовая система (ФС) анализируется с позиций развития финансовых институтов (банков, пенсионных, страховых компаний, взаимных фондов денежных рынков) и рынков (рынки акций, рынки государственных и корпоративных облигаций). Развитие финансовых институтов и рынков в свою очередь характеризуются такими базовыми параметрами, как глубина, эффективность, стабильность и доступность. Этот набор параметров, не являясь исчерпывающим, и только косвенно отражающий качественную сторону предоставляемых финансовых услуг, позволяет анализировать уровень и характер финансового развития разных стран, рассматривать развитие финансового сектора в широком макроэкономическом контексте.

Если с предложенных позиций посмотреть на современный уровень и особенности развития финансовых систем Малайзии, Таиланда, Индонезии и Филиппин, то можно выделить следующее.

Финансовые системы (ФС) четырех стран АСЕАН имеют сравнительно небольшие абсолютные размеры, но отличаются значительной глубиной (сумма активов банков, капитализации рынка акций и рынка облигаций в % от ВВП). В 2013 г. глубина ФС во всех четырех странах

³ Martin Čihák, Aslı Demirgüç-Kunt, Erik Feyen Ross, Levine Benchmarking Financial Systems around the World, The World Bank, WPS 6175, 2012.

превзошла уровень 1998 г. При этом относительные размеры ФС Малайзии (400%) и Таиланда (294%) вполне сопоставимы с уровнем этого показателя по ряду стран ОЭСР. По глубине ФС Филиппины (182%) и особенно Индонезия (98%) заметно уступают первым двум странам (табл. 1). Показатели Индонезии отражают среди прочего и тот факт, что в ходе Азиатского кризиса более 50% банковских активов и кредитов были списаны. Это сказалось и на последующих темпах развития финансовой системы.

Таблица 1

Показатели развития финансовых систем стран (1998–2013, % ВВП)

Глубина финансовых институтов и рынков	Страны	1998	2000	2005	2008	2013
Активы финансовой системы (% ВВП)	Малайзия	380	355,8	336,4	376,4	399,3
	Таиланд	215	193,3	214,9	218,4	294,6
	Индонезия	87,8	103,0	82,1	105,5	98,9
	Филиппины	141,0	124,7	118,8	140,9	182,9
Активы депозитных банков, % ВВП	Малайзия	164,2	131,0	113,7	102,6	132,2
	Таиланд	173,5	131,6	104,3	88,4	129,3
	Индонезия	55,3	43,7	34,7	30,3	36,5
	Филиппины	61,5	50,3	44,4	32,4	47,4
Капитализация рынка корпор. облигаций, % ВВП	Малайзия	53,4	48,9	49,7	57,5	61,4
	Таиланд	9,3	11,9	13,6	17,0	47,0
	Индонезия	2,7	1,4	2,4	2,0	2,2
	Филиппины	0,3	0,2	0,7	1,1	1,2
Капитализация рынка гос. облигаций, % ВВП	Малайзия	29,2	29,5	36,3	35,9	47,0
	Таиланд	6,0	13,6	38,4	56,7	25,3
	Индонезия	2,9	29,9	17,8	18,0	10,5
	Филиппины	28,0	28,8	38,4	31,2	30,7
Капитализация рынка облигаций, % ВВП	Малайзия	82,6	78,4	86,0	93,5	125,0
	Таиланд	15,3	25,5	41,5	56,7	76,8
	Индонезия	5,6	31,3	20,2	19,9	18,9
	Филиппины	28,3	29,1	39,2	32,3	31,9
Капитализация рынков акций, % ВВП	Малайзия	133,4	146,4	136,6	180,3	142,1
	Таиланд	26,1	36,2	69,1	73,3	88,5
	Индонезия	26,9	27,9	27,2	55,3	43,5
	Филиппины	51,3	45,3	35,2	76,3	86,8

Составлено по: data.worldbank.org/topic/financial-sector

Интересно получить представление о развитии финансовых институтов (ФИ) и рынков (ФР) Малайзии, Таиланда, Филиппин и Индонезии в сопоставлении с обобщенными показателями развития ФС развива-

ющихся стран со средним уровнем дохода на душу населения. Данные, приведенные в табл. 2, позволяют это сделать.

Таблица 2

Глубина финансовых институтов и рынков (в % ВВП, 2013)

СТРАНЫ Глубина финансовых институтов	Развивающи- еся страны со средним уров- нем подушево- го дохода	Малайзия	Таиланд	Индонезия	Филиппи- ны	Р. Корея
Кредит депоз. банков частному сектору	36,0	117,9	115,9	31,3	33,1	111,8
Активы депозитных банков	44,5	132,2	129,3	36,5	47,4	119,7
Активы небанковских финансовых институтов	14,0	—	82,0	—	—	—
Капитализация рынка акций	20,1	142,1	88,5	43,5	86,8	88,5
Объем торгов	1,4	41,3	62,9	12,8	13,7	144,3
Капитализация рынков корпоративных облигаций	12,3	61,4	47,0	2,2	1,2	70,8
Капитализация рынков го- сударственных облигаций	27,2	47,0	25,3	10,5	30,7	33,9
Капитализация рынка международных облигаций	8,8	16,6	4,5	6,2	16,7	13,3
Разница между ставками банков по депозитам и кредитам	6,3	1,6	4,1	5,4	4,1	1,8
Оборот торгов на рынке акций, % от капитализации рынка	5,5	28,7	59,4	24,0	16,0	139,9
Банковские счета на 1 тыс. человек (15+)	642	—	1,173	—	454	—
Фирмы, имеющие банков- ский кредит/кредитную линию (в % от общего количества фирм)	31,7	60,4 (2008)	72,5 (2008)	18,2 (2008)	—	—
Капитализация рынка акций без капитализации 10 крупнейших компаний (в % от общей капитали- зации)	49,6	56,5	9,4	56,6	62,3	62,3

Составлено по: 2015/16THE LITTLE DATA BOOK ON FINANCIAL DEVELOPMENT, World Bank group.

Анализ данных табл. 2 позволяет прийти к выводу, что финансовые системы четверки стран АСЕАН, в наибольшей степени пострадавших от Азиатского кризиса, пережив острую фазу ГФК, отличаются в целом

уровнем развития, превосходящим усредненный уровень развития ФС РС со средним уровнем экономического развития. Очевидна разница в показателях не только глубины ФС, но и эффективности рынков (ликвидность рынков акций), институтов (эффективность банковского посредничества), доступности рынков акций.

Приведенные данные дают также возможность сравнить структурные особенности ФС РС и четырех стран АСЕАН. Под структурой ФС обычно понимается относительная важность институтов (прежде всего банков) и рынков. Сравнение относительной значимости банковской системы (кредиты банковского сектора частному сектору, в % от ВВП) и рынков (сумма капитализация рынков акций и рынков корпоративных облигаций, в % от ВВП) показывает, что в целом по развивающимся странам со средним доходом на душу населения сохраняется небольшое преимущество банков (36% и 32,3%). Напротив, для рассматриваемых стран АСЕАН характерно более или менее выраженное преимущество рынков, соответственно: 117 и 203% для Малайзии, 115 и 135% для Таиланда, 31,5 и 45,7% для Индонезии, 33,1 и 88,0% для Филиппин. Однако, если учесть, что рынки акций РС зачастую неликвидны, и вместо показателя капитализации рынков акций использовать объемы торгов, соотнесенные с ВВП, то картина изменится. Для всех четырех стран АСЕАН на первое место выходят банки. Для Малайзии соотношение выглядит как 117 и 102,7%, для Таиланда 115 и 109%, для Индонезии 33,1 и 15%, наконец, для Филиппин 33,1 и 14,9%. Таким образом, при расчетах по первому варианту страны АСЕАН можно отнести к странам с рыночными финансовыми структурами, при втором – к системам, в которых банковское кредитование сохраняет важные позиции. Но и при втором варианте расчетов трудно говорить о явном доминировании банков, как это было в прошлом. Скорее всего, происходит постепенная трансформация системы в сторону более диверсифицированной структуры с сохранением значимости банков. Отметим, что горячие дискуссии 1990-х годов о плюсах/минусах преимущественно рыночной или банковской финансовой системы для РС стихли. Их общий итог: рынки дополняют банки, банки дополняют рынки, ни рыночная, ни банковская система не является более предпочтительной для РС. Главное – соответствие структуры финансовой системы фундаментальным особенностям экономики. Представляется, однако, что финансовая система с опорой на банки может больше соответствовать периоду динамичного экстенсивного развития экономики.

Сравнение данных, приведенных в табл. 1 и 2, показывает, что при наличии некоторых общих особенностей, ФС внутри самой группы рассматриваемых стран различаются по многим показателям. При этом различия заметны не только между странами с более высоким (Малайзия, Таиланд) и более низким уровнем среднего дохода (Индонезия, Филиппины), но и между странами с близким уровнем дохода.

Например, наиболее заметные различия между ФС Малайзии и Таиланда, с одной стороны, и Индонезии и Филиппин, с другой — связаны с относительными масштабами деятельности банков, а также глубиной рынка корпоративных облигаций. При этом показатели эффективности ФИ и ФР отличаются в гораздо меньшей степени. Напротив, различия в финансовом развитии стран с близким подушевым доходом в большей степени связаны с глубиной развития рынков, а не институтов. Так, Филиппины опережают Индонезию по глубине рынков акций в два раза, по глубине рынков государственных облигаций в три раза, а по глубине банковского сектора страны находятся на очень близких уровнях. Таиланд, в свою очередь, заметно уступает Малайзии по глубине рынков акций, рынков долговых инструментов.

База данных ВБ, позволяющая анализировать особенности финансового развития стран по таким аспектам, как глубина, стабильность, эффективность и доступность рынков и институтов, очень содержательна и полезна, но не всегда позволяет прийти к однозначному выводу об общем уровне финансового развития страны в силу своеобразия, а также разной скорости и направленности процессов, присущих развитию финансового сектора.

Так, например, в Малайзии⁴ большая глубина рынков акций сочетается с их низкой ликвидностью, а на Филиппинах более высокий, чем в Малайзии, уровень доступности рынков наблюдается на фоне их меньшей глубины (табл. 2). Более широко, глубина рынков и институтов не обязательно сочетается с их эффективностью, а рост финансовой включенности не всегда приводит к ожидаемому увеличению глубины.

Возникает потребность в создании показателей, которые позволяли бы сравнивать финансовое развитие стран на более обобщенном уровне. Такие показатели в форме индексов финансового развития разработаны и предложены МВФ, а также ООН (ESCAP); в 2016 г. индекс общего развития рынков Азии предложен компанией Маккинзи⁵.

Индекс финансового развития (ИФР) МВФ и ООН (ESCAP) имеют схожие принципы построения. ИФР создается на основе двух индексов: индекса развития рынков и индекса развития институтов, каждый из индексов в свою очередь рассчитывается по субиндексам глубины, доступности, эффективности, соответственно для рынков и институтов. Различия между индексами финансового развития — в весах и параметрах, включенных в соответствующие субиндексы. ИФР изменяется от 0 до 1, более высокое значение индекса означает более высокий уровень развития.

⁴ В Малайзии крупнейший в мире рынок исламских облигаций, в Индонезии рынок сукук развит мало.

⁵ IMF Rethinking Financial Deepening Stability and Growth in Emerging Markets, SDN 15/08; The State of Finance in Asia and the Pacific, UN ESCAP April 2017; Deepening capital markets in emerging economies. Banking & Finance April 2017.

Конечно, индексы – не идеальны, но являются важным шагом на пути создания некоего показателя, характеризующего не отдельные параметры рынков и институтов, а финансовое развитие стран в целом.

Если обратиться к индексу финансового развития, предложенного на конференции ООН по проблемам финансов в Азии и Тихоокеанском регионе, то можно уточнить особенности развития финансовых систем Малайзии, Таиланда, Индонезии и Филиппин.

Таблица 3

Индексы развития финансовых институтов и рынков АСЕАН-4, 2014 г.

Страны	Индекс финансово-го раз-вития	Индекс развития институ-тов	ФИГ	ФИД	ФИЭ	Индекс раз-вития рынков	ФРГ	ФРД	ФРЭ
Малайзия	0,726	0,734	0,426	0,293	0,843	0,558	0,416	0,585	0,056
Таиланд	0,663	0,674	0,624	0,424	0,812	0,560	0,406	0,587	0,149
Индонезия	0,433	0,432	0,201	0,295	0,798	0,443	0,135	0,490	0,047
Филиппины	0,436	0,432	0,201	0,210	0,818	0,468	0,260	0,503	0,033
Р. Корея	0,802	0,821	0,847	0,576	0,850	0,629	0,476	0,656	0,190
Япония	0,803	0,814	0,780	0,888	0,841	0,703	0,436	0,746	0,209
Китай	0,624	0,616	0,533	0,242	0,834	0,689	0,446	0,725	0,444
Австралия	0,825	0,856	0,879	0,822	0,833	0,540	0,560	0,545	0,104

Источник: UN ESCAP The State of Finance in Asia and the Pacific, 2017.

ФИГ: финансовые институты, глубина; подиндекс ФИГ рассчитывается на основе следующих параметров: кредит банков частному сектору, активы пенсионных и страховых компаний, активы взаимных фондов денежных рынков (все в %, ВВП); ФИЭ: финансовые институты, эффективность (чистые процентные доходы банков в % от средней стоимости активов банков, приносящих проценты, разница по депозитным и кредитным ставкам, доля непроцентных доходов в общих доходах, накладные расходы, доходность активов и собственного капитала); ФИД: финансовые институты, доступность (количество филиалов банков и банкоматов на 100 тыс. взрослого населения); ФРГ: финансовые рынки, глубина (в % от ВВП: капитализация рынков акций, оборот торгов на рынке акций, капитализация рынков международных облигаций, эмиссия корпоративных облигаций); ФРД: финансовые рынки, доступность (капитализация рынков акций без учета капитализации 10 крупнейших компаний в листинге, объем торгов без акций 10 крупнейших компаний, количество компаний в листинге на 1 млн человек); ФРЭ: финансовые рынки, эффективность (коэффициент оборачиваемости рынка акций в % от капитализации).

ИФР подтверждает в целом картину, сложившуюся при рассмотрении отдельных параметров развития финансовых систем Малайзии, Таиланда, Филиппин и Индонезии. Лидерами по общему уровню финансового развития выступает Малайзия и Таиланд. При этом у Таиланда индекс финансового развития практически совпадает с китайским, а показатель Малайзии заметно опережает последний. Интересно отметить, что высокое значение ИФР Малайзии и Таиланда

формируется под воздействием более высокого уровня развития институтов. Показатели общего развития рынков заметно ниже у обеих стран и очень близки по уровню. Таиланд, заметно уступая Малайзии по ИФР, опережает последнюю по эффективности и доступности рынков. Малайзия, имеющая самый высокий ИФР в группе рассматриваемых стран, имеет один из самых низких показателей эффективности рынков (0,056), только Филиппины имеют более низкий показатель. Низкая эффективность рынков компенсируется в Малайзии их достаточно высокой доступностью. Развитие малазийских финансовых институтов характеризуется другими, по сравнению с рынками, особенностями: высокая эффективность при относительно низкой доступности. Особенностью развития тайских финансовых институтов является их относительно высокая эффективность при большой глубине, но низком уровне доступности. ИФР позволяет еще раз убедиться в том, насколько уникально развитие финансовых систем даже в странах с близким уровнем экономического развития.

На ИФР Индонезии и Филиппин, напротив, большее влияние оказывают параметры развития рынков, а не институтов, как в случае с Малайзией и Таиландом. Развитие рынков в свою очередь определяется относительно большей доступностью при низких показателях эффективности и глубины. Обращает на себя внимание высокое значение индексов эффективности институтов. Высокий индекс эффективности банков может объясняться значением процентных доходов, а также высоким уровнем коэффициента рентабельности собственного капитала (ROE) и рентабельности активов (ROA).

Анализ общих характеристик и особенностей развития четырех стран АСЕАН еще раз показал, что процесс финансового развития – явление многомерное, сложное, развитие отдельных составляющих системы может протекать с разной скоростью и противоречиво.

Если обратиться к отдельным сегментам финансовой системы рассматриваемых стран, то из наиболее важных тенденций за 20 лет, прошедших после Азиатского кризиса, можно выделить следующие.

За рассматриваемый период во всех странах, хотя и в разной степени, произошло относительное снижение роли банковского сектора (активы депозитных банков в % к ВВП, табл. 1) при улучшении показателей его финансовой доступности, эффективности и стабильности (табл. 2). Стабильности банковской системы в странах, переживших Азиатский кризис, уделяют особое внимание. Так, например, коэффициент достаточности капитала во всех странах устойчиво выше требований Базеля, теперь уже Базеля 3⁶, и колеблется в пределах 15–16%, самый

⁶ Базельский комитет по банковскому надзору создан при Банке международных расчетов в 1974 г., разрабатывает единые стандарты по банковскому регулированию; важнейшим показателем является коэффициент достаточности капитала банка. В настоящее время вводятся нормативы Базель 3, принятые в 2010 г.

высокий в Индонезии 18%. Для официальных банковских систем четырех стран характерен низкий уровень плохих долгов, в среднем 2–3%. Банки имеют достаточно высокую рентабельность собственного капитала и активов. Так, например, доходность собственного капитала по банковской системе на Филиппинах равна 15%, в Таиланде 12%, в Малайзии 10,7%; доходность по активам колеблется от 1,4 до 1,38%. Очевидно, что параметры стабильности могут меняться, но важно, что вопросы устойчивости состояния банков находятся под постоянным контролем регуляторов.

Показатель финансовой доступности заметно отличается по странам, но в целом замечен прогресс по таким индикаторам, как количество людей, имеющих вклады в банках, количество банковских отделений, банкоматов.

Несмотря на снижение относительной доли, банки остаются важнейшим сегментом финансовых систем рассматриваемых стран. По показателю глубины банковского сегмента Малайзия и Таиланд находятся на уровне, немного превышающем средний по азиатским странам с формирующимися рынками (2016 г. 116% ВВП). Аналогичные данные по Индонезии и Филиппинам близки к уровню развивающихся государств со средним доходом и не превышают 35% ВВП. Общей чертой банков четырех стран АСЕАН остается их приверженность традиционным видам банковской деятельности: привлечение депозитов населения и кредитование компаний и домохозяйств. Вместе с тем в деятельности банков наметились новые тенденции. Так, растущий разрыв между активами и кредитами коммерческих банков говорит о том, что банки расширяют область своей деятельности, начинают активнее прибегать к использованию новых для себя инструментов. В Малайзии достаточно либеральное банковское законодательство, позволяющее банкам проводить операции с ценными бумагами, заниматься, с ограничениями, страхованием, совершать сделки с недвижимостью. В Таиланде и Индонезии принимаются новые законы, направленные на либерализацию деятельности банков. Многие ограничения на разные виды банковской деятельности будут, как ожидается, смягчены или сняты.

Приверженность традиционному банковскому посредничеству может служить одной из причин, объясняющей, почему теневая часть банковского бизнеса стала развиваться в этих странах относительно недавно, хотя и стремительно в некоторых из них. По некоторым оценкам, масштабы теневого банковского сектора могут достигать 35–40% стоимости активов финансовых систем в Таиланде и Филиппинах, 20% в Индонезии, 10–15% в КНР⁷. С одной стороны, развитие теневого

⁷ Swati Ghosh, Ines Gonzalez del Mazo, and İnci Ötkeç-Robe. Chasing the Shadows: How Significant Is Shadow Banking in Emerging Markets? www.worldbank.org/economicpremise September 2012. Number 88. P. 4.

банковского бизнеса означает рост финансовой включенности, так как открывает доступ к финансированию тем, кто не может/не хочет обращаться за кредитованием к официальным финансовым институтам. Теневые банки становятся конкурентами официальной банковской системы. Домохозяйства переводят депозиты в этот сектор, так как он предлагает более доходные субституты банковским депозитам и более низкие издержки при заимствовании. Крупные корпорации также обращаются в теневой сектор. Но, с другой стороны, очевидно, что в нерегулируемом банковском секторе происходит накопление рисков, и это создает угрозу стабильности официальной финансовой системы. Однако власти, например, Таиланда считают, что до тех пор, пока корпоративные заемщики теневого сектора имеют высокие рейтинги, а сам теневой банкинг относительно невелик, больших рисков нет. Многие полагают, что развитие теневого банковского дела на Филиппинах, в Таиланде, Индонезии в настоящее время больше связано с возможностью реализовать арбитражные преимущества за счет регулирования, а не возросшим аппетитом к риску.

Банковские системы стран характеризуются достаточно близкими показателями концентрации на пять крупнейших банков в Индонезии, Филиппинах, Таиланде приходится от 47,3 (Индонезия) до 44,9% (Филиппины) активов банковского сектора. Единственным исключением выступает Малайзия, в которой на пять крупнейших банков приходится до 76,3% активов банковской системы. Позиции государства в банковской системе разнятся в большей степени. Самая высокая доля государственных банков в Индонезии (38%), за ней следует Таиланд 18%, на Филиппинах присутствие государственных банков оценивается на уровне 13% банковских активов. Иностранные банки имеют большее присутствие в Индонезии – 27% активов банковской системы, в Малайзии – 18%, Филиппинах – 11%, Таиланде 8%⁸.

Страны АСЕАН в рамках программ по развитию финансовой системы создают новые для себя институты коллективного инвестирования: фонды взаимного инвестирования, страховые, пенсионные компании. Предполагается, что эти институты в силу своей природы будут способствовать формированию внутренней базы долгосрочного финансирования экономик, сформируют спрос на рынках долговых и долевого ценных бумаг. В настоящее время значение этих институтов в экономиках не значительно. Доля страховых и пенсионных компаний в общих активах финансовой системы составляет около 27% в Таиланде, 11% на Филиппинах, 77,9% в Малайзии⁹; на Филиппинах активы пенсионных компаний оцениваются в 3,05% ВВП; страховых – 8,04%; в Индонезии на активы институциональных инвесторов приходится менее 10% ВВП.

⁸ Global financial development database; URL: http://www.theglobaleconomy.com/index_api.php

⁹ Ibidem.

Другой важной тенденцией в развитии финансовых систем остается развитие рынков ценных бумаг. После Азиатского кризиса возрастание роли рынков в финансовой системе происходило в основном за счет роста рынков акций, темпы роста рынка долговых инструментов значительно отставали. При этом до 2005–2006 гг. более заметно рос сегмент государственных бумаг. Объемы рынка корпоративных облигаций во всех странах, кроме Малайзии, остаются незначительными по абсолютным и относительным показателям (табл. 4). Усредненные данные по этому параметру для азиатских стран с формирующимися рынками были равны в 2015 г. 32,3%. Незадолго до ГФК и особенно после 2009 г. отмечается тенденция к росту эмиссии облигаций в национальных валютах. Это, безусловно, очень важно для развития рынков долговых бумаг, снижения валютного риска при привлечении ресурсов в экономику. В результате доля облигаций, деноминированных в иностранной валюте в общем объеме облигаций, обращающихся на рынке, заметно снизилась в Малайзии с 20 до 10%, в Таиланде до 5%, на Филиппинах с 40% до 35%. Основная часть этих долговых обязательств в национальных валютах представлена заимствованиями ЦБ и правительств, эмитентами корпоративных облигаций в национальной валюте стали государственные энергетические, транспортные корпорации, а также банки и некоторые небанковские финансовые институты. Только в Индонезии происходит обратный процесс: снижение выпуска облигаций в национальной валюте, в результате доля облигаций, деноминированных в иностранной, поднялась с 20 до 40%. Важно отметить, что вырос интерес иностранных инвесторов к облигациям в национальной валюте.

Таблица 4

Объемы рынков облигаций в национальных валютах, 2005, 2015 гг.
(млрд долл., % ВВП)

	ГО		КО		Всего		ГО		КО		Всего	
М	142,0	52,9	118,0	43,9	260,0	96,8	61,3	42,7	45,6	37,1	107,0	79,8
Т	208	55,4	70	18,6	278	74,0	64,9	35,0	14,1	7,6	79	42,6
И	109	13,0	18,0	2,2	127	15,2	48,3	17,1	5,9	2,1	54,2	19,2
Ф	84	29,7	17	6,1	101	35,8	41,1	38,5	1,0	0,9	42,1	39,4
К	700	52,7	1 020,0	79,6	1 720,0	132,3	329,9	47,7	360,8	52,2	690,7	99,9
	долл.	%	долл.	%	долл.	%	долл.	%	долл.	%	долл.	%

М – Малайзия; Т – Таиланд; И – Индонезия; Ф – Филиппины; К – Корея; ГО – государственные облигации; КО – корпоративные облигации. Жирным шрифтом выделен 2005 г.

Составлено по: http://www.theglobaleconomy.com/index_api.php

Наряду с положительными явлениями в развитии рынков надо отметить, что большой проблемой по-прежнему остается низкая

ликвидность вторичного рынка государственных и корпоративных облигаций. И если ликвидность рынков государственных долговых бумаг колеблется от 40% (Малайзия) до 60–62% (Таиланд и Индонезия), то ликвидность корпоративных облигаций имеет максимальный уровень в 20% в Индонезии, в Малайзии и Таиланде она в 2014 г. была меньше 10%¹⁰.

Другой проблемой развития рынков корпоративных облигаций является его высокая степень концентрации: на 10 крупнейших эмитентов приходится от 90% (Филиппины, Индонезия) до 60% эмиссии (Малайзия, Таиланд). Развитие рынка корпоративных облигаций могут сдерживать более высокие издержки эмиссии по сравнению с банковским кредитованием, отсутствие необходимой инфраструктуры, достаточно разрабатанного законодательства в этой области.

По капитализации рынков акций устойчиво лидирует Малайзия. Глубина рынка в 2016 г. составила 121,4%, с небольшим отставанием за Малайзией следует Таиланд (106,4%). Индонезия и Филиппины по глубине рынков акций опережают РС со средним уровнем дохода, но значительно отстают от соседей по региону. В последние годы (2014–2016) отмечается рост рынка первичных размещений. Наиболее активен в этом отношении Таиланд. За последние несколько лет в стране в среднем в форме первичных размещений привлекалось около 1 млрд долл. Таиланд и Индонезия смогли заинтересовать местные компании в том, чтобы они регистрировались на местных биржах, а не на привычной, например, сингапурской. Это может говорить о росте интереса к рынку, создает потенциал повышения ликвидности рынков. Первичные размещения были связаны с такими отраслями, как потребительский сектор, промышленное производство, энергетика, финансовый сектор. В Индонезии принятый пакет мер, направленный на развитие рынков и финансовых институтов, стимулировал выход многих банков на рынок акций для повышения уровня своего бренда, а также для привлечения дополнительного капитала. В результате за последние три года заметно выросли первичные публичные размещения финансовых компаний. О развитии рынков акций может говорить и позитивная динамика цен акций после первичного размещения. Например, в Малайзии цены росли на 11%, на Филиппинах на 23, в Таиланде на 62, в Индонезии на 66%. На особенности развития рынков оказывает влияние структура акционерного капитала, а также особенности государственного регулирования. Так, определенная часть рынка акций остается недоступной для иностранных инвесторов на Филиппинах, в Таиланде. Кроме этого, известная часть акций на рынках представлена акциями закрытых компаний (до 30% – в Индонезии, 40 – на Филиппинах, 21% – в Таиланде).

¹⁰ URL: <https://asianbondsonline.adb.org>

Это означает, что часть акций не доступна для свободных торгов, что отрицательно влияет на ликвидность и эффективность рынка.

Несмотря на определенные успехи, рынки ценных бумаг остаются относительно неразвитыми, весьма неустойчивыми, мало диверсифицированными, достаточно чувствительными к событиям на международных финансовых рынках. Возможно, устойчивые позиции банковского посредничества объясняются и неразвитостью рынков. Хотя в Японии доминирующие позиции банков сохранялись и при наличии уже зрелых фондовых рынков.

Для оценки роли финансовых институтов и рынков в финансировании экономики часто сопоставляют глубину банковского сектора (кредиты банков частному сектору в % к ВВП) с глубиной рынков акций и рынков корпоративных облигаций. Однако такой подход дает только самое общее представление об относительных масштабах финансовых ресурсов, создаваемых в разных сегментах финансовой системы. Основной же проблемой финансирования развития является доступ к долгосрочным ресурсам. Данные ВБ, опубликованные в докладе, посвященном проблемам долгосрочного финансирования, позволяют несколько уточнить роль рынков капитала и банков для четырех стран АСЕАН.

Если исходить из приведенных данных (табл. 5), то можно заключить, что финансовое развитие расширяет возможности фирм привлекать большие объемы ресурсов. Малайзия и Таиланд, две страны из четырех рассматриваемых, имеют более глубокие финансовые системы и активнее привлекают ресурсы с наиболее развитых в своих странах рынков банковских услуг и акций. К сожалению, данные первого столбца не позволяют оценить отдельно значение банковского кредита и акций в инвестиции. С точки зрения значения рынка облигаций привлекает внимание достаточно длительный период обращения долговых инструментов нефинансовых корпораций, а также заметная роль иностранных инвесторов в формировании ресурсов для финансирования развития, особенно в Малайзии. В целом, складывается впечатление, что на настоящий момент большее значение для финансирования экономики имеют рынки, функционирующие на принципах кредитных отношений, тем более если учесть, что корпорации активно прибегают к заимствованию не только на внутренних, но и международных рынках облигаций. Одной из проблем привлечения ресурсов на финансовых рынках является то, что они доступны только немногим крупным фирмам. В медианной развивающейся стране за период с 1990 по 2013 г. в среднем в год только восемь фирм выходили на рынок эмиссии акций, шесть на первичный рынок облигаций и шесть фирм инициировали привлечение синдицированных кредитов. Во многом такая ситуация объясняется крупными объемами эмиссий, при меньших объемах издержки размещения становятся слишком высокими.

Особенности долгосрочного финансирования, 2013 г.

Страна	Доля инвестиций в основной капитал, профинансированная за счет банковских кредитов и акций (эмиссия и продажа) (%)	Объем эмиссии облиг. част. нефинан. корпорациями (% ВВП)	Средний срок обращения облигаций нефин. корпораций (годы)	Долгосрочные облигации, принадлежащие нерезидентам (% ВВП)	Кредиты банков нефин. корпорациям со сроком 1 год и больше (%)
Малайзия	36,0	5,5	7,6	17,6	96,4
Таиланд	62,7	3,8	6,6	5,0	—
Филиппины	15,0	1,8	9,4	8,7	—
Индонезия	9,0	0,9	8,3	5,5	—
Р. Корея	28,1	3,8	5,9	10,9	—

Составлено по: Global financial development report 2015/2016.

С точки зрения открытости четыре страны АСЕАН заметно отличаются. Существуют разные способы измерения открытости финансовых рынков: де-юре, де-факто и гибридные показатели. Основным индексом измерения финансовой открытости де-юре является индекс Чинн-Ито (Chinn-Ito), который основан на фактическом количестве юридических и регулирующих норм, ограничивающих трансграничную торговлю или перемещение капитала. Этот индекс рассчитывается на основе данных ежегодного доклада МВФ о режимах валютного курса и валютных ограничениях. (The IMF's Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions (AREAER).)

В 2015 г. индекс Чинн-Ито ((KAOPEN) для РС имел минимальное значение (максимальная закрытость) – минус 1,90, среднее – 0,18, медиана – 0,61, максимальное 2,37. Из стран региона только Сингапур имеет индекс 2,37. Например, Южная Корея с индексом в 1,16 занимает 64 место. Филиппины и Малайзия со значением индекса 0,02, находятся на 84 месте, Индонезия на 92 месте с индексом минус 0,13, Таиланд соответственно 105 место и – 1,19. В целом для четырех стран АСЕАН, пострадавших от Азиатского кризиса, была характерна разная, но большая степень открытости по индексу KAOPEN до 1998 г. Затем значение индекса заметно снизилось и не вернулось на докризисный уровень. При этом индекс менялся в 2008 г., в 2011 г., в 2013 г., что говорит о достаточно гибкой реакции стран на события на международных финансовых рынках.

Альтернативным показателем открытости де-факто является предложенный Лейном и Милеззи-Феретти (Lane and Milesi-Ferretti's) индекс финансовой открытости, измеряемый отношением валовых потоков капитала к ВВП. Данный индекс показывает значительное увеличение

входящих и исходящих потоков капитала в разных формах для рассматриваемых стран, особенно для Малайзии и Таиланда. Исключением является Индонезия. Эта страна по индексу финансовой интегрированности осталась на уровне 1990-х годов. Интересно отметить, что динамика индексов открытости де-юре и де-факто за рассматриваемый период не совпадают.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Малайзия, Таиланд, Филиппины и Индонезия, страны, в наибольшей степени пострадавшие от Азиатского кризиса, за 20 посткризисных лет смогли заметно продвинуться на пути создания более современных, диверсифицированных финансовых систем. На данный момент финансовое развитие четырех стран АСЕАН, в целом, выше уровня финансового развития РС со средним доходом на душу населения по таким параметрам, как глубина, стабильность, эффективность и доступность финансовых рынков и институтов (исключение Индонезия).

Внутри рассматриваемой группы стран очевидны и значительные расхождения по основным параметрам, характеризующим развитие и состояние финансовых систем. Заметное отставание Филиппин и Индонезии, стран с низким средним уровнем подушевого дохода, от Малайзии и Таиланда отражает, в том числе влияние уровня дохода в стране на развитие финансовых рынков и институтов.

За рассматриваемый период в финансовых системах всех четырех стран произошло относительное снижение роли банков при сохранении за ними позиций важнейшего звена финансового сектора, заметно выросла глубина рынков. Однако при этом рынки отличаются сравнительно низким уровнем ликвидности и эффективности, особенно рынки корпоративных облигаций. Финансовые системы стран чутко реагируют на события на международных рынках капитала.

Четыре страны АСЕАН, испытав на себе риски, связанные с либерализацией движения капитала, не отказались от активного участия в международных финансовых потоках, но стали проводить более гибкую политику регулирования операций с капиталом, о чем свидетельствует динамика индекса Чинна-Ито. Особый интерес страны уделяют инициативам, направленным на развитие региональной финансовой интеграции.

Вместе с тем хотелось отметить, что нелинейный характер воздействия финансового развития на экономический рост, макроэкономическую стабильность требует внимательного отношения к темпам развития институтов и рынков. Так, например, согласно исследованиям, проведенным в МВФ, после того как индекс финансового развития достигает значения 0,4–0,7, позитивное влияние развития финансовой системы на экономический рост начинает снижаться. Конечно, это значение индекса не имеет абсолютного значения, но важно то, что для

каждой страны, пусть свой, но есть уровень финансового развития, после которого финансов «становится слишком много». В этом отношении значительная глубина ФС Малайзии и Таиланда, отчасти и Филиппин, может говорить о том, что темпы роста финансового сектора требуют дополнительного внимания. Чрезмерная финансовая глубина повышает риски дестабилизации экономики. Это особенно актуально для четверки рассматриваемых стран, риски которых возрастают в связи со сменой модели развития в условиях снижения темпов экономического роста и сохранением высокой степени неопределенности в мировой экономике. По всей видимости, РС надо создавать в первую очередь стабильные, а не быстро растущие рынки.

Резюмируя, отметим, что Азиатский кризис чаще рассматривается как кризис стран с формирующимися рынками в условиях глобализации. Однако, представляется, что кризис 1997–1998 гг., выявил более общие закономерности. Быстрый рост финансового сектора, финансовые инновации, мобильность капитала ведет к «избыточной финансовой эластичности» национальных финансовых систем, усиливает влияние финансовых рынков на реальную экономику. Глобальный финансовый кризис, случившийся через 10 лет после Азиатского, подтвердил это на опыте уже развитых стран.

Список литературы и источники

1. Мельянцева В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С. 114.
2. Deepening capital markets in emerging economies. Banking & Finance April 2017. URL: <https://www.mckinsey.com>
3. IMF. Rethinking Financial Deepening: Stability and Growth in Emerging Markets, SDN.15/08. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1508.pdf>
4. Hiro Ito. Financial Development and Financial Liberalization in Asia: Thresholds, Institutions and the Sequence of Liberalization, June 20, 2005. URL: http://web.pdx.edu/~ito/Chinn-Ito_website.htm
5. Swati Ghosh, Ines Gonzalez del Mazo, and İnci Ötker-Robe. Chasing the Shadows: How Significant Is Shadow Banking in Emerging Markets? URL: www.worldbank.org/economicpremise September 2012. Number 88.
6. UN ESCAP. The State of Finance in Asia and the Pacific, April 2017. URL: data.worldbank.org/topic/financial-sector
7. Global financial development database
8. URL: http://www.theglobaleconomy.com/index_api.php
9. URL: <https://asianbondsonline.adb.org/>

Liana H. Matyunina

TWENTY YEARS AFTER THE ASIAN CRISIS: FINANCIAL DEVELOPMENT OF FOUR ASEAN COUNTRIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

The Asian crisis was sudden and unprecedented in its scale. It began as a currency crisis in Thailand but quickly spread to other South East Asian's countries and almost paralyzed their financial systems, primarily banks and capital markets, then the real economies. Later the crisis was called a crisis of new type in globalization era. Four ASEAN countries – Thailand, Malaysia, Philippine and Indonesia that had opened their capital accounts too soon – found themselves in the epicenter of the crisis. As the crisis was financial by its nature the above-mentioned countries in postcrisis years tried to promote a more sound and efficient domestic financial systems, payed much attention to lessen sensibility of domestic economies and financial systems to external shocks, including “sudden stops” in foreign capital inflows, to build a solid base of domestic investors. The aim of this study is to re-assess the scope of financial development of four Southeast Asian countries that were hit particularly hard during the Asian crisis.

Key words: Financial development; financial market; index of financial development; depth; access and efficiency of financial system.

About the author: *Liana H. Matyunina* – PhD, docent, Department of International Economic Relations, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lianamtn@gmail.com).

References

1. Mel'yantsev V.A. *Razvitye i razvivayushchiesya strany v epokhu peremen* [Melyantsev V.A. Developed and developing countries in the era of change]. M., 2009. P. 114.
2. Deepening capital markets in emerging economies. *Banking & Finance, April 2017*. URL: <https://www.mckinsey.com>
3. *IMF. Rethinking Financial Deepening: Stability and Growth in Emerging Markets, SDN.15/08*. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1508.pdf>
4. Hiro Ito. *Financial Development and Financial Liberalization in Asia: Thresholds, Institutions and the Sequence of Liberalization, June 20, 2005*. URL: http://web.pdx.edu/~ito/Chinn-Ito_website.htm
5. Swati Ghosh, Ines Gonzalez del Mazo, and İnci Ötker-Robe. *Chasing the Shadows: How Significant Is Shadow Banking in Emerging Markets?* URL: www.worldbank.org/economicpremise September 2012. Number 88
6. *UN ESCAP. The State of Finance in Asia and the Pacific, April 2017*. URL: data.worldbank.org/topic/financial-sector
7. *Global financial development database*. URL: data.worldbank.org
8. URL: http://www.theglobaleconomy.com/index_api.php
9. URL: <https://asianbondsonline.adb.org/>

Н.Н. Цветкова

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ТНК ИЗ СТРАН ВОСТОКА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Говоря о новых тенденциях в глобализации в середине 2010-х годов, некоторые авторы заявляют, что с развитием новых трудосберегающих технологий и ростом протекционизма глобализация находится под угрозой. Характерной чертой глобализации 2000-х годов стало повышение роли стран Азии в мировой экономике. В первой половине 2010-х годов можно было говорить об усилении процессов региональной интеграции, формировании межрегиональных мега-группировок, таких как Транстихоокеанское партнерство. В статье рассматриваются и некоторые возможные варианты будущего международного экономического порядка, такие как глобализация 3.0, поляризация, фрагментация, развитие экономики совместного пользования (по версии Э. Петерсена и П. Лодисины).

ТНК из стран Востока играют все большую роль в мировой экономике. В статье автор стремится показать, что ТНК из стран Востока активно вовлечены в новые тенденции в глобализации: ориентацию на внутренний и региональный рынки, использование роботизации и автоматизации, перенос трудоемких производств из азиатских страны в страны «фронтيرا» (к которым относят ряд стран Африки).

Ключевые слова: глобализация; ТНК из стран Востока; новые трудосберегающие технологии; перемещение производств в страны «фронтيرا»; рост протекционизма; региональная экономическая интеграция.

Существуют различные определения глобализации, в том числе с точки зрения политологии, социологии, культурологии. В учебнике «Мировая экономика» под редакцией А.С. Булатова дано определение глобализации с точки зрения экономики: «Глобализация экономики – это процесс превращения мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капитала, рабочей силы и знаний»². О реальном развитии экономической глобализации можно судить по таким параметрам,

Цветкова Нина Николаевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, старший научный сотрудник кафедры МЭО стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vladtsvetkov@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² *Мировая экономика: Учебник* / Под ред. А.С. Булатова. М., 2007. С. 72.

как международное движение товаров, капитала, в том числе прямых иностранных инвестиций (ПИИ), рабочей силы.

Глобализация: 2000–2017 гг. Если говорить о международном движении ПИИ, то выделяют два типа показателей потоки (flows) – приток и отток ПИИ, и запасы (stocks) – балансовую стоимость накопленных ПИИ. Динамика потоков ПИИ неустойчива, подъемы чередуются со спадами, причем спады могут быть вызваны и кризисами, и, наоборот, после резкого роста притока ПИИ, связанного с мега-сделками по слияниям и поглощениям, на следующий год общемировой приток ПИИ снижается (рис. 1).

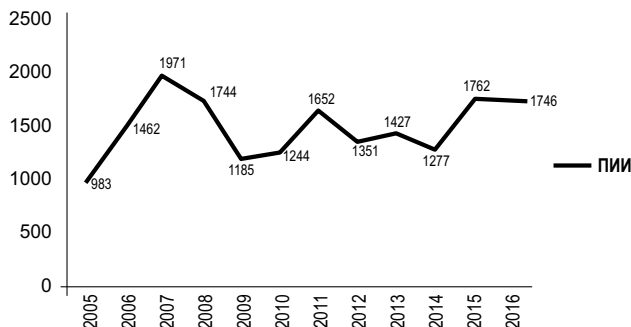

Рис. 1. Приток ПИИ во все страны мира, 2005–2016 гг. (млрд долл.)

Составлено по: World Investment Report 2011. P. 187; World Investment Report 2017. P. 222.

Балансовая стоимость ПИИ в мире, в отличие от притока ПИИ, неуклонно возрастает (спады, причем небольшие, случаются достаточно редко). Они имели место после глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. и в 2015 г. на фоне роста экономической неопределенности (с 25 119 млрд долл. в 2014 г. до 24 983 млрд долл.) (рис. 2). В целом же с 1990 по 2016 г. соотношение балансовой стоимости ПИИ с мировым ВВП возросло с 9,0% до 35,5%, мирового экспорта товаров и услуг – с 18,0% до 27,2%³. Реальные показатели экономической взаимозависимости стран на протяжении 1990–2016 гг. существенно повысились.

Распространение глобализации, участие стран в международном движении товаров, услуг, капитала крайне неравномерно. В 2015 г. 84% экспорта товаров осуществляли всего 30 стран, в том числе 12 стран Азии. На 30 стран приходилось 83,6% экспорта услуг⁴. В 2016 г. в 40 странах было сосредоточено 92% балансовой стоимости ПИИ, в их число входили 12 развивающихся стран и территорий Азии: Гонконг (КНР) и КНР, Сингапур, Индия, Индонезия, Саудовская Аравия, Таи-

³ Подсч. по: World Investment Report 2017. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2017. P. 26.

⁴ WTO: 2016 PRESS RELEASES. PRESS/768. 7 April 2016.

ланд, Южная Корея, Турция, Малайзия, ОАЭ, Вьетнам, а также одна страна Африки – ЮАР⁵.

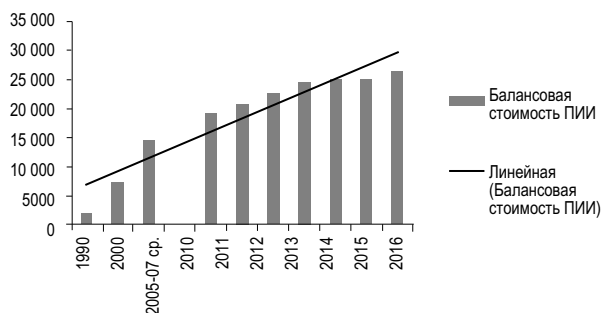

Рис. 2. Балансовая стоимость ПИИ во всех странах мира, 1990–2016 гг. (млрд долл.)

Составлено по: World Investment Report 2011. P. 191; World Investment Report 2017. P. 226.

В глобализации 2000-х годов повысилась роль стран с развивающимися рынками, стран Азии, и прежде всего Китая. Китай стал первым в мире по экспорту товаров, догнал США по ВВП по ППС. Эта тенденция сохраняется и поныне.

В глобализации первой половины 2010-х гг. отчетливо выявилась тенденция к повышению роли региональной и межрегиональной экономической интеграции. В 2016 г. было подписано соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП) с участием 12 стран (США, Японии, Австралии, Новой Зеландии, Чили, Перу, Брунея, Сингапура, Малайзии, Вьетнама, Мексики, Канады). Велись переговоры о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) между США и Евросоюзом. В Азии ведутся переговоры о создании Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) с участием 16 стран (АСЕАН + 6).

Однако в январе 2017 г., только вступив на пост президента, Дональд Трамп подписал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства. Этот шаг и другие протекционистские меры он мотивировал тем, что США имеют большой дефицит в двусторонней торговле с рядом стран Азии и Латинской Америки. Протекционистские меры Д. Трампа включают и требования о решоринге (возвращении в США производств, ранее вынесенных американскими корпорациями в страны с дешевой рабочей силой).

В 2016 г. самым высоким был дефицит в торговле США с Китаем (347 млрд долл.). Дефицит в торговле со странами-членами ТТП (из числа вошедших в список) – Японией, Канадой, Мексикой, Вьетнамом, Малайзией составил в целом 201 млрд долл. (подсч. по табл. 1). Однако, несомненно, часть этого дефицита связана с поставками в США филиа-

⁵ Подсч. по: World Investment Report 2017. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2017. P. 226–229.

лов американских корпораций в этих странах или компаний, связанных с американскими ТНК контрактами о производстве.

Таблица 1

Дефицит во внешней торговле США с основными торговыми партнерами, 2016 г.
(млрд долл., %)

Страна	Дефицит США в двусторонней торговле (млрд долл.)	Общий внешнеторговый оборот США и данной страны (млрд долл.)	Дефицит как % от внешнеторгового оборота, %
КНР	347,0	578,6	60,0
Южная Корея	27,7	112,2	24,7
Тайвань	13,3	65,4	20,3
Таиланд	18,9	40,1	47,2
Индонезия	13,2	25,2	52,2
Индия	24,3	67,7	35,9
Вьетнам	32,0	52,3	61,2
Германия	64,7	163,6	39,7
Малайзия	24,8	48,6	51,1
Япония	68,9	195,5	35,3
Мексика	63,2	525,1	12,0
Канада	12,1	544,0	2,2

Источник: Coalition for Prosperous America. Wilbur Ross says he's 'open to resuming' talks on mega-trade deal with Europe. 30 May 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2017/05/30/exclusive-wilbur-ross-says-hes-open-to-resuming-ttip-negotiations.html>

Для ситуации в мировой экономике с 2014 г. характерны повышение роли геополитических факторов, рост протекционистских мер, повышение экономической нестабильности. «Характер глобализации меняется, создавая все более нестабильную глобальную среду», — подчеркивают авторы Научного доклада ИМЭМО во главе с акад. А.А. Дынкиным⁶. «Мир находится в состоянии больших перемен, все больше утрачивая стабильность», — отмечает В.А. Мельянец⁷.

Развитие Четвертой промышленной революции, новые трудосберегающие технологии: робототехника, автоматизация, искусственный интеллект, 3D/4D печать, нанотехнологии, биотехнологии и синергетический эффект вышеперечисленного – уже сегодня (не в прогнозах) оказывают влияние на международное разделение труда. При развитии автоматизации ТНК теряют заинтересованность в размещении производств в странах с дешевой рабочей силой. Глобальные цепочки стои-

⁶ Глобальная система на переломе: на пути к новой нормальности// Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 7.

⁷ Мельянец В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М., 2015. С. 71.

мости могут «сложиться», как карточный домик, и автоматизированное производство может быть размещено в одной стране, без вынесения за рубеж производства компонентов, сборочных операций⁸. Правда, эти ГЦС могут быть размещены и вблизи от крупных рынков сбыта, например в Китае, который активно внедряет роботизацию и автоматизацию.

Перспективы глобализации. Президент бизнес-совета консалтинговой корпорации AT Kearney Пол Лудисина выступил на Всемирном экономическом форуме 2016 г. с докладом «Глобализация мертва, что дальше?»⁹ В своем выступлении на ВЭФ-2016 и в совместном докладе с Э. Петерсоном он говорит о четырех вариантах нового международного экономического порядка¹⁰:

1. Глобализация 3.0. Возвращение к глобальной интеграции и высоким темпам экономического роста. С повышением стоимости рабочей силы в Китае страна перестанет быть мировой мастерской и ТНК рассматривают как страны нового «фронта» глобализации ряд стран Африки: Нигерию, Кению, Эфиопию, Гану.

2. Поляризация – мир усилившейся напряженности в отношениях между мировыми державами, противостояние США и КНР, развитие геополитических альянсов и соответствующих экономических партнерств.

3. Фрагментация (Islandization). «Каждая экономика все больше замыкается на своем острове. Националистическая политика и популизм направлены против международной торговли из-за роста неравномерности в распределении доходов в ведущих экономиках». Это, в свою очередь, приводит к росту нестабильности в странах с развивающимися рынками. Усиливаются сепаратизм и сецессионизм.

4. Экономика совместного пользования (Commonization). Развитие автоматизации, технологий 3D-печати одновременно со снижением стоимости 3D-принтеров позволит создавать мини-производства обрабатывающей промышленности по всему миру. «Сегодня африканские страны импортируют многие товары, которые легко могли бы производиться с помощью 3D-принтеров», – отмечают авторы из ИМЭМО¹¹. Вместо постоянной смены моделей, характерной для глобального общества потребления, развивается экономика совместного пользования: расширяются такие сервисы, как car-sharing. Индивиды предлагают свои

⁸ Цветкова Н.Н. Страны Востока в международной торговле электронными компонентами и глобальные цепочки стоимости // Восток (Oriens). 2016. № 6. С. 73–89.

⁹ Laudicina P. Globalization is dead: what now? // World Economic Forum. Davos 16 Jan 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/globalization-is-dead-what-now>

¹⁰ Peterson E.R., Laudicina P.A. Global Business Policy Council, A.T. Kearney. From Globalization to Islandization. https://www.atkearney.com/gbpc/thought-leadership/detail/-/asset_publisher/03JmqNRaRZj7/content/from-globalization-to-islandization/10192

¹¹ Глобальная система на переломе: на пути к новой нормальности // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 16.

услуги по запросам, а ИТ-системы координируют спрос и предложение на временно не используемые рабочую силу и активы.

В результате этих изменений глобальная экономика начинает двигаться к тому, что Джереми Рифкин назвал «обществом с нулевыми предельными издержками», «в котором товары и услуги становятся почти бесплатными, а люди могут проводить время, строя отношения и сотрудничая с другими людьми, вместо того чтобы выполнять традиционную работу по найму. Мировая экономика вступает в период не глобализации, а экономики совместного пользования, в которой люди безвозмездно делятся идеями и инновациями в рамках глобального сообщества, а значение международной торговли и иностранных инвестиций сокращается»¹².

ТНК из стран Востока и новые тенденции в глобализации. ТНК из стран Востока вышли на авансцену и играют все более важную роль в мировой экономике. Все большее число компаний и банков из стран Востока входит в рейтинги «Форбс», «Форчун», ЮНКТАД.

Число компаний из развивающихся стран Азии в списке 2000 глобальных компаний «Форбс» повысилось с 311 в 2007 г. (15,6% от общего числа) до 552 (27,6%) в 2017 г. (подсч. по табл. 2). КНР вместе с Гонконгом находилась в 2017 г. на втором месте по числу компаний (261) после США (563 компании), опережая Японию.

Таблица 2

Число компаний и банков из развивающихся стран Азии в списках 2000 глобальных компаний «Форбс», 2007, 2017 гг.

Страна	Число компаний		Страна	Число компаний	
	2007	2017		2007	2017
КНР с Гонконгом	100	261	Ливан	—	2
Индия	45	58	Кувейт	7	2
Республика Корея	49	64	Катар	4	8
Тайвань	41	46	ОАЭ	11	14
Сингапур	17	17	Бахрейн	2	2
Малайзия	16	14	Иордания	1	1
Индонезия	4	6	Вьетнам		4
Таиланд	13	14	Оман		1
Филиппины	2		Развивающиеся страны Азии	311	552
Турция	16	10	США		563
Саудовская Аравия	11	18	Япония		229

Подсчитано по: URL: http://www.forbes.com/lists/2008/18/biz_2000global08_The-Global-2000_Rank_20.html (6.6.12); <https://www.forbes.com/global2000/list> (20.09.2017).

¹² Peterson E.R., Laudicina P.A. Global Business Policy Council, A.T. Kearney. From Globalization to Islandization. https://www.atkearney.com/gbpc/thought-leadership/detail/-/asset_publisher/03JmqNRzj7/content/from-globalization-to-islandization/10192

ТНК из стран Востока заняли важные позиции на ряде рынков инновационной продукции. В I квартале 2017 г. среди пяти лидеров мирового рынка персональных компьютеров (по числу проданных компьютеров в шт.) Lenovo (20,4% рынка) занимала второе место после Hewlett Packard (HP) (21,8%), на третьем и четвертом местах находились американские Dell (15,8%) и Apple (7%), на пятом месте – тайваньская Acer (6,8%). На мировом рынке смартфонов в I кв. 2017 г. из пяти лидеров четыре были азиатскими компаниями. Первое место (по числу проданных смартфонов в штуках) занимала Samsung Electronics (Samsung) (23,3% рынка), на втором месте находилась Apple (14,7%), на 3–5 местах – китайские компании Huawei (10,0%), OPPO (7,5%) и Vivo (5,5%)¹³.

Если Apple ориентируется на производство дорогой и престижной продукции – айфонов, то Samsung и Huawei действуют в двух сегментах рынка – в производстве дорогих смартфонов и дешевой массовой продукции, а OPPO, Vivo, Xiaomi специализируются на производстве дешевых телефонов. Эта продукция сбывается и на внутреннем рынке, и на рынках стран Южной и Юго-Восточной Азии, и на африканских рынках (варианты *поляризация* и *фрагментация*). Samsung занимает первое место по поставкам мобильных телефонов в Африку. В Эфиопии Samsung организовала производство мобильных телефонов, но не на своем филиале, а по контракту с субподрядчиком. Зарплата у рабочих, собирающих телефоны Samsung, составляет 75 долл. в мес., а в среднем в обрабатывающей промышленности – 50 долл. в месяц¹⁴. ТНК из стран Востока уже участвуют в перемещении трудоемких производств из Азии в Африку, в страны «фронтира», к которым причисляют Эфиопию (вариант *глобализация 3.0*).

ТНК из стран Востока внедряют автоматизацию и роботизацию. Субподрядчик Apple (и многих других компаний) тайваньская Foxconn (Hon Hai) автоматизировала производство в городе Куньшан (КНР), заменив рабочих механическими руками. Более того, Foxconn сама производит роботов (фоксботов). Крупнейшие индийские компании отрасли ИТ-услуг внедряют Robotic Process Automation (автоматизацию в аутсорсинге бизнес-процессов).

Наконец, ТНК из стран Востока готовы принять участие и в расширении, в создании филиалов и рабочих мест, в финансировании стартапов сферы высоких технологий в США. Это, например, три со-

¹³ Here are the companies that sell the most PCs worldwide. Apr. 14, 2017. URL: <http://www.businessinsider.com/top-pc-companies-sales-idc-market-share-chart-2017-4>; IDC. Smartphone Vendor Market Share, 2017 Q1. <https://www.idc.com/promo/smartphone-market-share/vendor>.

¹⁴ Products of H&M, GE and even Samsung are “Made in Ethiopia”. The least developed country on market economy turns into a “world factory”. 8.03.2017. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/products-hm-ge-even-samsung-made-ethiopia-least-country-umemoto>.

трудничающие друг с другом компании: японская Softbank, китайская Alibaba и тайваньская Foxconn¹⁵.

При варианте *экономики совместного пользования*, предполагающем отказ от консьюмеризма и сокращение спроса благодаря совместному использованию машин, домов, аддитивным технологиям (сами люди смогут напечатать на 3D-принтере то, что надо было бы покупать), сократится сбыт продукции ТНК, что может быть для них весьма болезненным. Однако ТНК, идущие в авангарде разработки прорывных технологий, смогут компенсировать свои потери тем, что будут получать дивиденды от своих инноваций. Такие ТНК из стран Востока, как китайские «Тенсент», «Алибаба», «Байду», южнокорейская «Самсунг», тайваньская «Хон Хай», уже сегодня уделяют большое внимание разработке новых технологий.

ТНК из стран Востока и сами страны Востока будут играть все более значительную роль в мировой экономике при всех вариантах нового международного экономического порядка. Какой из вариантов (один или в сочетании с другими) осуществится, покажет время.

Список источников и литературы

1. Глобальная система на переломе: на пути к новой нормальности // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 5–25.
2. Мельянец В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М., 2015. 80 с.
3. Мировая экономика: Учебник / Под ред. А.С. Булатова. М., 2007. 860 с.
4. Цветкова Н.Н. Страны Востока в международной торговле электронными компонентами и глобальные цепочки стоимости // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 6. С. 73–89.
5. *Here are the companies that sell the most PCs worldwide*. Apr. 14, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessinsider.com/top-pc-companies-sales-idc-market-share-chart-2017-4>.
6. IDC. Smartphone Vendor Market Share, 2017 Q1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idc.com/promo/smartphone-market-share/vendor>.
7. *Laudicina P. Globalization is dead: what now?* // World Economic Forum. Davos 16 Jan 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/globalization-is-dead-what-now/>
8. *Lucas L., Inagaki Kana. The three Asian tech titans targeting US with jobs and investment* // Financial Times. March 8, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/73e1a8fc-02f6-11e7-ace0-1ce02ef0def9/>
9. *Peterson E.R., Laudicina P.A. Global Business Policy Council, A.T. Kearney. From Globalization to Islandization* [Электронный ресурс]. URL: https://www.atkearney.com/gbpc/thought-leadership/detail/-/asset_publisher/03JmqNRaRZj7/content/from-globalization-to-islandization/10192
10. Products of H& M, GE and even Samsung are “Made in Ethiopia” // The least developed country on market economy turns into a “world factory”. 8.03.2017. [Электронный ресурс].

¹⁵ *Lucas L., Inagaki, Kana. The three Asian tech titans targeting US with jobs and investment* // Financial Times. March 8, 2017. URL: <https://www.ft.com/content/73e1a8fc-02f6-11e7-ace0-1ce02ef0def9>

URL: <https://www.linkedin.com/pulse/products-hm-ge-even-samsung-made-ethiopia-least-country-umemoto>

11. World Investment Report 2011. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2011. 226 p.
12. World Investment Report 2016. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2016. 218 p.
13. World Investment Report 2017. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2017. 238 p.
14. WTO: 2016 PRESS RELEASES. PRESS/768. 7 April 2016.

Nina N. Tsvetkova

NEW TRENDS IN GLOBALIZATION AND TNCs FROM ASIAN COUNTRIES

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

New trends in globalization are considered: some authors state that globalization is at threat, with the rise of protectionism and new labour saving technologies. New trends in globalization of 2000s include the increasing role of Asian countries in the world economy, in the first half of 2010s we can point out the growing importance of regional economic integration, including the negotiations on creation of regional mega-groups, such as Transpacific Partnership. Possible future variants of new world economic order, such as Globalization 3.0, Polarization, Islandization, “Commonization” (version of E. Petersen and P. Laudicina) are depicted.

Transnationals from Asian countries play an increasing role in the world economy. The author makes an attempt to show that TNCs from Asian countries are involved in these new trends in globalization: increase of importance of internal and regional markets, rise of robotics and automation, transfer of labour intensive industries from Asian countries to “frontier” economies (some African countries).

Key words: globalization; transnationals (TNCs) from Asian countries; new labour saving technologies; transfer of industries to “frontier economies”; rise of protectionism; regional economic integration.

About the author: *Nina N. Tsvetkova* – PhD in Economy, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS; Senior Researcher, Department of international economic relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vladtsvetkov@mail.ru).

References

1. *Global'naya sistema na perelome: na puti k novoi normal'nosti* (Global System on the Brink: Pathways Toward a New Normal). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. T. 60. № 8. S. 5–25.
2. *Here are the companies that sell the most PCs worldwide*. Apr. 14, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.businessinsider.com/top-pc-companies-sales-idc-market-share-chart-2017-4>
3. IDC. Smartphone Vendor Market Share, 2017 Q1 [Electronic resource]. URL: <https://www.idc.com/promo/smartphone-market-share/vendor>

4. Laudicina P. Globalization is dead: what now? *World Economic Forum. Davos 16 Jan 2016* [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/globalization-is-dead-what-now/>
5. Lucas L., Inagaki, Kana. The three Asian tech titans targeting US with jobs and investment. *Financial Times. March 8, 2017* [Electronic resource]. URL: <https://www.ft.com/content/73e1a8fc-02f6-11e7-ace0-1ce02ef0def9/>
6. Meliantsev V.A. *Dolgosrochnye tendentsii, kontrtendentsii i faktory ekonomicheskogo rosta razvitykh i razvivayushchikhsya stran* (Long-term Trends, Counter-Trends and Factors of Economic Growth of Developed and Developing Countries). M., 2015. 80 p.
7. *Mirovaya ekonomika* (World Economy). Uchebnik. Pod red. A.S. Bulatova. M., 2007. 860 p.
8. Peterson E.R., Laudicina P.A. Global Business Policy Council, A.T. Kearney. *From Globalization to Islandization* [Electronic resource]. URL: https://www.atkearney.com/gbpc/thought-leadership/detail/-/asset_publisher/03JmqNRaRZj7/content/from-globalization-to-islandization/10192/
9. *Products of H& M, GE and even Samsung are "Made in Ethiopia"*. The least developed country on market economy turns into a "world factory". 8.03.2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/products-hm-ge-even-samsung-made-ethiopia-least-country-umemoto>
10. Tsvetkova N.N. Strany Vostoka v mezhdunarodnoi torgovle elektronnyimi komponentami i global'nye tsepochniki stoimosti (Asian Countries in Electronic Components Exports and Imports and Global Value Chains). *Vostok (Oriens), 2016, № 6*, ss. 73–89.
11. *World Investment Report 2011*. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2011. 226 p.
12. *World Investment Report 2016*. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2016. 218 p.
13. *World Investment Report 2017*. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2017. 238 p.
14. *WTO: 2016 PRESS RELEASES*. PRESS/768. 7 April 2016.

А.В. Барабошкина

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИРОДНОГО ГАЗА В КИТАЕ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В настоящее время Китай — одна из самых быстроразвивающихся экономик мира и крупнейший потребитель энергоресурсов. Бурное и стремительное развитие КНР привело к тому, что страна находится на грани экологической катастрофы. Для улучшения состояния окружающей среды Китаю необходимо изменить структуру энергопотребления. Природный газ является высококачественным, высокоэффективным и чистым низкоуглеродистым источником энергии. Он играет важную роль в диверсификации и оптимизации топливно-энергетического баланса Китая, где на протяжении многих десятилетий доминирует уголь. В различных правительственных документах указывается на замену угля газом как на неотъемлемую часть реализации стратегии низкоуглеродного развития страны и осуществления перехода к устойчивой энергосистеме. В статье рассмотрены динамика и структура потребления природного газа как в отраслевом, так и в региональном разрезе, также дана характеристика прогнозам в этой сфере на 13-ю пятилетку (2016–2020).

Ключевые слова: Китай; природный газ; потребление.

Китай является одной из самых быстроразвивающихся экономик в мире и крупнейшим потребителем энергоресурсов. В условиях тяжелой экологической ситуации в стране², он остро нуждается в изменении структуры энергопотребления, где на протяжении многих десятилетий доминирует уголь³. Природный газ как достаточно высокоэффективное и самое чистое ископаемое топливо играет важную роль в диверсификации и оптимизации энергобаланса Китая. Он представляется наиболее подходящим и доступным выбором для того, чтобы стимулировать экономический рост страны и ликвидировать «энергетическую нищету» в ней и в то же время гарантировать защиту окружающей среды

Барабошкина Анастасия Валерьевна — студентка магистратуры кафедры экономики и экономической географии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a_gavrikova@bk.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² Подсчитано, что от загрязнения воздуха в Китае каждый день умирает 4400 человек (1,6 млн человек в год). Основным источником загрязнения является сжигание угля на теплоэлектростанциях.

³ В 2015 г. доля угля в общем потреблении первичных энергоресурсов составила 64%.

от негативных последствий этого роста. Правительство во многих официальных документах указывает на необходимость увеличения доли природного газа в совокупном энергопотреблении как на неотъемлемую часть реализации концепции низкоуглеродной экономики⁴ и устойчивого развития страны.

В настоящее время Китай является третьим крупнейшим потребителем газа в мире после США и России⁵. В течение последних почти 20 лет наблюдается прямолинейный тренд увеличения объемов потребляемого природного газа в Китае (*график 1*). Быстрый рост потребления газа стал возможен благодаря тому, что в стране стали активно разрабатывать газовые месторождения, строить магистральные газопроводы и газораспределительные системы в городах, импортировать трубопроводный и сжиженный природный газ, реформировать механизм ценообразования, а также создавать подземные газовые хранилища, автомобильные газозаправочные станции и газовые электростанции.

Если в 2000 г. совокупный годовой объем потребления газа составлял 24,5 млрд куб. м, то в 2015 г. эта величина достигла отметки в 193,1 млрд куб. м. Темпы прироста потребления газа за период с 2000 по 2013 г. измерялись двузначными цифрами, но в 2014 г. этот показатель составил 9,6%, а в 2015 г. — всего 3,3%⁶. Явное замедление темпов роста потребления газа связывают с общим замедлением темпов экономического роста в условиях «новой нормальности»⁷, а также относительно высокими ценами на газ на фоне падения мировых цен на нефть⁸. Однако ситуация с потреблением природного газа в 2016 г. улучшилась благодаря принятому в 2015 г. Государственным комитетом по развитию и реформам (ГКРР) решению снизить цены. После снижения максимальной стоимости на природный газ на 28% (ноябрь 2015 г.) потребление выросло на 7,5% за 8 месяцев 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года⁹.

⁴ Под низкоуглеродной экономикой понимается новая социально-экономическая и технологическая система, нацеленная на сокращение выбросов парниковых газов (по сравнению с традиционной экономикой) без ущерба для темпов социально-экономического развития.

⁵ BP Statistical Review of World Energy 2016, P. 23.

⁶ Tianranqi fazhan shisan wu guihua. P. 3; URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

⁷ Содержание концепции «новой нормальности»: 1) происходит переход от роста высокими темпами к росту средне-высокими темпами; 2) экономическая структура Китая постоянно оптимизируется, её уровень повышается, сфера услуг и потребительский спрос постепенно выходят на главное место, различия между городом и деревней, а также межрегиональные различия постепенно ослабевают, результатами развития пользуются более широкие круги населения; 3) главным двигателем роста вместо факторов производства и инвестиций становятся инновации.

⁸ Главными субститутами газа являются дизель и сжиженный углеводородный газ (СУГ). Стимулировать расширение автопарка на газовом топливе стало трудной задачей в силу более привлекательной для потребителя цены на дизельное топливо; в период высоких цен на нефть СУГ не составляет конкуренцию газу в коммунально-бытовом хозяйстве, теперь его конкурентоспособность заметно возросла.

⁹ См.: Петелин Е.Н. Как реформа ценообразования на природный газ повлияет на газовый сектор Китая? С. 11; URL: http://yxj.ndrc.gov.cn/mtzhgl/201609/t20160930_821440.html

График 1. Объемы потребления природного газа в Китае, млрд куб. м.
Темпы их прироста, %

Примечание: данные включают сжиженный природный газ (СПГ) с 2010 г.
Составлено автором по: Tianranqi fazhan shisan wu guihua («13-й пятилетний план по развитию газовой промышленности»), Р. 3; <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

Наиболее крупными потребителями природного газа в отраслевом разрезе в настоящее время являются промышленный сектор, коммунально-бытовой сектор, тепло- и электрогенерация и транспортный сектор.

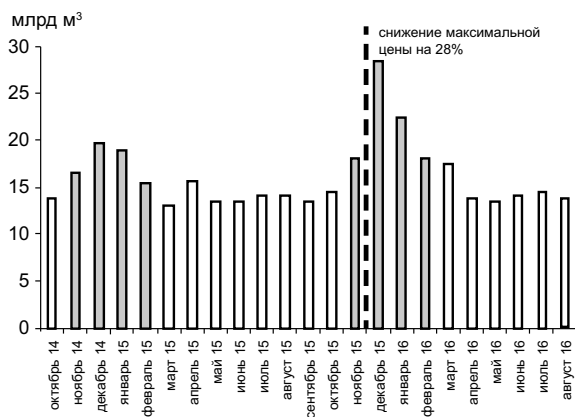
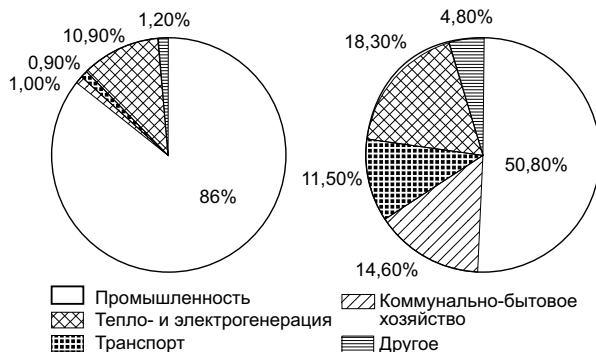

Рис. 1. Динамика потребления природного газа в Китае по месяцам в 2014–2016 гг.

Источник: Петелин Е.Н. Как реформа ценообразования на природный газ повлияет на газовый сектор Китая? С. 10.

Диаграммы 1–2. Структура потребления природного газа по секторам, 1995 и 2014 гг.

Составлено автором по: URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

Природный газ стал играть заметную роль в непромышленном секторе только в 2000-е годы. В 1980-е годы газ в основном использовался при разработке нефтегазовых месторождений, в 1990-е годы самой крупной сферой потребления природного газа стало производство химического сырья и химической продукции (~63% от потребления природного газа в производстве в целом)¹⁰. Структура потребления начала приобретать иной вид в 2000-е годы, когда коммунально-бытовой сектор, тепло- и электрогенерация¹¹ и транспортный сектор постепенно стали занимать всё большую долю в общем потреблении газа.

Таблица 1

**Потребление природного газа в Китае по секторам в 2000 и 2014 гг., млрд куб. м.
Среднегодовой темп прироста за 14 лет, %**

Сфера потребления	2000 г.	2014 г.	Среднегодовой темп прироста за 14 лет, %
Промышленность	190,86	948,7	12,14
Тепло-и электроэнергия	8,14	272,63	28,51
Транспорт	8,81	214,42	25,61
Коммунально-бытовое хозяйство	32,32	342,58	18,37

Составлено автором по: URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

Как видно из таблицы, потребление газа растет медленнее в промышленности, быстрее — в тепло- и электроэнергетике, транспортном секторе и коммунально-бытовом хозяйстве.

¹⁰ Li Xin. Natural gas in China: a regional analysis. Oxford, 2015. P. 7.

¹¹ Согласно китайской статистике, тепло- и электрогенерация входит в промышленный сектор, в данной статье она рассматривается отдельно, так как динамика потребления природного газа в тепло- и электроэнергетике в некоторой степени отличается от тенденций, наблюдаемых в промышленном секторе.

Рассмотрим более подробно каждую группу крупных потребителей в отраслевом разрезе.

Промышленность. В промышленности газ используется в качестве сырья (главным образом, в химической промышленности) и в качестве топлива. Хотя промышленность и является основным потребителем газа, но ее доля в общем энергопотреблении постепенно снижается (*Диаграммы 1–2*). Шестью ведущими отраслями промышленности (всего их 36), в которых используется 83% природного газа, потребляемого промышленностью в целом, являются производство химического сырья и химической продукции; извлечение нефти и природного газа, переработка нефти и ядерного топлива, коксование; выплавка и прессование чёрных металлов; выплавка и прессование цветных металлов; производство нерудных материалов (керамика, стекло, сталь)¹². Традиционно крупнейшим промышленным потребителем газа является химическая промышленность, что характерно для развивающихся стран. В развивающихся странах с большой и тем более очень большой численностью населения необходимо производить достаточное количество удобрений и иной химической продукции для удовлетворения потребностей людей в продовольствии и других товарах. Однако в Китае доля химической промышленности в общем потреблении газа уменьшилась с 37% в 2000 г. до 13% в 2013 г.¹³ Политика государства направлена на ограничение применения газа в качестве сырья в химической промышленности и поощрение применения газа в качестве топлива для перехода с угля на газ, так как атмосфера загрязняется больше всего именно в результате сжигания топлива¹⁴. В целом, снижение доли промышленного сектора в общем потреблении газа и более медленные темпы роста его использования по сравнению с другими секторами связаны с общемировым экономическим спадом, снижением темпов экономического роста в стране, накоплением избыточных мощностей в промышленности Китая, ценовым фактором (в среднем цены на газ в промышленном секторе выше цен на газ в коммунально-бытовом хозяйстве на 30%)¹⁵, а также ростом потребления газа в других секторах. Тем не менее использование газа в промышленности в абсолютных показателях продолжает расти благодаря развитию инфраструктуры и поощрению государством перехода с угля и нефти на газ.

¹² Zhongguo nengyuan tongji nianjian 2015 (Китайский энергетический статистический ежегодник 2015). P. 86-87.

¹³ Nengyuan lan pi shu. Zhongguo nengyuan fazhan baogao 2015 (Голубая книга «Отчет об энергетическом развитии Китая» 2015). P. 117.

¹⁴ Paltsev, Sergey and Zhang, Danwei. Natural Gas Pricing Reform: Getting Closer to a Market System? Cambridge, 2015. P. 6.

¹⁵ Chen M. The Development of Chinese Gas Pricing: Drivers, Challenges and Implications for Demand. Oxford, 2014. P. 25.

Тепло- и электрогенерация. Электроэнергетика в Китае — один из крупнейших источников выбросов CO₂ в мире. В этом секторе потребляется более половины всего угля¹⁶. Из-за изобилия угольных ресурсов и относительно высокой стоимости газа по сравнению с углем, использование природного газа в тепло- и электрогенерации значительно ограничено по сравнению с международными стандартами, хотя по абсолютным объемам природного газа, используемого в тепло- и электрогенерации, Китай уступает лишь шести странам^{17,18}.

Большая часть газовых электростанций расположена в прибрежных регионах, так как их строят в непосредственной близости от СПГ-терминалов, а также магистральных газопроводов, конечным пунктом назначения которых как раз и являются восточные регионы. Такое расположение преследует две цели: 1) источник долгосрочного спроса на газ и, следовательно, минимизация рисков для инвестиций в его разведку и добычу; 2) необходимость в альтернативе угольным электростанциям в связи с ограниченными транспортными мощностями по перевозке угля из районов добычи во внутренних регионах страны в районы потребления электро- и теплоэнергии в прибрежных регионах, а также их [угольных электростанций] негативным влиянием на состояние окружающей среды¹⁹.

Газовая генерация остается относительно неконкурентоспособной из-за низкой стоимости угля и падения спроса на тепло-и электроэнергию в условиях «новой нормальности» и работает только в периоды пикового спроса²⁰. Тем не менее, как видно из *таблицы 1*, потребление в электроэнергетическом секторе за 14 лет значительно возросло, что связано прежде всего с ужесточением экологических требований. Например, в одном только Пекине потребление газа на двух работающих электростанциях в первой половине 2013 г. выросло на 52%²¹.

Коммунально-бытовой сектор. В отличие от замедления темпов роста потребления газа в промышленности, потребление газа в коммунально-бытовом хозяйстве растёт. В 2014 г. оно составило 34,3 млрд куб. м. В детальном разрезе отраслевой структуры оно вышло на первое место. За домохозяйствами следует использование газа в производстве химического сырья и химической продукции (32 млрд куб. м) и тепло-и электрогенерация (27,3 млрд куб. м). Для сравнения, в 2000 г. потребление в коммунально-бытовом секторе составляло всего 3,2 млрд

¹⁶ Li Xin. Natural gas in China: a regional analysis. P. 14.

¹⁷ Li Xin. Op. cit. P. 14.

¹⁸ Россия, США, Япония, Саудовская Аравия, Иран, ОАЭ.

¹⁹ Li Xin. Op. cit. P. 14.

²⁰ URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/22/646277-gazprom-mozhet-postroit-kitae-podzemnie-hranilischa-gaza-gazovie-elektrostantsii>

²¹ См.: Кушикина К. ТЭК Китая устами китайцев: итоги 2013 и планы 2014 // Нефтегазовая Вертикаль. 2014. № 7. С. 11–12.

куб. м²². Одной из важных характеристик, присущих потреблению природного газа домохозяйствами, является перекрестное субсидирование, посредством которого потребители в промышленности покупают газ по более высоким ценам, чем домохозяйства. Подобная ситуация при ценообразовании на газ не является уникальной. Перекрёстное субсидирование применяется и в электроэнергетике: потребители электроэнергии в коммунально-бытовом секторе составляют 12,7% от общего количества потребителей, но газ для них стоит дешевле, чем для потребителей в промышленном секторе (58,5%)²³. Это создает искаженную систему ценообразования, так как конечное потребление в коммунально-бытовом хозяйстве требует больших инфраструктурных расходов. В то же время домохозяйства очень чувствительны к изменению цен на газ: увеличение их на 1% сократит его потребление домохозяйствами почти на 3%²⁴. Поэтому относительно низкие цены в коммунально-бытовом секторе помогают создать значительный спрос за небольшой отрезок времени.

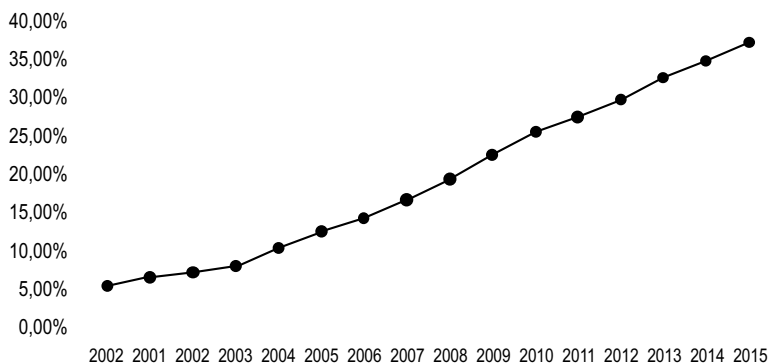

График 2. Динамика коэффициента уровня доступности природного газа в городах Китая, %

Составлено автором по: URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

Различия в уровне коэффициента доступности природного газа (или уровня развития инфраструктуры) оказывают влияние на его потребление. Данный показатель используется для измерения доли городского населения, имеющего доступ к газу. Если в 2000 г. коэффициент доступности в целом по стране составлял всего 5,6% (совокупное городское население — 459,1 млн человек; городское население, имеющее доступ к природному газу — 25,8 млн человек), то в 2015 г. данный коэффициент уже составлял 37% (совокупное городское на-

²² URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

²³ Li Xin. Op. cit. P. 11.

²⁴ Ibidem.

селение — 771,2 млн человек; городское население, имеющее доступ к природному газу, — 285,6 млн человек).

Экономически развитые регионы имеют более высокий коэффициент: Пекин — 77,1%, Шанхай — 75%; в газодобывающих регионах этот показатель тоже выше среднего: Синьцзян — 58%, Сычуань — 43,5%; менее развитые регионы: Гуйчжоу — 16,9% и Юньнань — 8,3%²⁵.

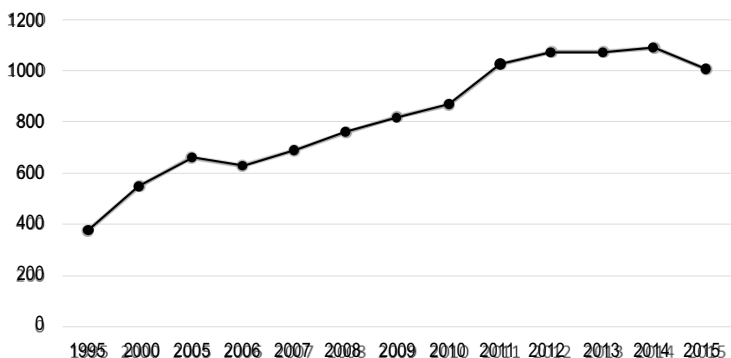

График 3. Общая площадь построенных городских жилых домов в КНР, млн кв. м
 Составлено автором по: Zhongguo tongji nianjian 2016 (Китайский статистический ежегодник 2016). Tab. 10–16 (электронный вариант). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm>

Потребление природного газа зависит от степени урбанизации и уровня доходов населения. В 2012 г. сельские жители потребляли всего 78 млн куб. м природного газа, в то время как городские жители — 28,7 млрд куб. м²⁶. Почти половина китайского населения все ещё проживает в сельской местности, однако географическая удалённость сельских регионов и низкий уровень располагаемого дохода в них препятствуют инвестированию в инфраструктуру, которая позволила бы сельскому населению иметь доступ к газу. К концу 2015 г. городское население составляло 56,1% (771,2 млн человек) от совокупного населения страны. Количество домов, построенных в городах Китая за период с 2000 по 2012 гг., превышает общее количество домов в Великобритании по состоянию на 2014 г. в два раза²⁷. Общая площадь городских жилых зданий, построенных за период с 2000 по 2015 г., увеличилась почти в 3 раза.

Согласно прогнозам, городское население продолжит расти и к 2030 г. достигнет 2/3 от общего населения Китая, что будет в целом соот-

²⁵ Рассчитано автором по данным: URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103>

²⁶ Li Xin. Op. cit. P. 12.

²⁷ URL: <https://newrepublic.com/article/119225/china-megacities-may-lead-real-estate-melt-down-shanghai-beijing>

Таблица 2

Цены на природный газ, электричество и СУГ для потребителей в коммунально-бытовом хозяйстве, июнь 2015 г.

Вид топлива	\$/млн БТЕ
Природный газ	11.4
Электричество	25.4
СУГ	25.0

Источник: *Li Xin. Natural gas in China: a regional analysis*. P. 12.

природный газ, сжиженный углеводородный газ (СУГ) и электричество для потребителей в коммунально-бытовом секторе в июне 2015 г. Цены на газ относительно других энергоисточников — самые низкие.

Согласно документу «*Политика использования природного газа*», опубликованному ГКРР в 2012 г., использование газа в коммунально-бытовом хозяйстве для приготовления пищи и обеспечения горячего водоснабжения является приоритетным. Это означает гарантированность поставок на эти цели в периоды его дефицита²⁹.

Транспортный сектор. В 2014 г. потребление природного газа в транспортном секторе составило примерно 21,4 млрд куб. м (в 2000 г. — 881 млн куб. м); количество транспортных средств, работающих на природном газе (ТСПГ), выросло с 6000 в 2000 г. до 5 млн в 2015 г. По числу ТСПГ Китай занимает первое место в мире³⁰. В последние годы ТСПГ пользуются популярностью благодаря государственной поддержке (отмена пошлин для них за пользование платными автомагистралями, субсидии, расходы на НИОКР в области их технологического развития). Однако доля ТСПГ в общем количестве транспортных средств пока остаётся низкой — 1,8%³¹. Основными драйверами роста использования газа в транспортном секторе являются достаточность предложения газа, конкурентоспособность газа³² и уровень развития инфраструктуры (трубопроводы и автомобильные газозаправочные станции (АГЗС)).

В районах добычи газа больше ТСПГ, чем в других регионах Китая. Например, в 2013 г. в Синьцзяне и Сычуани насчитывалось 33% от общего количества ТСПГ в Китае. Самым крупным автопарком

ветствовать аналогичному показателю в других странах с сопоставимым доходом на душу населения. Рост располагаемого дохода также будет стимулировать рост потребления природного газа. Например, спрос на него увеличится примерно на 12%, если располагаемый доход увеличится на 2000 юаней²⁸.

Еще одним важным фактором, который способствует росту потребления природного газа в коммунально-бытовом секторе, является его относительная конкурентоспособность. Сравним цены на

²⁸ *Li Xin. Op. cit.* P. 12.

²⁹ *Tianranqi liyong zhengce* («Политика использования природного газа»). P. 2.

³⁰ *Wang Tao. Natural Gas in China's Transport Sector*. P. 2.

³¹ *Li Xin. Op. cit.* P. 13.

³² Имеется в виду конкурентоспособность газа относительно бензина и дизеля до падения мировых цен на нефть, а в дальнейшем восстановление конкурентоспособности данного энергоносителя после снижения цен на него.

ТСПГ (21,5%) располагает восточная провинция Шаньдун благодаря непосредственной близости к нефтегазовым месторождениям Шэнли и Чжунъюань и одной из ветвей газопровода «Запад–Восток». Но так как основные районы добычи природного газа по большей части сконцентрированы на северо-западе страны, то 80% всего автопарка ТСПГ приходится именно на эти регионы³³.

В 2015 г. в Китае насчитывалось 3,732 АГЗС. Больше всего АГЗС находится в Шаньдуне (473), Синьцзяне (362) и Сычуани (315). Интересно отметить, что VRI³⁴ в них выше оптимального уровня, а в среднем по стране VRI ниже оптимального (867:1). В целом по стране система заправок станций для ТСПГ недостаточно развита³⁵.

Хотя природный газ дешевле бензина и дизеля, однако стоимость ТСПГ на 10% выше стоимости традиционных транспортных средств, работающих на нефтяном топливе³⁶. Падение цен на нефть на мировом рынке сделало природный газ менее конкурентоспособным.

К факторам, сдерживающим рост автопарка ТСПГ, также относятся: трудность устранения неисправностей без помощи специалистов, недостаток механиков, специализирующихся на ТСПГ, длительность техобслуживания, недостаточное количество специальных деталей³⁷.

Наиболее крупными потребителями природного газа в региональном разрезе являются:

Таблица 3

Крупные потребители природного газа в региональном разрезе

Регион	Природный газ (млрд куб. м)	Регион	Природный газ (млрд куб. м)
Синьцзян	16,9	Чунцин	8,2
Сычуань	16,5	Чжэцзян	7,8
Гуандун	13,4	Хэнань	7,7
Цзянсу	12,8	Шаньдун	7,49
Пекин	11,4	Шэньси	7,43
Ляонин	8,4	Шанхай	7,2

Составлено автором по: Zhongguo nengyuan tongji nianjian 2015. P. 125–305.

В этих регионах используется 67% природного газа. Синьцзян, Сычуань и Шэньси являются основными районами добычи природного газа; Хэнань и Чунцин граничат с основными районами добычи газа;

³³ Li Xin. Op. cit. P. 13.

³⁴ VRI (vehicle — to — refuelling station index) — индекс, который отражает баланс между количеством АЗС и количеством транспортных средств. Оптимальное значение — 1000 транспортных средств на 1 АЗС.

³⁵ Li Xin. Op. cit. P. 13.

³⁶ Ibid. P. 14.

³⁷ Wang Tao. Natural Gas in China's Transport Sector. P. 18.

остальные являются развитыми регионами на востоке и юго-востоке страны.

Следовательно, крупнейшими потребителями природного газа в региональном разрезе являются основные районы добычи этого энергоносителя и экономически развитые провинции и города, где в связи с активным ростом энергопотребления и, как следствие, увеличением загрязнения окружающей среды осуществляется переход на более чистые источники энергии, одним из которых является природный газ.

Объемы собственной добычи природного газа гораздо ниже потребления, как в абсолютном выражении, так и по темпам прироста (график 4). Впервые потребление превысило добычу в 2007 г. С целью обеспечения своих потребностей Китай стал активно наращивать объемы импорта природного газа. В 2015 г. коэффициент зависимости от импортных поставок составлял 32%. Государство диверсифицирует источники импортных поставок, чтобы гарантировать энергетическую безопасность страны. Импорт осуществляется двумя путями: по трубопроводам (56%) и по морю в виде СПГ (44%). Крупнейшим поставщиком является Туркменистан³⁸.

График 4. Динамика потребления и добычи природного газа, млрд куб. м. Темпы их прироста, %

Составлено автором по: URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

В оценке перспектив потребления природного газа в КНР до 2020 г. наблюдаются значительные расхождения. Обобщение ряда прогнозов,

³⁸ BP Statistical Review of World Energy 2016. P. 28.

сделанных в конце 2013 г., дало на конец 13-й пятилетки диапазон от 216 до 469 млрд куб. м³⁹. Что касается прогнозов последнего времени, особого внимания заслуживают три сценария, предложенные Институтом экономических и технологических исследований CNPC. Прогнозные значения потребления в 2020 г. составляют 260, 290 и 320 млрд куб. м. Отметка в 290 млрд куб. м будет достигнута при средних ежегодных темпах роста потребления на уровне 8,6%⁴⁰. Такие темпы роста вполне возможны, учитывая увеличение потребления после последнего раунда понижения цен на газ в 2015 г. (см. выше). Население и отрасли народного хозяйства будут использовать 320 млрд куб. м, если государство начнет проводить мощную стимулирующую политику⁴¹. Согласно «13-му пятилетнему плану по развитию газовой промышленности», объем потребления природного газа может достигнуть 360 млрд куб. м⁴².

Несмотря на тенденцию к снижению энергозатрат, это не сильно отразится на газовом секторе. Исходя из исследования CNPC, основными драйверами роста потребления будут электроэнергетика, транспорт и коммунально-бытовое хозяйство. А в промышленности, согласно Департаменту промышленности, инноваций и науки австралийского правительства, газ будет задействован главным образом в менее энергоемких отраслях, таких как производство компьютеров, электронных компонентов и коммуникационного оборудования⁴³.

Таблица 4

Темпы прироста потребления природного газа по секторам в 2016–2020 гг.

Сектор	Общие темпы прироста за 2016–2020 гг., %
Промышленность	32,9
Коммунально-бытовой	40,5
Тепло-и электроэнергетика	81
Транспортный	70

Составлено автором по: Jiang, Xuefeng. China's Natural Gas Market Overview. P. 20.

В соответствии с «13-м пятилетним планом по развитию газовой промышленности», доля природного газа в первичном потреблении энергоресурсов будет колебаться в диапазоне 8,3–10%⁴⁴ (в настоящее время — 5,9%⁴⁵), что по-прежнему намного ниже среднемирового уров-

³⁹ Динамика роли газа в энергобалансе Китая // Энергетический бюллетень Аналитического центра при правительстве РФ. 2015. № 28. С. 17.

⁴⁰ Jiang Xuefeng. China's Natural Gas Market Overview. P. 20.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Tianranqi fazhan shisan wu guihua. P. 25.

⁴³ Liu, Jin; Peng, Xiujian and Adams, Philip. Key factors affecting changes in China's demand for liquefied natural gas. Canberra, 2016. P. 42.

⁴⁴ Tianranqi fazhan shisan wu guihua. P. 11.

⁴⁵ Zhongguo tongji nianjian 2016. Tab. 9–2 (электронный вариант). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm>

ня — 23,8%⁴⁶. Столь небольшая доля природного газа в энергобалансе страны и огромный процент использования угля отличает Китай от многих других государств, в которых наблюдается обратная ситуация. Помимо стремления защитить окружающую среду это связано с тем, что в большинстве стран мира цены на уголь выше цен на газ, поэтому голубое топливо там дешевле и доступнее⁴⁷. С этой точки зрения Китай занимает специфическое, можно даже сказать, уникальное положение. Однако вместе с дерегулированием цен на уголь в КНР в 2000-е годы его ценовое преимущество постепенно пропадает⁴⁸, к тому же местные власти планируют ввести налог на использование угля на электростанциях⁴⁹. Проблемы экологии обострились до такой степени, что китайское правительство вынуждено принимать меры по ограничению доли угля и увеличению доли газа в общем потреблении первичной энергии.

Список источников и литературы

1. Динамика роли газа в энергобалансе Китая // Энергетический бюллетень Аналитического центра при правительстве РФ. 2015. № 28. С. 14–17.
2. *Кульпина В.П.* Структура энергетического потребления в китайской экономике и ценовая конкуренция видов топлива. М., 2013. 62 с.
3. *Кушкина К.* ТЭК Китая устами китайцев: итоги 2013 и планы 2014 // Нефтегазовая Вертикаль. 2014. № 7. С. 4–12.
4. *Махнева А. и Козлов П.* «Газпром» может построить в Китае подземные хранилища газа и газовые электростанции [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/22/646277-gazprom-mozhet-postroit-kitae-podzemnie-hranilishcha-gaza-gazovie-elektrostantsii>
5. *Петелин Е.Н.* Как реформа ценообразования на природный газ повлияет на газовый сектор Китая? // Аналитические обзоры Института энергетики НИУ ВШЭ. М., 2016. 13 с.
6. Почему будущее — это природный газ, а не уголь [Электронный ресурс] // pro-gas. ru. URL: http://www.pro-gas.ru/persp/news_publish/1110.htm
7. BP Statistical Review of World Energy 2016 [Электронный ресурс]. URL: bp.com/statistical-review
8. Bureau of Economic Operations Adjustment under NDRC. URL: <http://yxj.ndrc.gov.cn/>
9. *Chen M.* The Development of Chinese Gas Pricing: Drivers, Challenges and Implications for Demand. Oxford, 2014. 46 p.
10. In 12 Years, China built more houses than there are in all of the U.K. [Электронный ресурс] // The New Republic. URL: <https://newrepublic.com/article/119225/china-megacities-may-lead-real-estate-meltdown-shanghai-beijing>
11. *Jiang Xuefeng.* China's Natural Gas Market Overview [Электронный ресурс] // CNPC Economics & Technology Research Institute. 2016. 29 p. URL: <http://www.uschinaogf.org/Forum16/pdf/1.1%201000%20CNPC%20EN.pdf>
12. *Li Xin.* Natural gas in China: a regional analysis. Oxford, 2015. 34 p.
13. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>

⁴⁶ BP Statistical Review of World Energy 2016. P. 23.

⁴⁷ URL: http://www.pro-gas.ru/persp/news_publish/1110.htm

⁴⁸ См.: *Кульпина В.П.* Структура энергетического потребления в китайской экономике и ценовая конкуренция видов топлива. М., 2013. С. 48.

⁴⁹ См.: *Петелин Е.Н.* Как реформа ценообразования на природный газ повлияет на газовый сектор Китая? С. 11.

14. *Paltsev S. and Zhang D.* Natural Gas Pricing Reform: Getting Closer to a Market System? Cambridge: Massachusetts Institute of Technology. 2015. 26 p.
15. *Wang Tao.* Natural Gas in China's Transport Sector [Электронный ресурс] // Сайт Gas Technology Institute. 19 p. URL: <http://www.gastechnology.org/Training/USChinaShaleWrkshps/March2016/CBN-Tao-Wang-Transportation-Mar2016-EN.pdf>
16. Nengyuan lan pi shu. Zhongguo nengyuan fazhan baogao 2015 (Голубая книга «Отчет об энергетическом развитии Китая 2015») / Под ред. Цуй Миньсюаня, Ван Цзюньшэна, Чэнь Ихэ. Пекин, 2015. 422 с.
17. Tianranqi fazhan shisan wu guihua (13-й пятилетний план по развитию газовой промышленности») [Электронный ресурс] // ГКПП. URL: http://bgt.ndrc.gov.cn/zcfb/201211/t20121115_515431.html
18. Tianranqi liyong zhengce («Политика использования природного газа») [Электронный ресурс]// ГКПП. URL: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbl/201210/t20121031_511891.html
19. Zhongguo nengyuan tongji nianjian 2015 (Китайский энергетический статистический ежегодник 2015) / Guojia tongjiju Nengyuan tongjisi (Энергетический статистический отдел Государственного статистического управления КНР). Пекин, 2015. 362 с.
20. Zhongguo tongji nianjian 2016 (Китайский статистический ежегодник 2016) — Tab. 9–2; 10–16 (электронный вариант). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm>

Anastasiya V. Baraboshkina

THE DYNAMICS AND STRUCTURE OF NATURAL GAS CONSUMPTION IN CHINA

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

Nowadays, China is one of the world's fastest-growing economies and the largest energy consumer. The rapid development of China has resulted in the situation, when the country is on the brink of environmental collapse. In order to improve China's environment, it is necessary to change the structure of energy consumption. Natural gas is a high-quality, highly efficient, clean and low-carbon energy source. It plays an important role in the diversification and optimization of China's coal-dominated energy mix. Different official documents state, that coal-to-gas switching is an integral part of the implementation of China's low-carbon development strategy and a key element in the country's transition to a sustainable energy system. This paper focuses on the gas consumption dynamics and structure both by sectors and regions. It also characterizes forecasts in this sphere for the 13th Five-Year term (2016–2020).

Key words: China; natural gas; consumption.

About the author: *Anastasiya V. Baraboshkina* — M.A. student, Department of economics and economic geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a_gavrikova@bk.ru).

References

1. *Dinamika roli gaza v jenergobalanse Kitaja* (The dynamics of natural gas role in the energy mix of China). Energeticheskij bjulleten' Analiticheskogo centra pri pravitel'stve RF, 2015, № 28, pp. 14–17.
2. Kul'pina V.P. *Struktura jenergeticheskogo potreblenija v kitajskoj jekonomike i cenovaja konkurencija vidov topliva* (The structure of energy consumption in China's economy and price competition between fuels). M., 2013, 62 p.
3. Kushkina K. *TJeK Kitaja ustami kitajcev: itogi 2013 i plany 2014* (The fuel and energy complex in China's interpretation: results of 2013 and plans for 2014). Neftegazovaja Vertikal', 2014, № 7, pp. 4–12.
4. Mahneva A. i Kozlov P. «Gazprom» mozhет postroit' v Kitae podzemnye hranilishha gaza i gazovye jelektrostantsii ("Gazprom" can build underground gas storage facilities and gas power plants in China) [Electronic resource]. "Vedomosti". URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/22/646277-gazprom-mozhet-postroit-kitae-podzemnie-hranilishha-gaza-gazovie-elektrostantsii>
5. Petelin E.N. *Kak reforma cenoobrazovanija na prirodnyj gaz povlijaet na gazovyj sektor Kitaja?* (How will the natural gas price reform affect China's gas sector?). Analiticheskie obzory Instituta jenergetiki Vyshej shkoly jekonomiki. M., 2016. 13 p.
6. *Pochemu budushhee — jeto prirodnyj gaz, a ne ugol'* (Why the future is natural gas, not coal) [Electronic resource], pro-gas. ru. URL: http://www.pro-gas.ru/persp/news_publish/1110.htm
7. *BP Statistical Review of World Energy 2016* [Electronic resource]. URL: bp.com/statistical-review
8. *Bureau of Economic Operations Adjustment under NDRC*. URL: <http://yxj.ndrc.gov.cn/>
9. Chen M. *The Development of Chinese Gas Pricing: Drivers, Challenges and Implications for Demand*. Oxford, 2014, 46 p.
10. *In 12 Years, China built more houses than there are in all of the U.K.* [Electronic resource]. The New Republic. URL: <https://newrepublic.com/article/119225/china-megacities-may-lead-real-estate-meltdown-shanghai-beijing>
11. Jiang Xuefeng. China's Natural Gas Market Overview [Electronic resource]. CNPC Economics & Technology Research Institute. 2016, 29 p. URL: <http://www.uschinaogf.org/Forum16/pdf/1.1%201000%20CNPC%20EN.pdf>
12. Li Xin. *Natural gas in China: a regional analysis*. Oxford, 2015, 34 p.
13. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>
14. Paltsev S. and Zhang D. *Natural Gas Pricing Reform: Getting Closer to a Market System?* Cambridge, 2015, 26 p.
15. Wang T. *Natural Gas in China's Transport Sector* [Electronic resource]. Gas Technology Institute, 19 p. URL: <http://www.gastechnology.org/Training/USChinaShaleWrkshps/March2016/CBN-Tao-Wang-Transportation-Mar2016-EN.pdf>
16. *Nengyuan lan pi shu. Zhongguo nengyuan fazhan baogao 2015* (Annual Report on China's Energy Development 2015), ed. by Cui Minxuan, Wang Junsheng, Chen Yihe. Beijing, 2015, 422 p.
17. *Tianranqi fazhan shisan wu guihua* (The 13th Five-Year Plan for Natural Gas Development) [Electronic resource]. NDRC. URL: http://bgt.ndrc.gov.cn/zcfb/201211/t20121115_515431.html
18. *Tianranqi liyong zhengce* (The policy of natural gas usage) [Electronic resource]. NDRC. URL: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbl/201210/t20121031_511891.html
19. *Zhongguo nengyuan tongji nianjian 2015* (China energy statistical yearbook 2015), ed. by Guojia tongjiju Nengyuan tongjisi. Beijing, 2015, 362 p.
20. *Zhongguo tongji nianjian 2016* (China statistical yearbook 2016). Tab. 9–2; 10–16. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2016/indexch.htm>

**Указатель статей и материалов,
опубликованных в журнале «Вестник Московского
университета. Серия 13. Востоковедение» в 2017 г.**

	№	С.
ИСТОРИЯ		
<i>Зарубина Е.Д.</i> Особенности цитат в рукописи итальянско-еврейской гадательной книги середины XVI века	2	26
<i>Кобищанов Т.Ю.</i> «Греческий проект» Екатерины II и Сирия	2	3
<i>Козлова А.А.</i> Садово-архитектурные комплексы как индикатор состояния Могольской империи	3	46
<i>Краюшкин Н.Р.</i> Духовные лица Османского Египта (по материалам трактата сирийского суфия 'Абд Аль-Гани Ан-Наблуси [1641–1731])	2	38
<i>Круглова М.С.</i> Маттео Рипа: миссионер при дворе императора Канси	3	61
<i>Наливайко О.А.</i> Забытые имена эпохи Мэйдзи: Гэнсай Мураи	3	76
<i>Панова О.С.</i> Сочинение «Оценки прославленных художников эпохи Сун» и его место в китайской знаточеской традиции	1	82
<i>Панченко К.А.</i> К истории христианско-мусульманских отношений при мамлюках-бурджитах	1	18
<i>Sahakyan Mher.</i> China's Policy on the DPRK's Nuclear Issue: Cooperation and Disagreements with the US and Russia	1	39
<i>Скосырев В.</i> Восприятие концепции демократии современными китайскими мыслителями	1	94
<i>Соловьева Д.В.</i> Джихад в Марокко: инструмент легитимации власти ранних алауитов (XVII–XVIII вв.)	2	48
<i>Спектор И.Б.</i> Политическая жизнь Дели: истоки формирования анти-конгрессистской оппозиции в независимой Индии	1	70
<i>Старикова М.Н.</i> Женское образование в мусульманской среде (на примере индийского штата Уттар-Прадеш)	3	87
<i>Чедия А.Р.</i> Тарихи как источник по истории османских владений на Западном Кавказе	1	56
ЭКОНОМИКА		
<i>Meliantsev V.A.</i> A Few Remarks on Recent Trends and Factors of LDCS' Macroeconomic and Social Performance	1	3
<i>Барaboишкина А.В.</i> Динамика и структура потребления природного газа в Китае	4	96
<i>Бойцов В.В.</i> Основные тенденции и особенности процесса глобализации в Юго-Восточной Азии	4	40
<i>Бочарова Л.С.</i> Арабские страны в мировом тренде развития атомной энергетики	4	49
		111

	№	С.
<i>Горюжанкина А.А.</i> Благоприятные факторы и ограничения экономического развития Республики Корея на современном этапе	2	63
<i>Касимовская Е.Н., Диденко М.П., Кобозев Я.С.</i> Глобализация, страновые риски и экономический рост в странах Азии и Африки: количественные сравнения	4	56
<i>Матюнина Л.Х.</i> Финансовые рынки стран АСЕАН-4: 20 лет после Азиатского кризиса	4	68
<i>Тимонина И.Л.</i> Япония: стратегия продвижения креативных отраслей за рубеж	4	29
<i>Ульченко Н.Ю.</i> К вопросу о трансформации истоков турецких финансово-экономических кризисов в условиях глобализации	4	16
<i>Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б.</i> Китай и США в мировом экономическом пространстве XXI в.	4	3
<i>Цветкова Н.Н.</i> Новые тенденции в глобализации и ТНК из стран Востока	4	86

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Гулидова Д.Н.</i> К проблеме разграничения корневых и добавочных элементов арабского слова (на материале трактата Ибн Йа'иша «Шарх ал-муфассал»)	3	18
<i>Зарипов И.А.</i> Комментарий Джалалайн к 77-й суре «Посылаемые» ...	2	85
<i>Рамазанов З.Р.</i> Экзегетическая традиция о предопределении судьбы человека в Коране (на основе комментария Ибн Касира)	2	97
<i>Strelkova G.V.</i> “Ramayana” and Modern Hindi Literature	3	3
<i>Ульянова К.А.</i> Сопоставительный анализ употребительных выражений делового и разговорного стилей китайского языка	3	30

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Стремовская А.Л.</i> К у т о в о й Е.Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.; СПб.: Нестор-История, 2016	1	110
---	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Громова Н.В., Громов М.Д.</i> 30-летний юбилей Международной конференции по языку и культуре суахили в Германии	3	100
<i>Карнеев А.Н., Ломанов А.В., Новакова О.В., Цветов П.Ю.</i> Круглый стол: «“Азиатские ценности” и современная политика стран АТР»	3	104
<i>Новакова О.В., Кукушкина Е.С.</i> О проекте «Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность» в ИСАА МГУ	2	109

ПАМЯТИ...

Дмитрий Михайлович Насилов	3	108
Дмитрий Николаевич Воскресенский	3	111